

ВЕСТНИК НИЖНЕВАРТОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Журнал издается с 2008 года

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-55479 от 25 сентября 2013 г.

СОДЕРЖАНИЕ

МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ И ИСТОРИОГРАФИЯ

Н.В. Сапожникова

Прошлое человечества и настоящее в человеке:
между «негационизмом» и памятью, методологией и исторической «лентой Мёбиуса» 3

В.И. Гребенюков

Энеолит как понятие археологической периодизации и систематизации
в отечественной историографии (до конца 80-х гг. XX века) 7

М.В. Стрелец

Историческая германистика в советской и постсоветской Беларуси:
вклад исследовательского корпуса в разработку важных научных проблем 15

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Я.Г. Солодкин

К истории русской публицистики первых «послесмутных» лет 20

В.Д. Пузанов

Военная организация Туринского уезда в XVII в. 25

В.В. Цысь, О.П. Цысь

Состав и структура отделов Императорского Православного Палестинского общества
в Западной Сибири в конце XIX — начале XX вв. 31

В.В. Митрофанов

«Поддержите насколько можно наше ходатайство»: роль С.Ф. Платонова в судьбе Тверского музея 39

А.Б. Храмов

Журнал «Вестник полиции» как исторический источник (1907—1917 гг.) 43

В.В. Цысь

Сургут под властью участников Западно-Сибирского крестьянского восстания 1921 года 49

С.В. Еремин

Улучшение советско-германских отношений в августе—сентябре 1939 г.
в оценке рядовых советских граждан 54

Л.В. Алексеева

К вопросу о численности спецпереселенцев в Ханты-Мансийском
и Ямало-Ненецком округах в годы Великой Отечественной войны 62

А.И. Прищеп

Еще раз о первом генеральном плане застройки Сургута 65

Е.В. Бодрова, М.Н. Гусарова, В.В. Калинов

Развитие нефтегазового комплекса России в 1990-е гг. 69

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

М.М. Чорев

К вопросу об атрибуции двух моливдовулов из Юго-Западного Крыма 74

В.Н. Ерохин

Томас Кранмер — деятель эпохи Реформации в Англии 82

Л.В. Василенко

Развитие авианосного флота США и СССР после окончания второй мировой войны 87

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Л.В. Алексеева, В.В. Цысь

Об итогах работы международной научно-практической конференции
«Югра, Сибирь, Россия: политические, экономические, социокультурные аспекты прошлого и настоящего»,
состоявшейся 24—26.10.2013 г. в ФГБОУ ВПО «Нижневартровский государственный университет» 93

Главный редактор

Горлов С.И., доктор физико-математических наук, профессор
(г.Нижневартовск)

Заместители главного редактора

Карпов А.К., кандидат филологических наук, профессор
(г.Нижневартовск)

Коричко А.В., кандидат педагогических наук, доцент
(г.Нижневартовск)

Ответственный редактор

Солодкин Я.Г., доктор исторических наук, профессор
(г.Нижневартовск)

Секретарь

Зубов В.Н., старший преподаватель

Члены редакционной коллегии

Абрамов А.В., доктор педагогических наук, профессор
(г.Нижневартовск)

Бурханов Р.А., доктор философских наук, профессор
(г.Нижневартовск)

Ваграменко Я.А., доктор технических наук, профессор
(г.Москва)

Ерохин В.Н., доктор исторических наук, доцент
(г.Нижневартовск)

Нурбеков Бакыт Жаксылыкович, доктор педагогических наук, профессор (г.Астана, Республика Казахстан)

Ибрагимова Л.А., доктор педагогических наук, профессор
(г.Нижневартовск)

Игнатьев М.Б., доктор технических наук, профессор
(г.Санкт-Петербург)

Grabowska Magdalena, кандидат экономических наук
(г.Плоцк, Польша)

Kludacz Magdalena, кандидат экономических наук, доцент
(г.Плоцк, Польша)

Krzetowska Agnieszka, кандидат экономических наук, доцент
(г.Плоцк, Польша)

Культышева О.М., доктор филологических наук, доцент
(г.Нижневартовск)

Михайлова О.Ю., доктор психологических наук, профессор
(г.Нижневартовск)

Медведев С.С., доктор биологических наук, профессор
(г.Санкт-Петербург)

Рянская Э.М., доктор филологических наук, доцент
(г.Нижневартовск)

Соколов С.Н., доктор географических наук, доцент
(г.Нижневартовск)

Усманов И.Ю., доктор биологических наук, профессор
(г.Уфа)

Цысь В.В., доктор исторических наук, доцент
(г.Нижневартовск)

Editor-in-Chief

Gorlov S.I., Doctor of Physics and Mathematics, Professor
(Nizhnevartovsk)

Deputy Editors

Karpov A.K., Candidate of Philological Sciences, Professor
(Nizhnevartovsk)

Korichko A.V., Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor
(Nizhnevartovsk)

Executive editor

Solodkin I.G., Doctor of Historical Sciences, Professor
(Nizhnevartovsk)

Secretary

Zubov V.N., senior lecturer

Editorial Board

Abramov A.V., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor
(Nizhnevartovsk)

Burkhanov R.A., Doctor of Philosophical Sciences, Professor
(Nizhnevartovsk)

Vagramenko I.A., Doctor of Technical Sciences, Professor
(Moscow)

Erokhin V.N., Doctor of Historical Sciences, Professor
(Nizhnevartovsk)

Nurbekov Bakyt Zhaksylykovich, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Astana, Republic of Kazakhstan)

Ibragimova L.A., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor
(Nizhnevartovsk)

Ignatyev M.B., Doctor of Technical Sciences, Professor
(Saint Petersburg)

Grabowska Magdalena, Ph.D. in Economics
(Plock, Poland)

Kludacz Magdalena, Ph.D. in Economics, Assistant Professor
(Plock, Poland)

Krzetowska Agnieszka, Ph.D. in Economics, Assistant Professor
(Plock, Poland)

Kultyшева O.M., Doctor of Philological Sciences, Professor
(Nizhnevartovsk)

Mikhailova O.Y., Doctor of Psychological Sciences, Professor
(Nizhnevartovsk)

Medvedev S.S., Doctor of Biological Sciences, Professor
(Saint Petersburg)

Ryanskaya E.M., Doctor of Philological Sciences, Associate Professor
(Nizhnevartovsk)

Sokolov S.N., Doctor of Technical Sciences, Associate Professor
(Nizhnevartovsk)

Usmanov I.Y., Doctor of Biological Sciences, Professor
(Ufa)

Tsys V.V., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor
(Nizhnevartovsk)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-55479 от 25 сентября 2013 г.

Учредитель: ФГБОУ ВПО «Нижневартовский государственный университет»

Адрес редакции: 628605, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, г. Нижневартовск, ул. Ленина, 56.

Изд. лиц. ЛР № 020742. Подписано в печать 01.06.2014

Формат 60×84 1/8. Бумага для множительных аппаратов

Гарнитура Times. Усл. печ. листов 12. Тираж 1000 экз. Заказ 1570

Отпечатано в Издательстве Нижневартовского государственного университета

628615, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, г.Нижневартовск, ул.Дзержинского, 11

Тел./факс: (3466) 43-75-73, E-mail: izdatelstvo@nggu.ru

ISSN 2311-1402

© Нижневартовский государственный университет, 2014

МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ И ИСТОРИОГРАФИЯ

УДК 930.2

Н.В.Сапожникова
Нижевартовск, Россия

N.V.Sapozhnikova
Nizhnevartovsk, Russia

ПРОШЛОЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА И НАСТОЯЩЕЕ В ЧЕЛОВЕКЕ: МЕЖДУ «НЕГАЦИОНИЗМОМ» И ПАМЯТЬЮ, МЕТОДОЛОГИЕЙ И ИСТОРИЧЕСКОЙ «ЛЕНТОЙ МЁБИУСА»

THE PAST OF HUMANITY AND THE PRESENT IN HUMANS: DENIALISM VS. MEMORY, METHODOLOGY VS. HISTORICAL «MÖBIUS STRIP»

Аннотация. Осмысление места и роли исторической памяти и методологии истории в условиях глобализации в исторической науке и человеческой судьбе.

Ключевые слова: историческая память; исторический генофонд поколений; методология истории.

Сведения об авторе: Сапожникова Наталия Васильевна, доктор философских наук, кандидат исторических наук, профессор кафедры истории России.

Место работы: Нижевартовский государственный университет.

Abstract. Understanding the place and role of historical memory and methodology of history in the historical science and human destiny set in the age of globalization.

Key words: historical memory; historical «gene pool» of generations; methodology of history.

About the author: Natalia Sapozhnikova, Doctor of Philosophical Sciences, Candidate of Historical Sciences, Professor at the Department of History of Russia.

Place of employment: Nizhnevartovsk State University.

Контактная информация: 628605, Ханты-Мансийский округ — Югра, г. Нижневартовск, ул. Ленина, д. 56; тел.: (3466)273510.

E-mail: roshist@mail.ru

Как известно, для обнаружения часового механизма, отсчитывающего время до взрыва, объявляется минута тишины. История также нуждается в подобной «хроно-рекогносцировке» и остановке на мгновение все ускоряющегося бега человечества по «цивилизационному кругу». В 1895 г. в Петербурге вышел перевод книги знаменитого венского психиатра Рихарда фон Крафт-Эбинга «Наш нервный век. Популярное сочинение о здоровых и больных нервах». Автор в мрачном свете оценивал настоящее и будущее цивилизации, научно-техническое развитие которого виделось ему причиной необратимо пагубных для личности последствий. Свой прогноз по этому поводу много позже дал поэт Андрей Вознесенский: «Все прогрессы реакционны, если рушится человек» [3. С. 39].

Наш современник «размагничен» иллюзией всемогущества и власти над природой, которая становится «нано-пробирочной» и генно-модифицированной. Удаляясь по «эллипсоидной дуге» истории от истинного своего предназначения в контексте «формулы» Василия Великого, человечеству необходимо помнить о том, что «Бог стал Человеком, чтобы Человек стал Богом» с ответственностью за каждый совершенный шаг. Специфическим «шагометром» является историческое прошлое. И «нет ничего греховнее предательства памяти. Когда человечество забывает историю, подлинную историю, а не придуманную ленивыми неудачниками от политики, карликами, лишенными интеллигентности, тогда начинается болото, гниение, застой», — был убежден писатель Юлиан Семенов [5. С. 481].

Говоря о таинстве человеческой памяти, Аврелий Августин (354—430) в «Исповеди» восклицал: «Велика сила памяти; не знаю, Господи, что-то внушающее ужас есть в многообразии ее бесчисленных глубин. И это моя душа, это я сам» [2. С. 8]. Хотя вопрос «исторического баланса», обращенный к сегодняшнему дню — «как не стереть историю», упиваясь иллюзией свободного полета «воздушного шарика объективности» [1], — как никогда актуализирован. Человек оказался по-настоящему беззащитным перед Прошлым, которое имеет власть не только над его личной судьбой, но «смыслом и предназначением

истории» в жизни целых поколений. Восторгаясь таинством глубин необъятного Космоса, мы забываем, используя компьютерную лексику, ту историческую «материнскую плату», которая и позволила России состояться «здесь и сейчас».

Исследовательские резервы исторического познания в современных условиях реформирования высшей школы России оказались парадоксально свернуты, а сама история востребована лишь в качестве одной из форм риторико-идеологической прагматики, время от времени ангажируемой политическим заказом. Формирование «логистик — идеологем» исторической трансформации российской государственности — от царской империи к советской, российской федеративной модели с тенденцией возврата к самодержавной — уже не кажутся столь вызывающе спорными. Это скорее «рабочий момент» дискуссионного обсуждения вопроса политической эволюции де-факто с его «pro et contra».

Как показывает опыт, в российской истории возможно абсолютно все. В том числе разноплановость оценок «с точностью до наоборот» как роли личности, так и форм ее историко-политологической идентичности и способов исторической презентации в рамках осовремененного концептуального многообразия, заимствованного у прошлых эпох с их мировосистемностью, неоевразийством, неоконсерватизмом, россиицентризмом, вплоть до русской евгеники и т.п.

Данная ситуация напоминает эффект «ленты Мебиуса» с существованием точки «возврата на круги своя» вновь и вновь. Геополитическое позиционирование нового евразийского образа России начала третьего тысячелетия в его зазеркальной проекции между Западом и Востоком с неизбежностью актуализирует плехановский «слоган» XIX века: «От какого наследства мы отказываемся». В крайне противоречивых условиях развития осовремененного, но по сути все еще традиционного российского общества с его негационизмом по отношению к собственному прошлому и настоящему вновь заявила о себе проблема определения места и роли исторической науки с мнимой ее «ущербностью в части научной объективности». Вопрос лишь в том, как бы «восстановленный» научным невежеством очередной «исторический баланс» не привел в условиях глобализации к новому разрушительному безвременью с непредсказуемыми его итогами.

Между тем «прошедшее» обнаруживает свое «присутствие в настоящем» в виде определенной «перекодировки» коллективной памяти с сохранением письменных свидетельств о нем в форме аутентичных документальных материалов, либо создаваемых по «отсроченным» событийно-временным следам с ретроспективной дистанцией в «одну человеческую жизнь» асинхронных воспоминаний и мемуаров. Эти источники соседствуют с «синхронными» дневниками, записками и письмами, где авторская наблюдательность соседствует с избирательной оригинальностью отношения к фиксируемым фактам, событиям, именам, настроениям, морально-этическим установкам, порой становясь «анамнезом» не только прошлого, но и будущего. Знаменитый русский советский писатель и литературовед Виктор Шкловский (1893—1984), получив запрет любимой им женщины «писать о любви», в своей книге «Зоо, или Письма не о любви, или Третья Элоиза» в «зоосаде» человеческих страстей, характеров, судеб русской эмиграции знаменитой «эпохи 1922 года» воссоздает проекцию потерявшейся в хаосе разбалансированного «не-любовью» мира неприкаянной человеческой души, которой именно «эпистолярный ритм» существования позволяет быть услышанной на отдаленной временной проекции.

Французский методолог М.Эмар когда-то справедливо замечал, что история должна быть открыта для всех направлений мысли и гипотез, выдвигаемых другими дисциплинами, которые тоже изучают общество. А ее методы, так же как и способы постановки вопросов, подчеркивал он, должны быть в значительной степени обновлены [6. С. 15]. И хотя эти позиции были заявлены еще в середине 1990-х гг., до сего дня они все столь же актуальны и злободневны. Равно как и понимание значимости обогащения методологической палитры и экспертно-аналитического инструментария с использованием комплекса методов исторического анализа с неизбежным расширением сознания самого исследователя, активацией его

эвристического интереса к жизни, способного работать с информацией, которая не всегда может быть получена через прямой контакт с текстом, требуя психолингвистической и герменевтической интерпретаций.

Сегодня пришло понимание смысловой и денотативной многомерности самих источников, важности сочетания многих их видов, особенно тех, которые обойдены вниманием традиционной (тотальной) истории. Поэтому особое внимание следует уделять нетрадиционным направлениям исследования — микро- и устной истории со специфическим источниковым багажом, где причинность (каузальность) нельзя просто постулировать — ее следует доказательно искать, не забывая, по словам Ле-Гоффа, что такое человечность. В том числе, сквозь призму ментальности, изменчивой как сама жизнь, а с другой стороны — достаточно устойчивой константы моделей исторического поведения, эмоций и настроений, опирающихся на глубинные основы социальной психологии, присущие данному обществу, данной культурной традиции в данной хронопроекции. Это до известной степени оказалось приближено к понятию «историческая картина мира». Хотя сегодня наука отошла от унификационного ее единства, ведя речь о множественной вариабельности, в том числе на уровне методологии познания и методов исследования, включая синергетику, семиотику, семантику, антропологическую и историческую психолингвистику. Сами слова, настаивал один из «столпов» «Школы Анналов» Л.Февр, насыщены человеческой сутью. И у каждого из этих слов — своя история, каждое в разные эпохи звучит по-разному.

В свою очередь это создает определенные трудности методологического порядка с относительной размываемостью понятийного аппарата самой исторической науки (методология, эпистемология, позитивизм, постпозитивизм, синхронизация, асинхронизация и т.д.); появлением новых предметных областей научного интереса (например, ментальности «бездомствующего большинства»; смысловой и поведенческой «исторической логистики»; исторической конфликтологии); проблемой обработки колоссального массива накопленных нарративных источников и его систематизации. Да и сам характер русской истории с его прерывистостью и дискретностью (Н.Бердяев) предполагает «новое прочтение» так называемого «описательного метода» (который нередко в среде историков ассоциируется с примитивизацией исследовательского подхода!) как «опыта “густой” интерпретации» источника с подлинной игрой смыслов, аргументационной доказательностью приемов ситуационной и текстовой аналитики. Это позволяет надеяться не только на успешный поиск так называемой «оптимальной методологии», но и сохранение генофонда методу. Особенно военной истории.

Обнадеживает то, что задача формирования «общенационального банка исторической памяти» в части сбора и уточнения истинной численности жертв Великой Отечественной войны была публично заявлена в конце 2013 г. центральным каналом российского ТВ в форме прямого обращения к населению с указанием адресного интернет-портала. Поэтому вышеназванный телепроект, пусть и с опозданием, решает принципиально важные историко-цивилизационные задачи — ответственности потомков перед Историей предков и Памятью о них. К сожалению, до сего дня (а прошло уже почти 70 лет после Великой Победы!) все еще существуют в истории «закрытые темы», в том числе история советских штрафных подразделений в годы Великой Отечественной войны. И это было вновь повторено с экранов центрального телеканала 9 мая 2014 года.

И в этом плане переплетение человеческих судеб порой становится наглядной демонстрацией механизма развертывания исторической детерминанты на уровне все той же «ленты Мёбиуса», столь причудливо подтверждающей, что История, как хорошая хозяйка, со временем, действительно, ВСЁ расставляет на свои места. Именно так произошло в судьбе известного ученого-психолога, академика Л.А.Китаева-Смыка¹, когда-то первым испытавшего на себе действие барокамеры в космическом Звездном городке и давшего

---

¹ Автору статьи посчастливилось познакомиться с Л.А.Китаевым-Смыком и общаться с ним в Переделкино в 2002 г.

научное описание психических состояний человека в условиях невесомости. Ему принадлежит опубликованный в Интернете доклад «Прозрения войны: мудрец из Коктебеля», подготовленный для Международной научно-практической конференции «Мой дом открыт навстречу всех дорог...» к столетию Дома поэта Максимилиана Волошина в Коктебеле (7—13 сентября 2003 г. Крым, Украина) [4].

В своем выступлении Леонид Александрович привел поразительный пример из истории своей семьи. В 1920 г. его отец Александр Смык был комиссаром 1-й Конной армии, участвовавшей в освобождении Крыма и разгроме «Русской Армии» барона Врангеля. Согласно служебному регламенту, он иногда замещал председателя «тройки» военного трибунала в Ялте. В расстрельных списках он увидел фамилию известного писателя Викентия Вересаева и приказал привести к себе. Во время их беседы, продолжавшейся два с половиной часа, отец вычеркнул из списков это имя. Жизни еще 39 человек, в том числе поэта Серебряного века Максимилиана Александровича Кириенко-Волошина, по его рекомендации были также спасены. За это «преступление» (как и за то, что «упустил» задержанного по секретному приказу ЧК «батьку» Махно Н.И., армия которого сыграла решающую роль в освобождении Крыма) уже сам А.Смык был приговорен к расстрелу «тройкой» военного трибунала. Его боевые друзья добились, чтобы из Москвы пришло распоряжение отконвоировать подозреваемого для доследования «преступной» деятельности в г.Ростов-на-Дону, где конвоиров ждала телеграмма из Москвы: «Конвой поступает в распоряжение А.Смыка». Он отослал своих конвоиров обратно в Крым, а сам поехал в Москву.

Однако железнодорожное движение оказалось полностью парализованным. Среди воинских эшелонов оказался и бронепоезд Красной Армии. Воспользовавшись этим, отряды донских казаков лихого атамана Николая Шавского напали на эшелоны. Взяв командование на себя, А.Смык приказал сбросить с одной железнодорожной колеи стоявшие впереди вагоны и пустить по ней свой бронепоезд, который смог своевременно отбить казачий набег атамана. Леонид Александрович Китаев-Смык попросил прощения у жертв крымского террора и их потомков за своего отца. Самое удивительное, что у правнуков Александра Смыка, «отпрыска запорожцев», прапрадедушкой по материнской линии оказался тот самый разудалый казачий атаман Николай Шавской: спустя десятилетия потомки Н.И.Шавского и А.Е.Смыка оказались породненными. «Лента Мёбиуса», описав очередную «методологическую петлю», восстановила историческое равновесие. В российской истории и человеческих судьбах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ананченко А. История опасна, как ядерная физика // Профиль. Еженедельный журнал. 2008. № 32 (587).
2. Бердинских В. Ремесло историка в России. М., 2009.
3. Буянов М.И. Беседы о детской психиатрии: Книга для учителя. М., 1986.
4. Китаев-Смык Л.А. Прозрения войны: мудрец из Коктебеля. URL: <http://www.kitaev-smyk.ru/node/47>.
5. Семенов Ю. Экспансия П. М., 1994.
6. Эмар Э. Образование и научная работа в профессии историка: современные подходы // Исторические записки. Теоретические и методологические проблемы исторических исследований. М., 1995. Вып. 1 (119).

**ЭНЕОЛИТ
КАК ПОНЯТИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ
ПЕРИОДИЗАЦИИ И СИСТЕМАТИЗАЦИИ
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
(ДО КОНЦА 80-х гг. XX ВЕКА)****ARCHAEOLOGICAL PERIODIZATION
AND SYSTEMATIZATION
OF THE AENEOLITHIC IN
THE RUSSIAN HISTORIOGRAPHY
(TILL THE END OF 1980s)**

Аннотация. В статье рассматриваются характеристики энеолита как понятия археологической периодизации и систематизации до конца 80-х гг. XX века. Проанализированы все известные на тот период точки зрения и предложен авторский вариант решения проблем, связанных с археологическим выделением энеолита.

Ключевые слова: энеолит; историография археологии; отщеповая индустрия; металлургия; М.Бертло; самородная медь.

Сведения об авторе: Гребенюков Владимир Иванович, кандидат исторических наук, профессор кафедры документоведения и всеобщей истории, проректор по учебной работе.

Место работы: Нижневартовский государственный университет.

Abstract. The article elaborates upon historiography of the Aeneolithic period in terms of archeological periodization and systematization used till the end of 1980s. The paper considers all the points of view at that time regarding definition of the time frame of the Aeneolithic period. The author's proposed solution to the issue is described.

Key words: aeneolithic period; historiography of archaeology; flake industry; M.Berthelot; metallurgy; native copper.

About the author: Vladimir Grebenyukov, Candidate of Historical Sciences, Professor at the Department of Document Science and General History, Vice-rector on educational work.

Place of employment: Nizhnevartovsk State University.

Контактная информация: 628605, Ханты-Мансийский округ — Югра, г. Нижневартовск, ул. Ленина, д. 56; тел.: (3466)273510.
E-mail: roshist@mail.ru

Проблема определения энеолита в отечественной археологической литературе длительное время связывалась преимущественно с древнеземледельческими центрами. Для других регионов она носила условный характер и опиралась более на логику, нежели на фактический материал. Такая ситуация не была свойственна отечественному энеолитоведению изначально. Она сложилась вместе с началом господства социологизма в нашей науке, отрицанием типологии и классификации как основного фундамента, на котором базируются все последующие исторические и социологические построения.

Выделенный впервые, а затем и обоснованный М.Бертло, период медных орудий (энеолит, халколит и т.д.) полностью базировался на принципах археологических «веков», продолжая традицию, заложенную Х.Ю.Томсеном [32]¹.

Сторонником, прежде всего, технологических критериев при выделении энеолита («ранней поры бронзовой эпохи») был В.А.Городцов. В своей работе «Бытовая археология», вышедшей в 1910 г., В.А.Городцов выделял две основные точки зрения, связанные с определением признаков энеолита. Подчеркивая, что часть исследователей относят энеолит к неолиту, а другие выделяют его в самостоятельную эпоху, В.А.Городцов предлагал

¹ Формально приоритет в научной разработке этого вопроса принадлежит венгерскому археологу Ф.Пульскому. Чуть позднее итальянские археологи (Л.Пигорини, Д.Колини, П.Орси) в своих работах применили новый термин для обозначения медного века — «энеолит», который получил сегодня всеобщее научное признание. Энеолит был окончательно признан как стадия в технологическом развитии человеческой истории лишь после того, как в конце XIX в. были введены в научный оборот результаты первых химических исследований массового археологического материала. Их опубликовал в 1889 г. великий французский химик Марселен Бертло в книге «Введение в изучение химии древних и средних веков». Изучая тексты алхимиков и обобщая результаты собственных химических анализов древних вещей, Бертло пришел к выводу, что период производства медных изделий предшествует по времени периоду изделий бронзовых.

рассматривать медный век «...как часть или пору бронзовой эпохи». Обращаясь к технологическому содержанию энеолита, В.А.Городцов писал, что этот период характеризуется «...смешанным употреблением каменных и медных орудий» с преобладанием вначале каменных, а в дальнейшем медных [6. С. 16—17].

Сторонником выделения энеолита в самостоятельную археологическую эпоху был Б.С.Жуков. В его понимании энеолит — «...каменная культура, которая знает привозные из меди или бронзы орудия, вкрапленные более или менее в ее инвентарь, и высказывает черты прогресса в индустриальном, хозяйственном и бытовом облике» [10. С. 57]. Приведенное определение, наглядно иллюстрировавшее смешение признаков при выделении характерных черт археологической эпохи, стало впоследствии достаточно характерным при определении сущности энеолита. Связано это было со слабой изученностью периода, что не позволяло конкретизировать его содержание. В то же время и отрицать энеолит как реально существовавший этап развития культуры, даже при очень скромном материале, было бы невозможно. Поэтому не случайно, что позднее, почти двадцать лет спустя, А.В.Арциховский отмечал, что «...от неолита во многих странах, в том числе и у нас, с трудом отличается энеолит» [1. С. 40]. Такого же мнения придерживался и В.И.Равдоникас, включая энеолит в неолит как «позднюю стадию» [30. С. 170].

В.Н.Чернецов воспринимал энеолит как переходную эпоху, которая, по его мнению, характеризовалась «...не какими-либо специфическими, свойственными ей формами, а лишь соотношением уже исчезающих архаичных черт и нарождающихся новых» [41. С. 40]. Наиболее существенные изменения в этот период В.Н.Чернецов отмечал в керамике. Основным признаком перехода к новой исторической эпохе им считалось «...плоское дно и сплошная ямочная орнаментация» [41. С. 40].

Тезис о плоскодонности керамики на рубеже позднего неолита (энеолита) и бронзы был достаточно распространен среди исследователей не только 1950-х, но и 1960-х годов. Вытекал он из того факта, что керамика срубно-андроновского времени была плоскодонной. В связи с чем требовался плавный переход от круглодонной посуды к плоскодонной. Это логическое заключение впоследствии стало причиной дискуссии об эпохальной принадлежности боборыкинских комплексов, а также о двух культурных традициях в энеолите (ранней бронзе) Зауралья [13. С. 96—97; 16. С. 63; 33. С. 37—48 и др.].

Определеннее высказывались исследователи энеолита древнеземледельческих центров. Для них энеолит — вполне самостоятельная эпоха, но и они в определении ее содержания руководствовались самыми общими показателями, особенно когда речь шла об инвентарном комплексе. «...Медный век относится к тем стадиям первобытной культуры, когда общность хозяйственных форм создает поразительное сходство форм материальной культуры, иногда вплоть до мелких деталей», — писал, определяя сущность энеолитической эпохи, Б.Б.Пиотровский [29. С. 184]. В такой формулировке одинаково успешно можно было заменить термин «медный век» понятиями «мезолит», «палеолит» и т.п.

Тем не менее, оригинальность и самобытность производственного инвентаря, бытового и ритуального комплексов, система хозяйства древнеземледельческих культур эпохи энеолита наложили свой печаток на дальнейшее развитие представлений об этом периоде.

А.В.Арциховский в очередном издании курса «Основы археологии» выделял энеолит, основываясь на наличии производящей экономики, по сути ограничивал его древнеземледельческими центрами. По его мнению, поздний неолит и энеолит различались «...не хронологически, а по уровню культуры». Подразумевая под этим уровнем наличие или отсутствие производящей экономики, А.В.Арциховский, тем не менее, включал в энеолит памятники ямной культуры, хозяйство которой, по его словам, было преимущественно охотничьим [2. С. 68—69, 73—74].

Необходимо отметить, что характеристика ямной культуры, определение ее эпохальной принадлежности претерпели к середине 1950-х гг. существенные изменения. Выделенная

впервые В.А.Городцовым, ямная культура была датирована им «ранней порой» бронзовой эпохи [6. С. 151—152; 7. С. 180]. Но позднее многие исследователи, особенно в 30-е гг., стали датировать ямную культуру периодом позднего неолита.

Н.Я.Мерперт, рассматривая развитие представлений об энеолите степной зоны и, в частности, проблему эпохальной принадлежности ямной культуры, придавал большую роль построениям А.П.Круглова и Г.В.Подгаецкого в последующей передатировке ямной культуры временем, предшествующим периоду раннего металла [27. С. 6]. Представляется, что это несколько не так. Ранее мы вкратце рассмотрели концепцию пережиточной неолитической культуры, в конечном итоге отказавшись от относительной датировки, предложенной В.А.Городцовым [8. С. 23—38]. Расцвету концепции пережиточной неолитической культуры способствовало усиление социологизма в археологических исследованиях, а также критика трудов В.А.Городцова. Борьба с «городцовщиной», поиски комплексов развитого неолита типа «кампиньи» привели к тому, что любая керамика, не имевшая отношения к более поздним периодам, чем ямный, автоматически датировалась временем ямной культуры. А.П.Круглов и Г.В.Подгаецкий лишь повторили далеко не убедительные положения концепции, касающиеся вопроса сосуществования керамики ямного типа и микролитического инвентаря [17. С. 50—51, 135—137, 140].

Исключительно технологических признаков при определении содержания археологических эпох придерживалась М.Е.Фосс. К этим признакам она относила «...прежде всего, материал, являющийся основным при изготовлении орудий» [39. С. 33—34]. Определяющим при отнесении материалов к эпохе металла М.Е.Фосс считала не только появление металлических изделий; что не менее важно, она давала характеристику изменений в кремневом инвентаре, связанных с внедрением металла в производство орудий. Основным итогом влияния процесса внедрения металла, по мнению М.Е.Фосс, заключался в дальнейшем совершенствовании старых и появлении новых, «доведенных до совершенства», приемов обработки кремня [39. С. 42].

А.Я.Брюсов, предлагавший вначале относить к энеолиту только те комплексы, где изделия из металла образуют «хронологически-типологические ряды», впоследствии кардинально меняет свою точку зрения по этому вопросу [3. С. 6]. А.Я.Брюсов последовательно отстаивал формально-типологические критерии при выделении неолита. В то же время он предлагал считать важнейшим признаком для выделения энеолита появление скотоводства и земледелия [9. С. 26].

Среди обозначившихся к середине 60-х гг. двух направлений в выделении энеолита: по типологическим и экономическим признакам — постепенно стали преобладать первые. Исследователи стали все более склоняться к мысли о первостепенном значении производственного инвентаря и, в частности, наличия металла, независимо от его происхождения, при выделении энеолита. Большую роль в этом переломе имела работа Е.Н.Черных «Спектральный анализ и изучение древнейшей металлургии Восточной Европы» и широкое в дальнейшем использование спектрального анализа металлических изделий [43. С. 102, 109; 31. С. 79, и др.].

Не оставались без внимания и экономические признаки при характеристике энеолита, особенно в тех случаях, когда исследователи стремились подчеркнуть особое значение металла в процессе развития производства. В.М.Массон и Р.М.Мунчаев, характеризуя раннеземледельческий энеолит, писали: «...наиболее ярко и отчетливо энеолитические комплексы представлены в южной зоне, где внедрение медных орудий позволило земледельцам и скотоводам достичь значительных успехов в развитии производства, тогда как для зоны охотников, рыболовов и собирателей аналогичный сдвиг происходит, да и то не всегда, с внедрением металлургии бронзы» [20. С. 10]. Противоречие приведенного определения, как писал Н.Я.Мерперт, заключалось в том, что энеолит ограничивался рамками южной зоны, а также преимущественно земледельческой формой хозяйства [27. С. 3—4]. Заявление,

что использование металла в зонах охотников, рыболовов и собирателей не вызвало кардинальных экономических перемен, сводило на нет утверждение о якобы большой роли медных орудий в южной зоне в процессе развития производства. О несовпадении таких элементов культуры, как развитие техники и технологии, с одной стороны, и совершенствование способа добывания пищи — с другой, Н.Я.Мерперт писал в своей развернутой статье «К вопросу о термине “энеолит” и его критериях» [26. С. 4—21].

Сформировавшийся комплексный подход в определении содержания энеолитической эпохи использовался многими исследователями. Но снимая, в некоторой степени, остроту проблемы, он не позволял подняться выше едва ли не механического смешения семантических и содержательных признаков. Так, например, Л.Я.Крижевская в определении сущности энеолитической («раннебронзовой») эпохи основополагающими признаками считала наличие остатков металла и костей домашних животных [14. С. 5].

Отрицание типа хозяйства как основного критерия выделения энеолита выразилось фактически в смещении акцентов. Тем не менее, признание определяющего значения археологического подхода — учет распространения металла и сопутствующих ему признаков — открывало достаточно хорошие перспективы для более глубоких заключений. Сам факт возврата к необходимости выработки общих подходов для выделения энеолита уже имел большее отношение к развитию нашей науки, чем укоренившаяся тенденция к выделению локальных критериев по этнографическим, географическим и хозяйственным признакам [12. С. 3; 24. С. 19—20].

Подвел итог развитию представлений о характере и содержании энеолитической эпохи Н.Я.Мерперт. По его мнению, положения трактовки энеолита, данные В.М.Массоном и Р.М.Мунчаевым, «...справедливы для характеристики энеолитического периода, но не для выделения его, не для определения основных отличий его от предшествующего периода» [26. С. 6].

В этой связи Н.Я.Мерперт затронул вопрос о нижней границе энеолита, к сожалению, нечасто поднимаемый исследователями. Проблема рассматривалась им только в плоскости развития собственно металлургического производства. Основополагающим было, бесспорно, интересное наблюдение Н.В.Рындиной. По ее мнению, энеолитическими могли называться только те «...культуры, которым присуще широкое внедрение металла в производство и прежде всего появление орудий и оружия ударного действия» [31. С. 80]. В то же время, Н.Я.Мерперт отмечал, что нижняя граница энеолита, даже в самостоятельных очагах металлургии, имеет довольно условный характер [26. С. 17]. Еще больше проблема обостряется в регионах, лежащих «...за пределами первичных металлургических очагов», в степных и лесостепных территориях [26. С. 18]. Все это наложило свой отпечаток на характеристику энеолита, данную Н.Я.Мерпертом. Под энеолитом им было предложено понимать период регулярного распространения металлических, а конкретно медных изделий, в том числе орудий, связанных с основными видами производства. Для всего периода характерно использование лишь «чистой» — самородной или металлургической — меди «без умышленных легирующих примесей» [26. С. 20].

Конечно, сам факт наличия металла (меди) — достаточно весомый аргумент для выделения энеолита, особенно с учетом комплекса конкретных черт, указанных Н.В.Рындиной и Н.Я.Мерпертом. Не менее важна для понимания происхождения и развития металлургии, а соответственно культур медно-бронзовой эпохи, была классификация, выработанная Е.Н.Черныхом и Н.В.Рындиной. Но без учета общих тенденций развития кремневой индустрии, игнорируя другую сторону эпохи, было достаточно трудно понять не только причины, но и пути освоения металла древним населением. Комплексный подход именно в этом смысле и применительно только к данной эпохе — энеолиту — был наиболее перспективным. Тем более что выводы общего характера для рассмотрения вопроса выделения энеолита в этом направлении были сделаны.

Рассматривая в 1959 г. причины сохранения и упадка микролитической пластинчатой индустрии, А.А.Формозов отметил, что с появлением металла, «медных орудий», «...микролитизм изживается чрезвычайно быстро» [37. С. 56]. Приведенный, безусловно, плодотворный вывод не был сразу замечен исследователями. Возможно, это было связано и с тем, что среди причин упадка индустрии пластины, помимо очевидного влияния металлургии, называлась и такая, как распространение земледелия и скотоводства. Последние, по словам А.А.Формозова, привели к «...исчезновению охотничьего промысла и связанных с ним каменных изделий» [37. С. 56—57]. К указанному выводу исследователи энеолита пришли почти через двадцать лет. В.М.Массон и Р.М.Мунчаев определяли энеолит по критериям археологической периодизации как «...эпоху внедрения и широкого использования медных изделий, приводящих как правило, к деградации кремневых индустрий, обеднению наборов каменных орудий» [20. С. 10]. Цитированное определение отражало специфику развития кремневой индустрии древнеземледельческих культур Передней Азии, специфику преимущественно земледельческого типа хозяйства, определявшего особый набор инвентарного комплекса.

По-иному сложилась ситуация с определением характера кремневой индустрии в регионах, лежащих за пределами древнейших центров земледелия и скотоводства. Как мы писали в начале, проблема выделения энеолита в целом в степных и лесных районах носила достаточно условный характер. Характеристику энеолита степей и лесостепей давали в основном по погребальным памятникам афанасьевской и ямной культур. Специфика погребального обряда, диктовавшего особый набор орудий и оружия, не отражала всего спектра материальной культуры оставившего его населения. Это также было одной из причин того, что к ямной культуре относили дюнные стоянки с микролитическим инвентарем.

Открытые в 1930—40-е гг. в Кустанайском Притоболье и на Южном Урале стоянки Терсек-Карагай, Коль, Кысы-Куль, давшие отщеповые инвентарные комплексы, долгое время оставались единственными памятниками такого типа не только Урало-Казахстанского региона, но и всей лесостепной полосы Восточной Европы и Азии [5. С. 64—74]. Кроме того, индустрия отщепа первоначально связывалась с условиями обитания оставившего ее населения, с экологической средой [38. С. 72]. Позднее два типа индустрии — пластинчатую и отщеповую — стали связывать с этническими особенностями или направленностью культурных связей [15. С. 80].

Впервые вопрос о соотношении индустрии пластины и индустрии отщепа во времени поднял Г.Н.Матюшин. Индустрия пластины, по его мнению, характеризовала мезолит Южного Урала и, в какой-то мере, ранний неолит. Поздний неолит и энеолит ассоциировались с господством отщеповой индустрии в изготовлении орудий [21. С. 158]. В отличие от Л.Я.Крижевской, писавшей об упадке кремневой индустрии вообще в эпоху энеолита, Г.Н.Матюшин полагал, что в энеолите кремневая индустрия, продолжая неолитические традиции, переживала свой расцвет [14. С. 20; 22. С. 47; 23. С. 125]. Постепенную замену индустрии пластины индустрией отщепа прослеживал на материалах многослойной стоянки Белькачи I В.А.Мочанов [28. С. 123].

В конце 70-х гг. наметилась и третья линия в характеристике развития кремневой индустрии. Так, например, пластинчатым обликом кремневой индустрии характеризовался ранний энеолит Поволжья (самарская культура) [4. С. 161].

В 80-е гг. двадцатого столетия трудности в определении содержания энеолитической эпохи, при общей тенденции к осознанию необходимости чисто археологических критериев, по-прежнему заставляли исследователей обращаться к комплексному подходу. Проявлялось это и при разработке признаков, характеризующих начало энеолита, и при определении черт, определяющих специфику эпохи в целом [19. С. 7—8; 36. С. 20; 40. С. 322]. Показательна точка зрения А.Т.Синюка по проблеме выделения энеолита и характеристике

основных черт эпохи. Признавая необходимость соблюдения иерархии в определении, соответственно, семантических и содержательных признаков энеолита, он в определении понятия «энеолит» исходил из комплекса признаков, среди которых «...переоценка видов труда и самих изделий, новые культовые представления и ритуалы, культурные переориентации...» и т.п. [35. С. 21].

Суммируя вышесказанное, можно выделить основные достижения и проблемы, стоявшие перед исследователями энеолита в конце двадцатого столетия. Главное достижение связано с разработкой классификации культур медно-бронзовой эпохи, их периодизацией, определением последовательных ступеней в освоении металла [31. С. 74—86; 42. С. 53—82].

Основные проблемы были связаны с отсутствием общего критерия для выделения энеолита, а также с характеристикой кремневой индустрии, с определением ее основных черт, особенно в степных и лесных районах.

Представляется, что решение вопроса о времени начала преобладания в кремневой индустрии отщеповой технологии связано с проблемой археологического выделения энеолита. По нашему мнению, энеолитическими можно было считать те памятники, производственный комплекс которых базировался на индустрии отщепа. Переход к индустрии отщепа в эпоху энеолита — периода, лежащего на стыке двух больших эпох — эпохи камня и эпохи металла — наиболее отчетливо продемонстрировал рационализм человека. Начало использования металла сделало ненужным трудоемкий процесс получения ножевидной пластины, как заготовки для изготовления режущих орудий. Начальный этап развития металлургии, период использования самородной меди не мог удовлетворить потребности человека в металле в полном объеме. Поэтому значение каменных орудий сохранялось в тех сферах, где использование редкого материала не было оправдано. Скрепки, топоры, тесла и прочий не режущий инструмент изготавливали из камня. Только с освоением технологии получения меди из руд камень перестает быть массовым материалом для изготовления орудий. Это же можно сказать и об орудиях из рога и кости в тех регионах, где сырьевая база для изготовления каменных орудий отсутствовала.

Поэтому правы, в какой-то мере, те исследователи, которые видели в отщеповой индустрии дальнейший расцвет техники и технологии на основе камня. Так же как несомненным представляется и то, что по отношению к высотам, достигнутым в производстве каменных орудий в период наивысшего подъема призматической техники скальвания — технологии пластины, в период господства «микролитической техники» и высокой степени стандартизации первичной заготовки — отщеповая индустрия демонстрировала явную деградацию индустрии каменных орудий. Дальнейшее развитие процесса стандартизации, являющегося отличительной чертой совершенства технологии, связано уже с орудиями и оружием из металла [42. С. 72].

В то же время исследователи неоднократно отмечали, что вместе с технологическими изменениями кремневой индустрии происходили перемены и в источниках сырья, используемого для изготовления орудий. А.Н.Мелентьев склонен был связывать перемену источников сырья с изменением технической традиции [25. С. 13—14]. В.Ф.Зайберт обуславливал изменения переходом к оседлости, что вынуждало население использовать местное некачественное сырье [11. С. 6]. Не исключая последнюю, более предпочтительную точку зрения, можно было предложить иной вариант решения вопроса. В свое время, определяя возможные причины подбора определенного типа сырья для изготовления орудий древним человеком, С.А.Семенов отмечал, что выбор его определялся изотропностью, т.е. обладанием одинаковыми физическими свойствами по всем направлениям. Наиболее отвечали данным требованиям меловые кремни (опало-халцедоновые, халцедоновые и т.п.) [34. С. 44, 46]. Породы с отмеченными свойствами, по данным, приводимым некоторыми исследователями, чаще всего использовались мезолитическим населением [18. С. 270—275]. В неолите, при сохранении прежней призматической техники скальвания, стала применяться порода

с более неупорядоченной структурой — кварциты. Только переходом к оседлости данный факт объяснить трудно. Скорее можно предположить, что это явление связано с развитием технологии расщепления кремня, достигшей высот, позволявших снимать правильные ножевидные пластины, невзирая на структуру камня. Не исключено, что отмеченная «неразборчивость» привела в районах распространения самородной меди к открытию металла.

Конечно, рассмотренные проблемы требовали и требуют для своего более убедительного разрешения более обширных конкретных данных, которые не всегда можно почерпнуть из имевшихся публикаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арциховский А.В. Введение в археологию: Учебник. М., 1954.
2. Арциховский А.В. Основы археологии. М., 1954.
3. Брюсов Н.Я. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952.
4. Васильев И.Б., Матвеева Г.И. Могильник у с.Съезжее на р.Самаре // Советская археология (далее — СА). 1979. № 4.
5. Гольмстен В.В. Обзор археологических работ 1937 г. // Вестник древней истории. 1938. № 3.
6. Городцов В.А. Бытовая археология. Курс лекций, прочитанных в Московском Археологическом институте. М., 1910.
7. Городцов В.А. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии 1901 года // Тр. Съезда. Двенадцатый археологический съезд в Харькове 1902 г. 1905. Т. I.
8. Гребенников В.И. Семантический уровень исследований в мезо-энеолите Казахстана: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1990.
9. Гришин Ю.С. Обсуждение доклада В.С.Титова «Первое общественное разделение труда. Древнейшие земледельческие и скотоводческие племена» // Краткие сообщения Института археологии (далее — КСИА). М., 1962. Вып. 88.
10. Жуков Б.С. Теория хронологических и территориальных модификаций некоторых неолитических культур Восточной Европы по данным изучения керамики // Этнография. 1929. № 1.
11. Зайберт В.Ф. Поселение Ботай и задачи исследований энеолита Северного Казахстана // Энеолит и бронзовый век Урало-Иттышского междуречья. Челябинск, 1985.
12. Ковалева В.Т. Среднее Зауралье в переходное время от неолита к бронзовому веку: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1979.
13. Ковалева В.Т., Потемкина Т.М. Поселения с линейно-накольчатой керамикой в бассейне р.Тобол // КСИА. 1980. Вып. 161.
14. Крижевская Л.Я. Неолит и эпоха ранней бронзы на Южном Урале: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1979.
15. Крижевская Л.Я. Новые данные по неолиту Южного Урала // КСИА. 1964. Вып. 97.
16. Крижевская Л.Я. Раннебронзовое время в Южном Зауралье. Л., 1977.
17. Круглов А.П., Подгаецкий Г.В. Родовое общество степей Восточной Европы // Известия Государственной Академии истории материальной культуры (далее — ГАИМК). 1935. Вып. 119.
18. Логвин В.Н. Новый памятник каменного века Кустанайской области // СА. 1977. № 4.
19. Масон В.М. Введение // Энеолит СССР / Под ред. Б.А.Рыбакова. М., 1982.
20. Масон В.М., Мунчаев Р.М. Энеолит СССР. Новейшие достижения советских археологов: Тез. докл. Всесоюз. конф. М., 1977.
21. Матюшин Г.Н. Мезолитические и неолитические комплексы поселения Мысового на Южном Урале // СА. 1978. № 4.
22. Матюшин Г.Н. Неолитические памятники Южного Предуралья. Некоторые итоги и проблемы // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Неолит и бронзовый век. Куйбышев, 1975.
23. Матюшин Г.Н. Памятники эпохи раннего металла Южного Зауралья // КСИА. 1971. Вып. 127.
24. Матющенко В.И. О понятии «энеолит» применительно к таежной части Сибири. 6-е Уральское археологическое совещание: Тез. докл. М., 1977.
25. Мелентьев А.Н. Памятники неолита Северного Прикаспия. Памятники прикаспийского типа // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1976.
26. Мерперт Н.Я. К вопросу о термине «энеолит» и его критериях. Эпоха бронзы Волго-Уральской лесостепи. Воронеж, 1981.
27. Мерперт Н.Я. Проблемы энеолита степи и лесостепи Восточной Европы. Энеолит Восточной Европы / Отв. ред. Н.Я.Мерперт. Куйбышев, 1980.

28. Мочанов Ю.А. Многослойная стоянка Белькачи I и периодизация каменного века Якутии. М., 1969.
29. Пиотровский Б.Б. Поселения медного века в Армении // СА. 1949. № 11.
30. Равдоникас В.И. История первобытного общества. Л., 1939. Ч. 2.
31. Рындина Н.В. К проблеме классификационного членения культур медно-бронзовой эпохи // Вест. Моск. ун-та. Сер. VIII: История. 1978. № 6.
32. Рындина Н.В., Дегтярева А.Д. Энеолит и бронзовый век: Учеб. пособие по курсу «Основы археологии». М., 2002. URL: <http://www.archeologia.ru/Library/Book/35ecb1a304cf/page10#10133>.
33. Сальников К.В. Новый вариант раннебронзовой культуры Зауралья // КСИА. 1961. Вып. 85.
34. Семенов С.А. Первобытная техника. Опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы // Материалы и исследования по археологии СССР. 1957. № 54.
35. Синюк А.Т. История населения Донской лесостепи в V—II тысячелетиях до н.э. (неолит-энеолит-бронза): Дис. ... д-ра ист. наук. М., 1985.
36. Стоколос В.С. Культуры эпохи раннего металла Северного Приуралья. М., 1988.
37. Формозов А.А. Микролитические памятники Азиатской части СССР // СА. 1959. № 2.
38. Формозов А.А. Энеолитические стоянки Кустанайской области и их связь с ландшафтом // Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода. 1950. № 15.
39. Фосс М.Е. О терминах «неолит», «бронза», «культура» // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1949. Вып. 29.
40. Чалая Л.А. Неолит Северо-Восточного и Центрального Казахстана: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1971.
41. Чернецов В.Н. Древняя история Нижнего Приобья // МИА. 1953. № 35.
42. Черных Е.Н. Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР // СА. 1978. № 4.
43. Черных Е.Н. Спектральный анализ и изучение древнейшей металлургии Восточной Европы // МИА. 1965. № 129.

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕРМАНИСТИКА
В СОВЕТСКОЙ И ПОСТСОВЕТСКОЙ
БЕЛАРУСИ:
ВКЛАД ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО
КОРПУСА В РАЗРАБОТКУ
ВАЖНЫХ НАУЧНЫХ ПРОБЛЕМ**

**HISTORICAL GERMANIC
STUDIES IN SOVIET AND
POST-SOVIET BELARUS:
THE CONTRIBUTION OF BELARUSIAN
HISTORIANS TO SOLVING IMPORTANT
SCIENTIFIC PROBLEMS**

Аннотация. В статье рассматривается вклад крупнейших современных белорусских историков в изучение германской истории новейшего времени. Автор выделяет наиболее значительные персоналии и дает общую характеристику проблематики их исследований.

Ключевые слова: белорусская историография; германская история; сравнительная история; историография.

Сведения об авторе: Стрелец Михаил Васильевич, доктор исторических наук, профессор кафедры социально-политических и исторических наук.

Место работы: Брестский государственный технический университет.

Контактная информация: 224017, Республика Беларусь, г. Брест, ул. Московская, д. 267.
E-mail: mstrelez@mail.ru

Abstract. The article deals with the contribution of most outstanding contemporary Belarusian historians to the studies of contemporary Germany history. The author singles out most significant historians and represents an overview of their research areas.

Key words: Contemporary Belarusian historians, History of Germany, comparative history, historiography.

About the author: Mikhail Strelets; Doctor of Historical Sciences, Professor at the Department of Social, Political and Historical Sciences.

Place of employment: Brest State Technical University.

Автор заявляет тему, которая никак не может быть исчерпана не только отдельным докладом, но и одной монографией. Хронологически она охватывает без малого век, непосредственно касается множества персоналий, включает большое количество проблемных комплексов.

Можно однозначно утверждать, что историческая германистика перманентно присутствовала в исследовательском процессе белорусских ученых, что специалисты по истории Германии в современной Республике Беларусь продолжают дело, в которое были вовлечены многие поколения научных работников соответствующего профиля. История и география распорядились так, что постоянно существовал и существует поныне социальный заказ на высококвалифицированные исследования по германской истории. Конечно, на выполнение этого заказа в тот или иной момент оказывала влияние комбинация разнообразных факторов: творческая свобода исследователей, методологическое обеспечение, состояние источниковой базы, кадровый потенциал, способность государства решить вопрос о требуемой капиталоемкости исследовательского процесса, связи ученых со своими зарубежными коллегами, место Германии в шкале внешнеполитических приоритетов своего Отечества.

Белорусская историческая германистика зарождалась в тот момент, когда в стране монопольное положение занимала марксистско-ленинская методология исторических исследований, когда в БССР не было еще исторических факультетов и отделений истории в вузах. Кадровая проблема, имевшая место до середины 1930-х гг., предопределила отсутствие значительных научных результатов. Больше динамики в исследовательском процессе стало прослеживаться с 1934 г., когда появился исторический факультет Белорусского государственного университета. С 1937 г. кафедру новой истории этого факультета возглавил крупнейший ученый-германист Л.М.Шнеерсон [4. С. 8]. В межвоенный период акцент делался на «изучение вопросов, связанных с проблемами рабочего движения, германской социал-демократией, коммунистическим движением, установлением в Германии фашистской

диктатуры» [5. С. 17]. Отдавая должное межвоенному периоду в истории белорусской германистики, нужно в то же время признать, что это был наименее продуктивный период в ее развитии. В данный отрезок времени не было защищено ни одной диссертации по анализируемому направлению исторических исследований. Поствоенная белорусская историческая германистика оказалась гораздо более продуктивной. В послевоенные годы эта отрасль была специфична также в кадровом плане, в исследовательской тематике. «В абсолютном своем большинстве она комплектовалась за счет подготовленных в Белорусском государственном университете кадров... (В исследовательском процессе центральное. — М.С.) место заняли вопросы преодоления тяжелого исторического прошлого в отношениях между немецким и белорусским народами, проблемы внутренней и внешней политики Германии во взаимосвязи с явлениями общеевропейского, международного развития» [5. С. 17].

Автор статьи полностью согласен с белорусским специалистом О.Г.Радьковой, которая «делит развитие указанной германистики в данный период на три основных этапа. Первый из них охватывает время ... с (середины 1940-х гг. — М.С.) до середины 60-х гг., когда эта отрасль ознаменовалась крупными научными изданиями и кадровыми достижениями. Второй этап заполняет время со второй половины 60-х гг. и до конца 80-х — начала 90-х гг. Он характеризуется (вызвавшими международный резонанс. — М.С.) изданиями по разным аспектам германской истории и подготовкой кадров историков-германистов. На начало 90-х гг., с появлением суверенной Республики Беларусь, обозначился третий этап в развитии белорусской исторической германистики» [5. С. 17—18]. Этот этап отмечен ее полицентризмом. В плане выполнения функций соответствующих центров к кафедре истории Нового и Новейшего времени БГУ добавились кафедра всеобщей истории (с 2004 года — кафедра истории Нового и Новейшего времени) Белгоспедуниверситета, кафедра истории и белорусоведения Минского государственного лингвистического университета, Историческая мастерская, действующая в рамках Международного образовательного центра. На данном этапе впервые была достигнута подлинная творческая свобода исследователей, беспрецедентно расширилась источниковая база, обозначился явный прорыв в плане вовлечения белорусских германистов в структуры народной дипломатии, задействованные в направлении германского академического сообщества. Разумеется, на каждом этапе были свои лидеры, задававшие планку в исследовательском процессе.

Бесспорные лидеры первого этапа — доктора исторических наук, профессора Лев Михайлович Шнеерсон и Григорий Маркович Трухнов, представлявшие кафедру истории Нового и Новейшего времени БГУ. Первый из них защитил «первую кандидатскую и первую докторскую диссертации по Новой истории в белорусской исторической науке, а второй — первую докторскую диссертацию в области Новейшей истории в историографии БССР» [4. С. 8—9].

Для названных профессоров был весьма продуктивным и второй этап. Их реноме было по-прежнему высоко. Л.М.Шнеерсон пополнил корпус Заслуженных деятелей науки БССР, а Г.М.Трухнов стал Заслуженным работником высшей школы БССР. Именно на втором этапе впервые громко заявила о себе научная школа последнего, внесшая весомый вклад в развитие исторической германистики. Два его ученика — Даниил Сергеевич Климовский и Геннадий Аркадьевич Космач — успешно защитили докторские диссертации. Т.А.Кургуньян, Т.А.Повалихина, О.Г.Радькова, С.И.Филиппенко, В.А.Космач отметились сильными кандидатскими диссертациями. Точно такой же оценки заслуживали диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук, подготовленные М.Г.Елисеевым и В.М.Писаревым под руководством Л.М.Шнеерсона. К концу настоящего этапа у Михаила Герасимовича Елисеева была готова и докторская диссертация, которая, к сожалению, так и осталась не защищенной. Л.М.Шнеерсон «оказал влияние на формирование исторического мировоззрения П.А.Шупляка», который защищал кандидатскую диссертацию в ГДР, пройдя научную школу М.Вайсбеккера [3. С. 448]. Для полноты картины также отметим, что

в рамках анализируемого этапа ответственный груз научного руководства подготовкой кандидатских диссертаций по германистике взяли на себя и специалисты в области исторической славистики: Д.Б.Мельцер и В.Т.Фомин. Среди их учеников — А.Н.Егоров, В.Е.Снапковский.

В постсоветской Беларуси появилось еще два доктора наук, которые защищались по проблематике германской истории. Ставший в середине 1990-х гг. доктором наук профессор Вениамин Аркадьевич Космач серьезно подумывает о создании собственной школы исторической германистики. Известно, например, что его ученик В.В.Борботько защищал кандидатскую диссертацию по истории Веймарской Германии. Под руководством старшего брата Вениамина Аркадьевича — Геннадия Аркадьевича защищено 7 диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук. Можно однозначно утверждать, что представителями научной школы Г.А.Космача: И.В.Ковяко, А.В.Толкачёвым, Л.В.Гавриловец, О.Г.Субботинным и др. освоен ряд проблемных полей. Кроме учеников братьев Космачей, по исторической германистике имеют заслуживающие внимания научные результаты профессор А.В.Шарапо, доценты К.И.Козак, А.В.Курьянович, С.Е.Новиков, А.В.Русакович.

Наиболее значимые научные изыскания белорусских германистов таковы.

Л.М.Шнеерсон провел комплексный анализ австро-прусской войны 1866 г., весьма обстоятельно рассмотрел ее в контексте политики великих европейских держав. Профессору принадлежит также фундаментальное исследование отношения России к франко-прусской войне 1870—1871 гг. Он на основании гигантского количества источников убедительно доказал, что «уроки франко-прусской войны служат одним из исторических аргументов в пользу франко-русского согласия как необходимой предпосылки устойчивости внешнеполитического положения Франции» [7. С. 258]. Заслуженный деятель науки БССР обращался и к генезису Союза трех императоров, сняв проблемный комплекс, связанный с австро-русско-германскими отношениями 1871—1875 гг. В его трудах был восполнен пробел, связанный с разногласиями между германофилом Александром II и франкофилом, главой внешнеполитического ведомства России А.М.Горчаковым.

Г.М.Трухнов капитально освоил проблематику, связанную с Лондонской репарационной конференцией 1924 г. Повестка дня конференции имела в качестве главного германский вопрос. Заслуженный работник высшей школы БССР показал рассмотрение этого вопроса на конференции и в интерьере реалий первой германской республики, и в контексте соперничества ряда великих держав. Профессор отметил, что тот факт, что обрел реальные очертания план Дауэса, отразил резкое уменьшение удельного веса Парижа в системе международных политических координат в Старом Свете, в особенности в той части, которая касалась центральноевропейского пространства [6]. Ученый осуществил также системную реконструкцию истории левой части политического спектра Германии касательно отрезка времени, относившегося к 1918—1923 гг. Весьма успешной оказалась и попытка белорусского германиста выяснить, была ли достигнута корреляция организационно-правового, концептуального, практического аспектов советско-германских отношений в 1920-е гг. Можно однозначно утверждать, что ему удалось постичь феномен Рапалло, показать влияние частичной стабилизации капитализма на эти отношения, восполнить ряд пробелов, связанных с историей подготовки и подписания Берлинского договора о нейтралитете от 24 апреля 1926 г., и отметить влияние народной дипломатии на подписание этого договора.

Профессор Д.С.Климовский на высоком уровне проанализировал германо-польские отношения в контексте генезиса Второй мировой войны. Центральный аспект соответствующего анализа — выяснение линии Берлина и Варшавы в отношении Локарнских соглашений. Ученый показал, что «фактически Локарно дало правящим кругам Германии повод и юридическую международную формулу поставить вопрос о ревизии германо-польских границ, особенно о возвращении Германии так называемого Польского коридора и польской части Верхней Силезии» [2. С. 21].

Доцент М.Г.Елисеев вошел в советскую историографию как автор наиболее обстоятельного исследования истории германского либерализма после Второй мировой войны. Соответствующий исследовательский процесс, который строился на основе оригинальных германских документов, анализе прессы и научных публикаций, был посвящен возникновению Свободной демократической партии (СвДП), ее роли в партийном механизме ФРГ, в том числе и в коалиционной правительственной политике в землях и федерации, но главным образом роли и месту данной партии в определении внешней политики западно-германского государства.

Ученый проанализировал социальные и идейно-политические течения в СвДП, эволюцию этой партии в сторону реализма, борьбу группировок, расколы партии. Ни до, ни после Елисеева ни один германист не выносил на суд научной общественности такое поистине масштабное исследование восточнополитических концепций СвДП, которое провел ученик Л.М.Шнеерсона. Не могут также не обратить на себя внимание два примечательных наблюдения белорусского специалиста: слабость теоретико-политической базы СвДП и попытки реанимировать либерализм, который не оправдал себя во времена Веймара, а затем превратиться в «социальный либерализм», современный обновленный либерализм [1].

Несомненной удачей М.Г.Елисеева следует признать его написанную в соавторстве с В.Е.Снапковским книгу, посвященную отношениям между ФРГ и ГДР. Авторы убедительно показали, что ГДР сыграла одну из главных ролей в деле сохранения всеобщего мира в Европе. Читатель подводился к выводу о том, что оба германских государства в двублоковой политике постепенно эволюционировали в сторону мирного сожительства. Острые отношения между ГДР и ФРГ никогда не приводили к военным действиям. В книге отмечалось, что несмотря на то, что в политике между ФРГ и ГДР было много отрицательного, системное все же преобладало, что спасло мир в Центральной Европе [2].

В докторской диссертации профессора Г.А.Космача осуществлена системная реконструкция того аспекта в политике правящих буржуазных партий Веймарской Германии в период частичной стабилизации капитализма, который относился к рабочему классу. Целеустремленному ученому удалось постичь феномен германского либерализма в период существования первой германской демократии. Профессор сформулировал принципиально новую концепцию, обращаясь к исследованию советско-германских отношений в 1919—1923 гг. Геннадий Аркадьевич капитально проанализировал политическую биографию Вильгельма Кубе. Он провел пионерское исследование историографического аспекта белорусской исторической германистики.

Серьезным вкладом в науку отметился и младший брат Г.А.Космача — Вениамин Аркадьевич. Последний выступил пионером в разработке многих проблем внешней культурной политики Германии в период Веймарской республики. Особенно это касается советского вектора данной политики. Профессор В.А.Космач также убедителен и оригинален в своих выводах и оценках на предмет связей между Белорусской Советской Социалистической Республикой и Германией в 1919—1932 гг.

Профессор Петр Алексеевич Шупляк основательно исследовал германские профсоюзы как фактор политической жизни в период Веймарской республики, в комплексном порядке проследил партнерство и соперничество между свободными профсоюзами и СДПГ в период Веймарской республики. Ученый восполнил пробелы, связанные: с ролью профсоюзов в осуществлении политики пассивного сопротивления в Германии в 1923 г., наступлением германских монополий на права рабочего класса в 1929—1932 гг., стачечной борьбой рабочего класса Германии в 1932 г., историей революционной профсоюзной оппозиции, положением и борьбой безработных Германии в 1929—1933 гг., отношением христианских профсоюзов к чрезвычайному законодательству правительства Г.Брюнинга в Германии, попыткой кабинета Шлейхера предотвратить установление гитлеровской диктатуры, германской социал-демократией в условиях постконсервативного развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Елисеев М.Г. Между конфронтацией и разрядкой: СвДП в партийной системе ФРГ: проблемы «восточной» политики. Минск, 1989.
2. Елисеев М.Г., Снапковский В.Е. Два германских государства и европейская безопасность. Минск, 1989.
3. Корзенко Г.В. Историки Беларуси в начале XXI столетия: библиографический справ. Минск, 2007.
4. Кошелев В.С., Острога В.А. Лев Михайлович Шнеерсон: страницы жизненного и творческого пути // Актуальные проблемы истории Нового и новейшего времени (к 100-летию профессора Л.М.Шнеерсона): Междунар. науч.-теорет. конф. Минск, 2012.
5. Радькова О.Г. Внешняя политика Германии межвоенного периода в белорусской историографии (вторая пол. 40-х — 80-е гг. XX в.) // Германия в системе международных отношений новейшего времени: ключевые аспекты современного осмысления: тезисы докладов круглого стола, посвящ. 70-летию крупного белорус. ученого-германиста Михаила Герасимовича Елисеева (1940—1997) (Минск, 18 янв. 2010 г.). Брест, 2010.
6. Трухнов Г.М. Германский вопрос на Лондонской репарационной конференции. Минск, 1959.
7. Шнеерсон Л.М. Франко-прусская война и Россия. Из истории русско-пруских и русско-французских отношений в 1867—1871 гг. Минск, 1976.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(47).04

Я.Г.Солодкин
Нижевартовск, Россия

Y.G.Solodkin
Nizhnevartovsk, Russia

К ИСТОРИИ РУССКОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ ПЕРВЫХ «ПОСЛЕСМУТНЫХ» ЛЕТ

ON THE HISTORY OF RUSSIAN OPINION JOURNALISM DURING THE FIRST YEARS OF POST «TIME OF TROUBLES» PERIOD

Аннотация. Вопреки недавно высказанным мнениям, “Tale of the days” («Словеса дней, царей и святителей московских») — один из наиболее крупных памятников русской публицистики, созданных по окончании Смутного времени, — следует атрибутировать, как зачастую делалось и прежде, князю И.А.Хворостину, а в названии «Повести о победах Московского государства», думается, переписчик вовсе не допустил ошибки, автор этого произведения собирался поведать своим читателям о бедствиях, недавно пережитых родной страной.

Ключевые слова: публицистика 1620-х гг.; атрибуция; «Словеса дней, царей и святителей московских»; И.А.Хворостинин; «Повесть о победах Московского государства», замысел ее автора.

Сведения об авторе: Солодкин Янкель Гутманович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России.

Место работы: Нижевартовский государственный университет.

Контактная информация: 628600, Ханты-Мансийский округ — Югра, г. Нижевартовск, ул. Мира, д. 2, кв. 37; тел.: (922)2492091.
E-mail: hist2@yandex.ru

Abstract. Contrary to recent opinions, “The Tale of Muscovite days, tzars and saints” (Russian: “Словеса дней, царей и святителей московских”; *Slovesa dnei, tzarey y svyatiteley moskovskikh*) — a remarkable work of the Russian opinion journalism created during post “time of troubles” period — should be attributed to knyaz (royal nobility rank) I.A.Khvorostinin. It’s believed that the copyist didn’t make a mistake with a title “The Tales of the victories of Muscovite State” as it was the author’s intention to tell the reader about the recent hardships that the country went through.

Key words: 1620s opinion journalism; attribution; “The Tale of Muscovite Days, Tzars and Saints”; I.A.Khvorostinin; “The Tales of Muscovite State Victories”, author’s intention.

About the author: Yankel Solodkin, Doctor of Historical Sciences, Professor at the Department of History of Russia.

Place of employment: Nizhnevartovsk State University.

Многие проблемы творческой истории десятков публицистических сочинений, появившихся в годы и вскоре после завершения длительной Смуты, пережитой Россией в начале XVII в., продолжают оставаться дискуссионными, несмотря на обилие специальных исследований, прежде всего работ С.Ф.Платонова, Е.Н.Кушевой, О.А.Державиной, В.И.Корецкого, И.Ю.Серовой. Предметом споров являются, в частности, вопросы атрибуции «Словес дней, царей и святителей московских», а также определение замысла «Повести о победах Московского государства» (далее — ППМГ).

Недавно В.Н.Козляков предложил считать автором «Словес ...», издавна почти единодушно приписывавшихся князю Хворостину — поэту, названному В.О.Ключевским (впрочем, без должных оснований) «прадедом русского западничества», другому Ивану Андреевичу, но дослужившемуся к концу жизни до чина не стольника, а боярина — Хованскому. Популярный современный историк ссылается на то, что об освобождении Москвы «рассказывается в памятнике со слов очевидца», а Хворостинин являлся тогда, в последние месяцы 1612 г., рязанским воеводой. В 1607/08 г. эту должность занимал князь И.А.Хованский, который, по допущению В.Н.Козлякова, на Земском соборе, избравшем царем Михаила Федоровича, расспрашивал архиепископа Рязанского Феодорита о смерти и грамотах патриарха Гермогена, — грамотах, которые первый из названных «святителей»

Исследование осуществлено в рамках исполнения государственных работ в сфере научной деятельности, задание № 2014/801.

должен был привезти в Москву для доказательства участия признававшегося «новомучеником» владыки в патриотическом движении, вылившемся в формирование народного ополчения. К тому же Хворостинин являлся «ближайшим советником» Лжедмитрия I, тогда как в «Словесах ...» тот резко осуждается. Поэтому В.Н.Козлякову, накануне разделявшему традиционную атрибуцию этого памятника, думается, что переписчик второй половины XVII в. (тогда были созданы все четыре уцелевшие списка одного из наиболее своеобразных сочинений о «разорении русском») спутал Хворостинина с Хованским [15. С. 258; 16. С. 309—310. Примеч. 82].

Аргументы, приведенные видным специалистом по отечественной истории эпохи позднего средневековья, на наш взгляд, не могут считаться сколько-нибудь убедительными. О Хворостинине известно, что он в 1612 г. был воеводой Первого ополчения в Рязанском крае, но не в пору «очищения» Москвы от интервентов, а раньше [1. С. 233, 234; 20. С. 180; 41. С. 48, 49. Ср. С. 50, 64, 65; 42. С. 309, 310]. (Автор «Словес ...» упомянул о том, что «стратилатствовал» в «рязанских градах». Хворостинин же, как узнаем из нескольких документов, воеводствовал в этом беспокойном крае и в 1618—1619 гг. [21. С. 43; 31. С. 303, и др.]). Сведениями о том, что И.А.Хованский являлся участником «взятия» Москвы, мы не располагаем. Кстати, о вступлении ополченцев в «царствующий град» автор «Словес ...» повествует не со слов очевидца, а как непосредственный свидетель [23. С. 458, 604; 35. С. 288]. Взгляд, будто рязанский архиепископ должен был привезти патриаршие грамоты на Земский собор 1613 г., — всего лишь домысел. Об участии Феодорита в избрании царем Михаила Федоровича хорошо известно, но нет сведений о том, что владыка явился тогда в Москву с посланиями Гермогена [10. С. 160—161].

Как читаем в «Словесах ...», их «слогатель» больше других претерпел гонений и «грабления» от Василия Шуйского», «в тиранстве живуще под властью его» [23. С. 450, 451. Ср. С. 603]. Напомним, что Хворостинин — кравчий Самозванца, его приближенный — при царе Василии был сослан в Иосифо-Волоколамский монастырь [6. С. 191; 35. С. 287]. И.А.Большой Хованский же, будучи дворянином, затем стольником, в то время воеводствовал в Орле (знатного князя туда назначил Лжедмитрий), оборонял Москву, осажденную болотниковцами, посылался против них к Калуге и Михайлову, сражался с тушинцами, в частности, у Пронска, Зарайска (вместе с П.П.Ляпуновым), затем — под началом знаменитого боярина М.В.Скопина-Шуйского, к которому прибыл в Торжок с Белой, — возле Ростова и Кашина, наконец, был отправлен в поход к Можайску (ему угрожали польско-литовские войска) [4. С. 7, 10, 17, 18, 43, 55, 83, 88, 139, 145, 255; 5. С. 248—249, 254; 24. С. 10, 49, 143, 151; 25. С. 73, 96, 97; 26. С. 250; 30. С. 237; 31. С. 253, 255, и др.]. Учтем также, что ко двору царя Василия была близка княгиня Дарья Хованская [46. С. 11].

Создатель «Словес ...» при московском «цесаре» являлся юношей [14. С. 57; 23. С. 440. Ср. С. 450]. Первые сведения о Хворостинине (тогда он был стольником царевича Федора Борисовича) относятся к осени 1604 г. Хованский же (имевший прозвище Баль) стал получать служебные назначения по меньшей мере с конца 1580-х гг. [5. С. 109; 8. С. 46; 32. С. 416; 33. С. 179, и др.].

По справедливому заключению Е.П.Семеновой, «обилие автобиографических намеков ставит повесть («Словеса ...». — Я.С.) в тесную связь с биографией ... И.А.Хворостинина» [23. С. 600], а не какого-либо из его современников.

Хворостинина обвиняли в том, что он именовал Михаила Федоровича «не по достоинству деспотом русским», т.е. не царем и самодержцем, а владыкой или владельцем [39. С. 332]. В являвшемся келейной книгой патриарха Адриана сочинении, которое сближают с риторическим упражнением на историческую тему [3. С. 414; 6. С. 195], «деспотами» однажды названы московские государи [23. С. 446]. (Впрочем, в его собственных стихирах, положенных на крюковые ноты, «деспотом» был представлен Иван IV: о «десподах» часто упоминается в «хартийце» Ивана Тимофеева [9. С. 44, 53, 65, 67, 102, 133, 152, 161. Ср. С. 77, 136]).

О литературной деятельности И.А.Хованского нет даже косвенных данных. Хворостинину же атрибутируется несколько произведений различных жанров. В одном из них — «О гонении на святую церковь краеграниесие по буквам» — читаем, что Андрей Первозванный «от числа полка ученик Христовых избанный из Иерусалима в Византию дойде». Сходную фразу находим в «Словесах ...»: «священный Андрей, един сый от двоюнадесяти числа ученик Христовых ... от Иерусалима в Синопию прииде» [7. С. 99; 23. С. 432]. Интересующее нас произведение «составлено Иваномъ дуксом». В названии других сочинений, вышедших из-под пера бывшего фаворита первого Самозванца, встречаем указания: «писано» («списано») «Иоанном дуксом», «дуксом Иванном», «княз Ивана», «князя Ивана ... Хзоростизина» [6. С. 193—195; 7. С. 409; 23. С. 428. Ср. С. 436, 446].

Таким образом, сомневаться в утвердившейся в историографии атрибуции «Словес ...» (предложенной П.М.Строевым еще в 1829 г. [2. С. 92]) и тем более признавать их «сложением» князя И.А.Хованского нет каких-либо веских оснований.

Без малого четыре десятилетия тому назад обширный круг публицистических сочинений, отражающих перипетии Смутного времени, пополнился найденной Г.П.Ениным ППМГ. С точки зрения первооткрывателя памятника, сохранившего немало оригинальных данных о событиях 1606—1615 гг., его «оптимистическое заглавие», не имеющее аналогий в остальных произведениях о «межъусобной брани» в России начала XVII в., объясняется тем, что для нее многолетнее «смятение» закончилось общим успехом, нарушенный тогда феодальный порядок удалось восстановить [11. С. 101—102; 12. С. 165, и др.]. Такое объяснение вряд ли соответствует названию вышедшего из-под пера смоленского в прошлом дворянина сочинения: «Повесть известна о победах Московскаго государства, колики напасти подъяша за умножение грех наших от междоусобныя брани от поганых ляхов и от литвы, и от русских воров, и како от толиких бед избавил ны всемилостивый Господь Бог наш ...» (оно заставляет вспомнить про Плач о пленении и о конечном разорении Московского государства, Повесть о некоей брани, напечатанное в Нижнем Новгороде в 1613 г. произведение Н.Фофанова, первые главы «Истории вкратце» Авраамия Палицына, повесть «О бедах, скорбех и напастех, еже бысть в велицей России», Повесть о разорении Московского государства, известную В.Н.Татищеву летопись о разорении русском, «Плач о пленении Московскаго государства, како наведе на ны, грешныя, Господь Бог праведный гнев свой, ... и како разорися великая Россия попущением Божиим от неверных язык и от междоусобныя брани ...»). К тому же анонимный «слогатель», писавший в начале второй четверти XVII в., вовсе не изображает предшествующее лихолетье чередой побед, рассказывая о крупных неудачах, постигших правительственные войска на Пчельне, Ходынке, под Болховом, Троице-Сергиевом монастырем, Белой, Клушиным, Боровском, Можайском, а затем в попытках вернуть утраченный Смоленск. Кроме того, в интересующем нас произведении с горечью повествуется (как, например, и в хронографических статьях о Смуте, Временнике Ивана Тимофеева, Истории Авраамия Палицына, Новом летописце (далее — НЛ) старшей редакции) о кончине М.В.Скопина-Шуйского и низложении царя Василия. Принимая во внимание хотя бы условия Столбовского и Деулинского соглашений, которые не скрываются даже в официальном НЛ [25. С. 139, 148], едва ли стоит утверждать, будто Россия в общем успешно вышла из потрясений иноземного «пленения» и «междоусобия земнаго».

Недавно А. М.Молочников рассудил, что название «о победах Московского государства» рассматриваемая повесть получила при переписке в XVIII в., тогда как создатель этого произведения (возможно, А.Л.Вараксин) собирался поведать читателям о бедах, пережитых Россией в начале предыдущего столетия (по аналогии с упомянутой повестью «о бедах и скорбех и напастех»), а вовсе «не имел намерения похвалиться “победами” смоленских дворян»; к тому же в концовке «мемуарного сказания» (в оценке того же исследователя) говорится про «от бед освобождение, и от многия напасти и рати междоусобныя брани, и от многого разорения избавления ... бед» [18. С. 326, 329].

Думая, что автор ППМГ в отличие от других публицистов первой трети XVII в. не признавал время Смуты трагической порой русской истории, и Г.П.Енин, и А.М.Молочников вкладывают в выражение «победа» преобладающее значение. Однако оно не было единственным. Иногда победой называли бой, сражение [23. С. 446; 40. С. 178—180]. Подчас же за победу принимали разорение, беду, несчастье [17. С. 991, 992; 38. С. 120]. О битве на Восме в НЛ сказано: «начаша воры московскихъ людей осиливати», и те, «видя надъ собою победу отъ враговъ, все возопиша единогласно, что померети всемъ до единого». (Аналогичная фраза есть в летописной статье, посвященной восстанию Хлопка, но речь идет не о победе, а о гибели). В Нарышкинской редакции Сибирского летописного свода смерть Ермака и почти всех его соратников в бою, оказавшемся для «ратоборного» атамана последним, называется «смертной победой». В Описании новыхъ земли Сибирского государства как победа татар определяется разгром ермаковцами и пленение мурзы Канцеляя — ближнего советника Кучума [24. С. 58, 75; 27. С. 249. Примеч. 14—16; С. 310; 28. С. 123; 36. С. 371]. «Победа» означает «поражение, неудача» и в некоторых других источниках [29. С. 148, 152, 154; 45. С. 640. Ср. 7. С. 159; 43. С. 291, 335]. Тот же смысл имело и выражение «побеждение» («побежение») [22. С. 494; 27. С. 68, 137].

(В явившемся источнике ППМГ Писании о преставлении и погребении М.В.Скопина-Шуйского упоминается про «бывших» «в победе и во одолении» с царским племянником, т.е., в переводе Н.С.Демковой, «в победах и поражениях». Но ранее о прославленном князе сказано как «на супротивныхъ» «одолителе» и «одолении» «на враги», следом же Скопин представлен победителем «иноплеменником» [23. С. 64, 66—68. Ср. 9. С. 137, 143]. Известно, что оборот «победа и одоление» является устойчивым для высоких контекстов русской книжности XVI—XVII вв. [7. С. 91; 13. С. 483; 23. С. 266; 27. С. 66, 96, 115, 159; 44. С. 122. Ср. 9. С. 137]). В широко известной Летописной книге о Смутном времени «победницами» считаются победители, а «победоносцами» — несчастные. В этой «пространной истории», редактировавшейся князьями И.М.Катыревым-Ростовским и С.И.Шаховским, победами названы поражение русских под Тверью, падение долго оборонявшегося ими Смоленска, «московское разорение». Вместе с тем в «книжице летописной» читаем об одержанной Скопиным-Шуйским победе — взятии Твери, и еще одной победе «московского воинства» — освобождении «царствующего града». (У И.А.Хворостинина, кстати, глагол «победитися» означает сразиться) [23. С. 384, 396, 398, 400, 410, 420, 446, 447; 34. С. 310].

Начало XVII в. запомнилось русским книжникам как годы «злого пленения», великого разорения и кровопролития «без числа» [9. С. 28, 78—79, 95—98, 114, 115, 121—126, 147—150, 155, 167; 19. С. 332, 348, 355, 427, 436; 23. С. 338, 340, 342, 344, 534; 26. С. 211, 213, 214, 249, 256; 37. С. 117—119, 267—269, и др.]. К кругу этих книжников следует отнести и интересовавшегося судьбами смоленских дворян в «смутные лета» «списателя» ППМГ, поведавшего о страшных бедствиях родной страны при царе Василии и в «безгосударное» время.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века. М., 1998. Т. 2.
2. Археографическая экспедиция Академии наук: 1828—1834: Сб. мат.-лов. Л., 1930. Вып. 1.
3. Белоброва О.А. К истории библиотеки патриарха Адриана // Труды Отдела древнерусской литературы (далее — ТОДРЛ). Л., 1979. Т. 34.
4. Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время (7113—7121 гг.). М., 1907.
5. Боярские списки последней четверти XVI — начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г. М., 1979. Ч. 1.
6. Буланин Д.М., Семенова Е.П. Хворостинин Иван Андреевич // Словарь книжников и книжности Древней Руси (далее — СККДР). СПб., 2004. Вып. 3. Ч. 4.

7. *Виршевая поэзия (первая половина XVII века)*. М., 1989.
8. *Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря* / Изд. подг. Е.Н.Клигина, Т.Н.Манушина, Т.В.Николаева; отв. ред. Б.А.Рыбаков. М., 1987.
9. *Временник Ивана Тимофеева*. М.; Л., 1951.
10. Гераськин Ю.В. *Рязанский архиепископ Феодорит и его роль в годы Смуты // Смутное время и земские ополчения в начале XVII века: К 400-летию создания Первого ополчения под предводительством П.П.Ляпунова: Сб. тр. Всерос. науч. конф. (далее — СВЗО)*. Рязань, 2011.
11. Енин Г.П. «Повесть о победах Московского государства» — новонайденный памятник древнерусской литературы // *Повесть о победах Московского государства* / Изд. подг. Г.П.Енин. Л., 1982.
12. Енин Г.П. *Повесть о победах Московского государства // СККДР*. СПб., 1998. Вып. 3. Ч. 3.
13. *Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси)*. М., 1969.
14. *История русской литературы*. М.; Л., 1948. Т. 2. Ч. 2.
15. Козляков В. *Борис Годунов: Трагедия о добром царе*. М., 2011.
16. Козляков В. *Герои Смуты*. М., 2012.
17. *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: Труд И.И.Срезневского*. СПб., 1902. Т. 2.
18. Молочников А.М. *Родословие Варакиных и «Повесть о победах Московского государства» // Смутное время в России в начале XVII в.: поиски выхода: К 400-летию «Совета всея земли» в Ярославле: Мат-лы Международ. науч. конф. / Под ред. В.Н.Козлякова*. Ярославль, 2012.
19. Морозова Л.Е. *Россия на пути из Смуты: Избрание на царство Михаила Федоровича*. М., 2005.
20. Никитин А.О. *Рязанцы Смутного времени: лица и судьбы // СВЗО*. Рязань, 2011.
21. *Осадный список 1618 г. М.; Варшава, 2009 (Памятники истории Восточной Европы: Источники XV—XVII вв. Т. 8)*.
22. *Памятники литературы Древней Руси (далее — ПЛДР): Вторая половина XVI века*. М., 1986.
23. *ПЛДР: Конец XVI — начало XVII веков*. М., 1987.
24. *Повесть о победах Московского государства* / Изд. подг. Г.П.Енин. Л., 1982.
25. *Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ)*. М., 1965. Т. 14.
26. ПСРЛ. М., 1978. Т. 34.
27. ПСРЛ. М., 1987. Т. 36.
28. *Псковские летописи / Пригот. к печ. А.Насонов*. М.; Л., 1941. Вып. 1.
29. Раздорский А.И. «Повесть о граде Курске» («Курский летописец») XVII в. // *Очерки феодальной России*. М., 2003. Вып. 7.
30. *Разрядная книга 1550—1636 гг. (далее — РК)*. М., 1976. Т. 2. Вып. 1.
31. РК. М., 1976. Т. 2. Вып. 2.
32. *Разрядная книга 1475—1598 гг.* М., 1966.
33. *Разрядная книга 1475—1605*. М., 1987. Т. 3. Ч. 3.
34. *Сборник Муханова*. 2-е изд. СПб., 1866.
35. Семенова Е.П. И.А.Хворостинин и его «Словеса дней» // *ТОДРЛ*. Л., 1979. Т. 34.
36. *Сибирские летописи*. СПб., 1907.
37. *Сказание Авраамия Палицына*. М.; Л., 1955.
38. *Словарь русского языка XI—XVII вв.* М., 1989. Вып. 15.
39. *Собрание государственных грамот и договоров*. М., 1822. Ч. 3.
40. Солодкин Я.Г. *К определению замысла и источников «Повести о победах Московского государства» // Сб. науч. тр. Сургут. гос. ун-та*. 2002. Вып. 9. Ч. 2.
41. *Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории*. М., 1990.
42. *Станиславский А.Л. Движение И.М.Заруцкого и социально-политическая борьба в России в 1612—1613 гг. // Исторические записки*. М., 1983. Т. 109.
43. Творогов О.В. *Материалы к истории русских хронографов*. 3. *Троицкий хронограф* // *ТОДРЛ*. Л., 1989. Т. 41.
44. *Филюшкин А.И. Герменевтический комментарий к первому посланию Андрея Курбского Ивану Грозному // АСТIONOVA: 2000*. М., 2000.
45. *Флоря Б.Н. Земские соборы и внешняя политика Русского государства в первой половине XVII века // Сословия, институты и государственная власть в России: Средние века и раннее Новое время: Сб. ст. памяти академика Л.В.Черепнина*. М., 2010.
46. Эскин Ю.М. *Пожарский и Ляпунов // СВЗО*. Рязань, 2011.

ВОЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
ТУРИНСКОГО УЕЗДА В XVII в.MILITARY ORGANIZATION OF
TURIN UYEZD IN XVII CENTURY

Аннотация. В статье исследуется военная организация Туринского уезда в XVII в. Показывается, что в первые годы Туринский острог не имел своего гарнизона, он появился в 1614 г. с переводом 50 стрельцов в дополнение к детям боярским, пушкарям и толмачам. Большинство служилых людей Туринского острога выполняли различные службы в городах Сибири и на территории уезда.

Ключевые слова. Туринский острог; уезд; служилые люди; стрельцы; казаки; дети боярские; толмачи; ясачные люди; крестьяне.

Сведения об авторе: Пузанов Владимир Дмитриевич, доктор исторических наук, доцент кафедры истории России.

Место работы: Сургутский государственный университет.

Abstract. The article examines the military organization of Turin uyezd in the XVII century. It is shown that Turin "ostrog" in its early years did not have a garrison. It was created in 1614 when fifty men of Streltsy unit were transferred to Turin ostrog in addition to children of Boyars, artillerymen and interpreters. Most of the service class men of Turin ostrog performed various services in Siberian towns and within the uyezd borders.

Key words: Turin ostrog (stockaded town); uyezd; service class people; streltsy; Cossacks; Boyar's children; interpreters; people who paid off a tribute in furs; peasants.

About the author: Vladimir Puzanov, associate Professor of the Department of Russian history.

Place of employment: Surgut State University.

Контактная информация: 628412, Ханты-Мансийский округ — Югра, г. Сургут, ул. Энергетиков, д. 14, ауд. 505; тел.: (3462)763038, (922)2487304. E-mail: alan1971@bk.ru

По данным Книги Записной, Туринский острог был построен «всяких чинов людьми» и тюркским населением в 1600 г. Летопись считает, что его основателем и первым воеводой был голова Иван Лихарев [9. С. 140]. По данным актов, основателем Туринского острога был голова Федор Янов из Тюмени, а Иван Лихарев стал позднее воеводой острога [4. С. 291].

Туринский острог был построен в 1600 г. по указу царя Бориса Годунова. Назначение Туринского острога заключалось в организации связи между Верхотурьем и Тюменью. К Туринскому острогу были приписаны из Тюменского уезда группы тюрков и угров, жившие по рекам Туре и Нице. Всего в Туринском уезде имелось 16 малых волостей. Таким образом, ясачное население уезда было небольшим. В результате событий 1628—1631 гг. количество плательщиков ясака Туринского уезда сократилось на четверть — с 121 человека (1629 г.) до 114 (1630 г.) и 88 (1631 г.). Позднее начался рост ясачного населения, составлявшего в 1634 г. 119 человек и в 1636 г. 111 человек. Наибольшего количества ясачное население достигло в 1640-е гг., составив 140 человек (1642 г.) и 144 человека (1645 г.), после чего оно начинает медленно снижаться до 139 человек (1651 г.), 131 (1660 г.), 135 (1662 г.). В результате участия части ясачного населения в башкирском восстании 1662—1667 гг. оно понесло большие потери. В 1671 г. в уезде имелось всего 109 плательщиков ясака, в 1679 г. 119 человек. К 1691 г. число плательщиков ясака уменьшилось до 74 человек, в 1702 г. насчитывало 81 и в 1706 г. 84 человека. Таким образом, ясачное население Туринского уезда за XVII в. уменьшилось на треть. По мнению Б.О.Долгих, крупные потери ясачное население Туринского уезда понесло только после участия в движении 1662 г. Однако собранные ученым данные говорят о значительных потерях ясачных людей в 3 периодах: 1630-х гг., 1660-х гг. и 1680-х гг. Б.О.Долгих отмечает в качестве причин больших потерь ясачного населения движение 1662—1663 гг. и набеги ойратов в 1660-е и 1680-е гг. [2. С. 35—37].

Туринский острог первоначально не имел своего гарнизона. Первые годы после основания гарнизон Туринска состоял только из годовальщиков из Тюмени. В «Истории Сибири» отмечается, что в 1600 г. «на постоянное жительство в Туринск с тюменским головою

Ф. Яновым прибыли 50 служилых людей» [3. С. 37]. Однако актовый материал показывает, что складывание гарнизона города было процессом более сложным. Это положение было в свое время отмечено Н.И. Никитиным [6. С. 28]. В 1600 г. после строительства Туринска часть служилых людей Тюмени и Пелыма, возводивших острог, была отправлена по своим гарнизонам и к 1601 г. в городе с Федором Яновым осталось 10 тюменских конных казаков, видимо, на «годовой службе». Позднее и они были отозваны из Туринска. 16 апреля 1605 г. Туринский голова Иван Лихарев, сообщая в Тобольск о возможном нападении Алея, отмечал, что «в Туринском остроге служилых людей нет, а одни пашенные крестьяне и ямщики» [5. Т. 2. С. 222].

В начале XVII в. в остроге фактически постоянно жили одни ямщики. Эти тяглые люди в количестве пятидесяти человек исполняли здесь обязанности служилых людей, провозжали государевы запасы с Верхотурья до Тюмени, караулили по острогу и т.п. Во время их частых отъездов острог оставался без защиты, так как крестьяне Туринского уезда жили в отдалении от острога. В результате Туринский острог находился без необходимой защиты в случае нападения кочевников или восстания местного населения. Об этом часто писали воеводы и головы Туринского острога в Москву и в Тобольск, прося прислать постоянный контингент служилых людей. Представители администрации отмечали, что крестьяне и ямщики не годятся для сторожевой службы и, следовательно, не могут полноценно защищать острог и уезд.

Однако, несмотря на эти просьбы, правительство долгое время оставляло без внимания подобные жалобы и предпочитало направлять в Туринский острог небольшие группы служилых людей из ближайших городов Сибири, Тюмени и Тобольска на временную службу в качестве годовальщиков. Эти посылки первоначально не были регулярными, а производились обычно в случае вестей о возможности нападения на территорию Туринского уезда Кучумовичей, ногаев и ойратов. Понятно, что подобная зависимость Туринского острога от соседних городов была крайне неудобна. В случае вестей о набегах воеводы Тобольска и Тюмени далеко не сразу отправляли годовальщиков в Туринский острог. Так, в 1603 г. туринский голова Иван Лихарев просил выслать из Тюмени десять служилых людей по случаю ожидавшегося набега кочевников. В ответ на это тюменский голова Алексей Безобразов сообщил Ивану Лихареву, что «в Туринский острог из Тюмени послать некого» и предложил просить служилых людей в Тобольске [5. Т. 2. С. 211].

25 мая 1607 г. по вестям о нападении Алея на ясачные волости Туринского уезда воевода Верхотурья Степан Годунов направил воеводе Туринска Ивану Годунову десять стрельцов и казаков «по государеву указу». В данном случае эта посылка служилых людей с Верхотурья была обусловлена принадлежностью двух воевод к одной семье, оказавшейся в результате событий 1605 г. в Сибири. Однако и теперь, несмотря на эти родственные связи, воевода Верхотурья требовал от воеводы Туринского острога после того, как угроза нападения пройдет, сразу же отпустить стрельцов обратно на Верхотурье, «потому что на Верхотурье служилых людей мало» [5. Т. 2. С. 231]. Характерно, что в то же время воеводы русских городов видели в тяглом населении Туринского острога источник военного резерва. В 1607 и в 1611 гг. во время организации больших походов на ойратов, в которых участвовали все южные города Сибири, из Туринского острога в эти походы призывались «охочие люди» из русского и из ясачного населения, которые должны были конные и с оружием идти в Тюмень. В целом территория Туринского уезда часто подвергалась нападениям, а особенно велика была опасность в период Смуты. Источники отмечают, что крупные набеги Кучумовичей на Туринский уезд ожидалось в 1603, 1605, 1606, 1607 и 1614 гг. В 20—40-е гг. XVII в. на территорию уезда совершали набеги Кучумовичи и ойраты.

По данным Н.И. Никитина, только в 1614 г. в Туринский острог перевели 50 стрельцов [6. С. 28]. Но это количество служилых людей было мало для служб Туринского острога. В результате в Туринский уезд направлялись партии годовальщиков из Тюмени. Так, список

1638 г. отмечал, что из Тюмени 20 конных казаков посылалось в Туринский острог, где они использовались для посылки в проезжие станицы [8. Ф. 214. Кн. 110. Л. 32]. Надо отметить, что кроме малочисленности еще одной большой проблемой гарнизона Туринского острога было отсутствие людей конной службы. Об этом часто писали воеводы Туринского острога. Так, в сентябре 1641 г. в Тобольске были получены от бежавшего из плена ясачного человека сведения о том, что ойраты готовят крупный набег на Туринский острог с силами около тысячи человек. Тобольский воевода князь Петр Пронский приказал воеводе Туринского острога усилить караулы и станицы в уезде. Туринский воевода передал эти указания служилым людям города, в съезжей избе служилые люди сообщили воеводе, что в проезжие станицы им ездить не на чем, лошадей у них нет, «служим государю пешую службу, а не конную». В городе имелось только два сына боярских, которые также не имели лошадей. Воевода просил князя Петра Пронского по государевой грамоте выслать в Туринск из Тобольска конных служилых людей. В 1649 г. воевода Туринского острога сообщал, что не может выполнить требования Москвы посылать на юг проезжие станицы, так как в остроге всего пятьдесят два служилых, которые несут пешую службу.

Важные данные по ранней истории Туринского острога имеются в челобитной приказчика пашенных крестьян Алексея Фролова 1644 г. Алексей Фролов был одним из строителей и первых колонистов Туринского острога с его основания головой Федором Яновым в 1600 г., «острог ставил и пашню государеву пахал наимучи великую нужею 3 года». Туринский острог в это время не имел своего гарнизона, и Алексей Фролов был зачислен в разряд пашенных людей. Первые воеводы Туринского острога Федор Янов и Федор Фофанов фактически использовали Алексея Фролова в качестве представителя власти, посылая его в Пермь, города Поморья призывать в Туринский острог пашенных крестьян и ямских охотников. Новый воевода голова Иван Лихарев разрешил Алексею Фролову за его службу бить челом государю. Борис Годунов по этой челобитной разрешил Алексею Фролову служить в пушкарях Туринского острога. По данным челобитной, Алексей Фролов происходил из семьи служилых людей по прибору. Он с гордостью писал, что ему «государева пашня не за обычай, дед мой, и отец были не пашенные, служили государеву стрелецкую службу». Из Переяславля Залеского дед и отец Алексея Фролова были взяты в поход Ивана IV на Казань в 1552 г., а после взятия Казани были переведены в гарнизон этого города в качестве стрельцов. Алексей Фролов начал государеву службу в пригороде Казани Лаишевском городе, участвовал в русско-шведской войне 1589—1595 гг. «служил конным службу в немецких походах» в боях под Ругодивом и под Выборгом. В Казанском крае «в черемисе» Алексей Фролов ставил Царев город и Уржум, а затем служил под Серпуховым в полку воеводы Силы Пушечникова. Из Казани в 1594 г. Алексей Фролов с головой Мамлеем был отправлен в Сибирь, ставил Тарский город, а затем служил береговую службу на Туле с головой Иваном Мансуровым и Андреем Олябьевым.

В первое десятилетие XVII в. в Туринском остроге «служилых людей не было». На службе находилось только 3 пушкаря, которые должны были выполнять самую различную работу. Так, Алексей Фролов сообщал, что он ходил в дозоре за государевой пашней в период сева и молотбы, «по вся годы» собирал ясак и держал караулы, возил государевы хлебные запасы по р. Туре до Тюмени, Тобольска и Пельма. Воеводы отправляли пушкарей и для сопровождения ясачной казны в Москву. Алексей Фролов отмечал, что он 16 лет служил в пушкарях, а затем, когда в Туринский острог были присланы служилые люди с Пельма, служил с ними 7 лет «всякую твою государеву службу». По данным Алексея Фролова, первым приказчиком пашенных крестьян в Туринском остроге был березовский казак Василия Юрьев. В 1622 г. в острог к воеводе Семену Апухтину была прислана государева грамота, по которой следовало отставить от приказа Василия Юрьева, а на его место назначить одного из служилых людей «кто годен». Семен Апухтин назначил приказчиком Алексея Фролова, в этой должности последний служил 20 лет. В 1642 г. стрелецкий

десятник Иван Калуга бил челом государю на место приказчика, заявив, что Алексей Фролов поставлен в приказчики из пашенных крестьян. В 1644 г. боярин князь Н.И.Одоевский приказал послать в Туринский острог государеву грамоту, по которой детям Алексея Фролова разрешалось быть служилыми людьми, а ему самому, за прежние заслуги — жить у детей, а не быть причисленным к посаду.

Количество служилых людей Туринского острога в 1620—80 гг. мало изменялось, однако можно выделить тенденцию постепенного роста гарнизона от 57 (1625 г.) до 62 (1685 г.) человек. Разрядные книги 1625—1631 г. и список 1633 г. отмечает в Туринском остроге троих детей боярских [8. Ф. 214. Ст. 16. Л. 234; Кн. 46. Л. 31]. К 1635 г. количество детей боярских уменьшилось до двух человек, в 1638 г. до одного человека, в 1640—50 гг. было два человека. Список 1660 г. отмечает, что в числе двух детей боярских один был верстан по государевой грамоте за даурскую службу, а один в 1660 г. умер [8. Ф. 214. Кн. 209. Л. 31; Кн. 408. Л. 39]. К 1670 г. число детей боярских выросло до трех человек, а позднее даже до четырех, к 1678 г. один сын боярский по государевой грамоте был исключен из этой корпорации. В 1620—50 гг. в Туринском остроге имелся 51 стрелец. В 1660 г. было 52 стрельца, затем их число уменьшается до 46 человек (1670 г.), после чего постепенно возрастает до 49 человек в 1678 г., 52 человек в 1685 г. [8. Ф. 214. Оп. 3. Ст. 100. Л. 89; Кн. 408. Л. 39; Кн. 641. Л. 46]. Источники отмечают случаи перехода стрельцов Туринского острога в другие группы. В 1640 г. стрелец Еремей Кондратьев из гарнизона Туринска основал слободу в уезде и стал ее первым приказчиком. В результате чего, по государеву указу, выбыл из состава стрельцов.

Количество пушкарей в Туринском остроге увеличивалось, составив 3 человека в 1625—1627 гг., 4 в 1629—1631 гг., 5 в 1633—1685 гг. Кроме того, в 1630—80 гг. списки отмечают 6—10 человек разных служб, в том числе одного воротника, одного кузнеца и одного тюркского толмача.

К 1703 г. в Туринске служили 4 детей боярских, 1 прапорщик, 61 пеший казак, 5 пушкарей, всего 71 человек. В Туринском остроге довольно быстро появились посадские люди, в 1623 г. их было 23 человека. К 1700 г. их количество увеличилось до 85 человек [1. Т. 2. С. 291]. А.А.Преображенский справедливо отмечал, что в Туринском уезде имелось значительное крестьянское население. Так, в 1624 г. здесь насчитывалось 152 крестьянских двора, в 1697 г. — 333 крестьянских двора, а в 1710 г. — 742 крестьянских двора [7. С. 82].

В 1641 г. воевода Туринского острога писал, что в городе имеются всего два сына боярских, 50 стрельцов и пушкарей. В это время большая часть служилых людей Туринского острога отправлялась в посылки. 5—10 человек обычно отправлялись в Чубарову слободу, 4 служилых человека — на заставы для поимки беглых из Сибири, 20—30 человек — в экспедиции на озеро Ямыш (как отмечал воевода, эти экспедиции совершались не во все годы, а когда из Тобольска ходят), 4 человека отвозили ясачную казну к Москве. В результате этих посылок, по мнению воеводы, служилых людей в Туринском остроге оставалось мало. Весной все служилые люди, имевшиеся в наличии в остроге, должны были сопровождать корабли с хлебом до Тобольска, «оставя всякие службы». В это время караулы в Туринском остроге несли тяглые люди, посадские люди, крестьяне и ямщики. Воевода отмечал, что в соседних уездах, Тюменском и Верхотурском, служилых людей намного больше.

В 1649 г., по данным воеводы, в Тобольск за хлебными запасами из острога каждый год отправлялось по 30 человек, в карауле за ссыльными людьми по 10 и более, другие служилые люди служили на заставах. В результате во время этих посылок в остроге обычно оставалось не более 10 человек, которые постоянно несли караульную службу. Воевода отмечал необходимость в остроге конных казаков, так как Туринский острог находился близко от поля, где кочевали ойраты. Туринский воевода просил прислать в город «прибавочных людей» из Тобольска. Однако воевода Тобольска, Василий Шереметьев, отказал ему

и предложил написать царю с просьбой о пополнении гарнизона. Воевода прямо отмечал, что без дополнительных служилых людей он не сможет защитить от набегов ойратов русские слободы. По данным воеводы, ранее в Туринск присылали служилых людей из Тюмени. Служилые люди Туринска провозжали в Тобольск хлеб с Верхотурья. В 1649 г. эту службу несли 20 человек.

Постоянными являлись посылки в Москву с ясачной казной. В первой половине XVII в. обычно в столицу ездили 4—5 служилых людей, во второй половине XVII в. 2—3 человека. Посылки служилых людей в города Сибири (8—10 человек в Тобольск, Тюмень и на Верхотурье) были обычно для сопровождения государевой казны и ссыльных людей, иногда послов (списки 1638, 1647, 1649, 1660, 1672, 1678, 1685). В 1638 г. 15 служилых людей были отправлены на Верхотурье, чтобы отвезти хлеб в Тобольск. В 1649 г. отмечена также посылка 10 служилых людей в Тобольск, для сопровождения хлебных запасов. В этом году в Тюмень и на Верхотурье было послано 20 человек [8. Ф. 214. Кн. 110. Л. 28 об.; Кн. 248. Л. 43]. Часть гарнизона постоянно посылалась в экспедицию на озеро Ямыш, обычно от 10 (1678 г.) до 25 (1685 г.) стрельцов и пушкарей. Часть списков не дает четкого различия посылок. В списке 1660 г. отмечено, что 25 служилых людей отправлялись на Тюмень в провозатых с государевой казною, ссыльными людьми, к озеру Ямыш. В списке 1672 г. сообщается, что 33 человека отправились на Тюмень, на Верхотурье в провозатых с государевой казною, за ссыльными людьми и к озеру Ямыш.

Служилые люди постоянно посылались на караулы в уезд, список 1633 г. сообщает цель этих посылок: «служилых людей 2 человека, потому что б торговые люди и всякие люди у Туринских ясачных тюрков до государева ясаку соболей и всякой мягкой рухляди не покупали и на русские товары не меняли покаместо государев ясак не заплатят сполна». Также служилых людей отправляли в уезд для других дел, список 1649 г. сообщает о 4 человеках, а список 1678 г. о 2 человеках для выдельного хлеба. В 1628—1638 гг. 5 стрельцов по сменам стояли в Чубаровой слободе «для береженья пашенных крестьян». В 1672 г. 2 человека отсылались в Благовещенскую слободу для защиты от воинских людей [8. Ф. 214. Оп. 3. Ст. 100. Л. 89].

В первой половине XVII в. служилые люди привлекались и для более дальних служб. В списке 1628 г. сообщается о посылке 1 сына боярского для таможенного сбора на Обдорскую заставу. Служилые люди Туринского острога посылались в качестве годовальщиков в Енисейский острог, до образования там постоянного гарнизона. В 1622 г. в Енисейский острог было отправлено 9 стрельцов. В 1623 г. по отписке воеводы Тобольска М. Годунова на государеву службу в Енисейский острог были отправлены 10 стрельцов. В 1652 г. в составе русской экспедиции на восток было отправлено 12 служилых людей из Туринского острога, которые оставались там еще к 1660 г. Эти службы требовали отвлечения основных сил гарнизона города. В списке 1628 г. отмечается, что на службе в Туринском остроге после отправки всех посылок оставалось 2 детей боярских, 31 стрелец. В списке 1638 г. отмечено, что в Туринском остроге после посылок оставалось всего 5 человек. В списках 1672 г. и 1678 г. сообщается, что в результате многих посылок служилые люди, служившие в городе, должны были постоянно стоять по караулам по острогу [8. Ф. 214. Кн. 110. Л. 29; Кн. 641. Л. 46].

По первоначальному плану правительства Туринский острог построен для организации связи между Верхотурьем и центром русской Сибири — Тюменским городом и Тобольском, фактически не имел военного гарнизона. Город был построен на р. Туре между двумя русскими городами Верхотурьем и Тюменским городом, и был прикрыт ими от внешней угрозы. Туринский уезд был очень малым по территории и количеству населения. В первые годы в Туринском остроге из военного населения имелись только оброчники — пушкари, которые не могли нести все службы по острогу и уезду. Поэтому воеводам Туринского острога приходилось использовать на службе группу жалованных людей, которая

обычно к ней не привлекалась — ямщиков, и даже тяглых людей — крестьян. Такая практика была обычна для большинства городов Поморья XVI—XVII вв. Однако в эпоху Смуты территория Туринского уезда подвергалась набегам кочевников, во главе которых стояли Кучумовичи, пытавшиеся объединить все группы местного населения Сибири, недобровольного русской властью. Через год после реставрации государства в 1614 г. в Туринский острог был переведен отряд из 50 стрельцов. Однако в эпоху Смуты состояние Русского государства не позволило усилить количество вооруженных сил в Сибири и в том числе организовать гарнизон в Туринском остроге. В это время в городе поселились небольшие группы годовальщиков из Тюмени. Однако и после этого гарнизон Туринского острога был слишком мал для этого уезда. Еще одной проблемой было то, что в Туринском остроге не было служилых людей конной службы, которые могли поддерживать русскую власть в Туринском уезде.

Посылка конных отрядов из других городов в Туринский острог продолжилась и после образования в нем своего гарнизона (как правило, из Тюмени). Воеводы часто жаловались в Tobольск и Москву на крайний недостаток служилых людей в Туринском остроге. Большие группы служилых людей из Туринского острога приходилось направлять для сопровождения транспортов с запада на восток в Тюмень и в Tobольск, и с востока на запад на Верхотурье. В результате в Туринском остроге оставалось 10, а часто 5—6 человек. В случае угрозы в Туринский острог, как и на Верхотурье, приходилось направлять служилых людей из Tobольска и Тюмени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акты, относящиеся до юридического быта древней России. СПб., 1864. Т. 2.
2. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960.
3. История Сибири. Л., 1968. Т. 2.
4. Миллер Г.Ф. Описание Сибирского царства. М., 1998.
5. Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 1999. Т. 1.
6. Никитин Н.И. Служилые люди в Западной Сибири. Новосибирск, 1988.
7. Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII века. М., 1972.
8. Российский государственный архив древних актов.
9. Сибирский летописный свод // Полное собрание русских летописей. М., 1987. Т. 36.

**СОСТАВ И СТРУКТУРА ОТДЕЛОВ
ИМПЕРАТОРСКОГО ПРАВОСЛАВНОГО
ПАЛЕСТИНСКОГО ОБЩЕСТВА
В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX вв.**

**COMPOSITION AND STRUCTURE OF
THE WEST SIBERIAN BRANCHES OF
THE IMPERIAL ORTHODOX
PALESTINE SOCIETY AT THE END OF
XIX — BEGINNING OF XX CENTURY**

Аннотация. В статье рассматриваются история возникновения, социальный состав, структура, организация работы Томского и Тобольского отделов Императорского Православного Палестинского общества.

Ключевые слова: Императорское Православное Палестинское общество; Томский отдел; Тобольский отдел; социальный состав; структура; паломничество.

Сведения об авторах: Цысь Валерий Валентинович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России; Цысь Ольга Петровна, доцент кафедры истории России.

Место работы: Нижневартовский государственный университет.

Контактная информация: 628605, Ханты-Мансийский округ — Югра, г. Нижневартовск, ул. Ленина, д. 56; тел.: (3466)273510.
E-mail: roshist@mail.ru

Abstract. The paper dwells upon the history of foundation, social composition, structure, organization of work at the Tomsk and Tobolsk branches of The Imperial Orthodox Palestine Society.

Key words: The Imperial Orthodox Palestine Society; Tomsk brunch; Tobolsk brunch; social composition; structure; pilgrimage.

About the author: Valery Tsys', doctor of historical Sciences, Professor of chair of history of Russia; Olga Tsys', associate Professor of the Department of Russian history.

Place of employment: Nizhnevartovsk State University.

История общественно-религиозных организаций Западной Сибири конца XIX — начала XX вв. являет собой поучительный пример взаимодействия государства и социума в условиях модернизационных процессов, который может быть востребован и в современных условиях.

Одним из таких объединений, включавшим представителей различных сословий, созданным для успешного решения культурно-просветительских и миссионерских задач, являлось Императорское Православное Палестинское общество (ИППО), образованное в 1882 г. по инициативе, при активном участии и под покровительством членов августейшей семьи. Это единственная дореволюционная общественно-религиозная организация России, пережившая радикальные потрясения двадцатого столетия и сохранившаяся до наших дней. Ее деятельность оставалась актуальной при различных политических режимах. В наши дни Православное Палестинское общество достойно представляет интересы Российского государства и общества в странах Ближнего Востока.

На территории Западной Сибири существовало два отдела ИППО: Томский (с 3 апреля 1894 г.) и Тобольский (с 6 апреля 1897 г.). Они функционировали на основании утвержденного в 1882 г. Устава ИППО, предполагавшего следующий порядок организации. Согласно параграфу 98 Устава отделы могли открываться «по усмотрению Совета Общества, с согласия местного начальства» и только в том случае, «когда в данной местности имеется не менее 10 членов Общества, изъявлявших желание открыть Отдел» [54].

Следует отметить, что хотя первые общественно-религиозные организации возникают в крае еще во 2-й половине 60-х — начале 70-х гг. XIX в., существенный рост их числа наблюдается лишь с 1890-х гг. С этого же времени происходит и резкая активизация борьбы за укрепление и распространение православия через научную и издательскую деятельность, общества трезвости, миссионерство. Государство и церковь старались всячески

стимулировать появление новых организаций, открыто оказывая им покровительство. В русле данной тенденции происходило и создание западно-сибирских отделов ИППО.

Инициатором их возникновения выступил августейший председатель общества великий князь Сергей Александрович. Его именные рескрипты, направленные в адрес епархиальных архиереев Макария (Невского) в ноябре 1893 г. и Агафангела (Преображенского) в январе 1897 г., дали толчок к организации отделов [7; 23].

По распоряжению преосвященных создаются комиссии для разработки проекта открытия отдела. Духовной консисторией рассылаются «отцам благочинным и настоятелям монастырей» отпечатанные в большом количестве экземпляры извлечения из «Руководящих правил для действия Отделов и Уполномоченных ИППО». Разворачиваются активные кампании по популяризации идей ИППО, привлечению внимания к его деятельности. Это выразилось не только в публикациях различного рода статей, объявлений и воззваний на страницах местной прессы [7. С. 155], но и в рассылке состоятельным жителям Тобольска приглашений «с покорнейшею просьбою не отказать в сочувствии и благосклонном участии в симпатичной и благотворной деятельности Императорского Православного Палестинского Общества» [56. С. 70]. Аналогичные просьбы направлялись и «представителям разных учреждений города и лицам городских сословий» в Томске [23. С. 14].

Воззвание Тобольского епархиального архиерея Агафангела приглашало в ряды отдела «всех ревнителей православия и благоговейных читателей Иерусалима и других св. мест Палестины» [7. С. 157]. «Первая и главная надежда» на помощь в развитии и процветании общества в Томске возлагалась на духовенство. Оно могло заинтересовать своих прихожан и «особенно лиц, наиболее радеющих о распространении и поддержании Православия» [16. С. 21]. Учредители Отдела полагали, что цели общества найдут отклик и у светских лиц, «в особенности тех из них, которые занимают те или другие начальственные должности» [16. С. 22]. В принципе же «все сословия православного населения» могли «выставляя из своей среды многих деятельных членов» [16. С. 22].

Проявленная епархиальными властями настойчивость и энергия не могла не привести к положительному результату. В дни торжественного открытия отделов в домах преосвященных собралось по несколько десятков лиц, составлявших политическую и экономическую элиту Томской и Тобольской губерний. В первый же день изъявили желание стать членами ИППО 39 человек в Тобольске и 60 человек в Томске [7. С. 160—162; 23. С. 15].

В зависимости от степени участия в жизни общественно-религиозной организации и размеров денежных пожертвований членство имело несколько разрядов: почетные, действительные (пожизненные или с ежегодным взносом), члены-сотрудники (пожизненные или с ежегодным взносом). Звание почетного члена присуждалось за особые заслуги «в пользу Православия, Святой Земли», за научные труды по палестиноведению, а также лицам, сделавшим единовременное пожертвование в размере не менее 5 000 руб. [47. С. 90]. Кандидаты в действительные члены должны были заручиться рекомендациями двух других действительных членов, а также вносить ежегодно 25 руб. или единовременно 500 руб. Член-сотрудник мог ограничиться ежегодным взносом в 10 руб. или единовременным в 200 руб. [47. С. 9].

Знак и диплом пожизненного члена можно было получить за активную работу. Так, Совет ИППО в 1899 г. «за ревностное исполнение обязанностей делопроизводителя Томского отдела... и за содействие распространению сведений о Святой Земле» наградил званием действительного пожизненного члена организатора Палестинских чтений в Томске А.М.Курочкина [46. Ф. 796. Оп. 437. Д. 2080. Л. 86 об.]. В 1901 г. «за полезные труды» пожизненными членами-сотрудниками становятся казначей Тобольского отдела А.А.Смолев, делопроизводитель отдела протоиерей Н.П.Богословский, устроитель Палестинских чтений в Тобольске протоиерей Н.Г.Грифцев [27. С. 187, 189]. 29 апреля 1912 г. званием действительного пожизненного члена удостоивается настоятель Нарымского собора, благочинный

6-го округа Томской епархии священник Н.Н.Никольский «в поощрение весьма ревностной деятельности на пользу Общества» [22. С. 474].

Отделы избирали из своей среды сроком на 3 года председателя, казначея и их заместителей, при необходимости — делопроизводителя.

Во главе отделов всегда стояли епархиальные архиереи: Тобольские и Сибирские — Агафангел (Преображенский) (1897—1898 гг.), Антоний (Каржавин) (1898—1910 гг.), Евсеев (Гроздов) (1910—1912 гг.), Алексей (Молчанов) (1912—1914 гг.); Томские и Семиплатинские (с 1895 г. — Томские и Барнаульские, с 1908 г. — Томские и Алтайские) — Макарий (Невский) (1894—1912 гг.), Мефодий (Герасимов) (1912—1914 гг.), Анатолий (Каменский) (1914—1917 гг.) [10. С. 287—288; 11. С. 237; 14. С. 94—95; 15. С. 112].

Товарищами председателя являлись крупные губернские чиновники, включая в некоторые периоды и самих губернаторов (Л.М.Князев, С.А.Вяземский, Н.Л.Гондатти), викарных епископов (с 1911 г. в Томском отделе) [9. С. 7—8].

Остальные должности замещались преимущественно руководителями и преподавателями средних учебных заведений. Так, в течение почти двух десятков лет докладчиком на общих собраниях Томского отдела ИППО выступал кандидат богословия, смотритель Томского духовного училища (с 1893 г.), ректор Томской духовной семинарии (с 1912 г.) А.М.Курочкин, занимавший должность казначея, а затем делопроизводителя [46. Ф. 796. Оп. 437. Д. 2080. Л. 84 об., 85 об.]. Активную роль в деятельности Тобольского отдела играли инспектор гимназии А.А.Смолев (казначей), смотритель мужского духовного училища А.А.Городков (кандидат казначея, делопроизводитель).

Из этой группы постепенно формировалось своего рода «ядро» отделов, включавшее наиболее активных членов, занимавшихся просветительской работой по распространению идей ИППО. Среди тех, кто состоял в Тобольском отделе с самого начала его образования и, по крайней мере, до 1914 г. (т.е. 17 лет), следует также отметить кафедрального протоиерея Н.Г.Грифцева, советника Тобольского губернского правления по департаменту народного просвещения И.В.Бирюкова. В Томском отделе столь же значимую роль играл помощник смотрителя духовного училища В.И.Покровский (казначей).

Основной объем текущей работы выполнялся небольшой группой членов, как правило, из числа преподавателей духовных учебных заведений, гимназий. Эти люди несли огромную общественную нагрузку, состоя в нескольких организациях одновременно. Так, А.М.Курочкин был членом попечительства о нуждающихся воспитанниках Томской духовной семинарии (1895 г.), Томского комитета Православного Миссионерского общества, товарищем председателя Томского отделения епархиального училищного совета, членом епархиального попечительства о бедных духовного звания, входил в совет Противораскольнического Братства св. Димитрия, митрополита Ростовского [46. Ф. 796. Оп. 437. Д. 2080. Л. 80 об., 86 об.]. Н.Г.Грифцев в 1895 г. утверждается редактором выпуска листов религиозно-нравственного содержания, в 1913 г. избирается председателем Братства св. вмч. Дмитрия Солунского. Кроме того, протоиерей входил в состав совета Тобольского комитета Православного Миссионерского общества, являлся действительным членом Обдорского братства св. Гурия, занимал должность товарища председателя Попечительства о нуждах Тобольского кафедрального собора [55. С. 88—89]. Совмещение множества разнообразных служебных и общественных обязанностей, разумеется, не могло не сказываться на эффективности их работы.

Должностные лица вместе с еще несколькими авторитетными членами организации образовывали Совет отдела, существование которого не было оговорено Уставом. В его состав в разные периоды входило от 4 до 10 человек. Необходимость формирования такого органа обуславливалась потребностью решения организационных вопросов в условиях, когда Общие собрания не могли быть созваны.

На заседаниях должностных лиц обычно рассматривались финансовые вопросы: проверка кассы, высыпка денег из сборных кружек, заслушивался доклад делопроизводителя о результатах сборов пожертвований, о поступлении членских взносов. Кроме того, обсуждались извещения и распоряжения, поступающие из Совета ИППО, составлялась программа Общего собрания отдела [9. С. 9—10; 8. С. 478—479].

Заседания Советов проходили от 1 до 6 раз в год, Общие собрания — ежегодно, как правило, в день Входа Господня в Иерусалим (вербное воскресенье). Однако в Тобольском отделе это правило в первые годы не соблюдалось. Общие собрания устраивались в одно из воскресений между Пасхой и праздником Троицы.

Роль Общих собраний ограничивалась выборами должностных лиц. В решении остальных задач она была минимальна. В то же время при рассмотрении ряда частных вопросов Общее собрание могло выступить против мнения руководства. Так, в 1905 г. было отвергнуто предложение о создании постоянной комиссии по организации Палестинских чтений в Тобольской епархии. Собравшиеся посчитали достаточным возложить данные обязанности на Н.Г.Грифцева: «он должен принимать соответствующие меры к руководству устройством Палестинских чтений и к лучшей постановке их» [31. С. 69].

Отделам приходилось корректировать свою деятельность в соответствии с объективными реалиями сибирской глубинки. Так, в заседаниях Общих собраний участвовали почти всегда лишь члены ИППО, проживавшие в губернских центрах. Обеспечить присутствие иногородних членов из-за огромных расстояний не было никакой возможности.

Хотя согласно Уставу правом голоса обладали лишь действительные члены ИППО, на практике и члены-сотрудники играли активную роль в деятельности региональных отделов. В частности, преимущественно из их состава назначалась ревизионная комиссия, проверявшая финансовую отчетность отдела.

Представителями ИППО на периферии являлись уполномоченные, выбиравшиеся из числа священников. Однако данный институт, не отличавшийся стабильностью, функционировал лишь в Томском отделе. В первый год существования отдела его уполномоченные действовали в Бийске, Усть-Каменогорске и с. Павловском Барнаульского уезда, с 1899—1900 г. — в Бийске и Барнауле, с 1908—1909 г. — только лишь в Барнауле.

С 1898 г. Томский отдел назначает уполномоченных по продаже паломнических книжек, предназначенных для облегченного и удешевленного проезда к Святым местам. Эту должность согласился занять пожизненный член-сотрудник Общества протодьякон кафедрального собора С.И.Александров [37. С. 23]. Ему помогал с 12 октября 1901 г. дьякон того же собора А.Я.Альферт [52. С. 248—249].

В Тобольском отделе функционировала библиотека. Изначально она содержала лишь около полутора десятков наименований книг и брошюр. К 1908 г. была собрана большая подборка «туманных картин» с видами Святых мест, использовавшаяся во время Палестинских чтений. Аналогичная библиотека в Томске предназначалась в основном для подготовки Палестинских чтений в архиерейском доме.

С самого начала члены ИППО взаимодействовали с другими общественно-религиозными организациями края, в первую очередь епархиальными братствами и миссионерским обществом. Так, Братство св. вмч. Димитрия Солунского (Тобольск) производило продажу изданий Палестинского общества.

Еще большее значение в организации работы отделов ИППО имела помощь со стороны духовных консисторий, как и системы епархиального управления в целом. Например, обращения преосвященного Макария (Невского) к благочинным с настоятельными пожеланиями об оказании содействия в проведении посвященных Святой земле чтений могли восприниматься как обязательные к выполнению требования.

Отделы ИППО были небольшими по численности, но представительными по составу. Так, в Тобольский отдел вступили губернаторы Л.М.Князев (1897—1902 гг.) и А.А.Санкевич

(1913—1914 гг.); вице-губернаторы Н.В.Протасьев (1899—1912 гг.), А.Н.Тройницкий (1903—1912 гг.) и Н.И.Гаврилов (1911—1914 гг.); управляющий отделом государственного банка в г.Тобольске А.М.Шуринов (1897—1900 гг.); председатель губернского суда А.А.Демидов (1897—1898 гг.); управляющий казенной палатой Н.А.Ордовский-Танаевский (1902—1906 гг.) и др. В состав Томского отдела в разное время входили губернаторы А.А.Ломачевский и С.А.Вяземский, Томские городские головы И.М.Некрасов и А.П.Карнаков, помощник управляющего Томским почтово-телеграфным округом И.С.Евдокимов, председатель Томской казенной палаты М.А.Гиляров.

Количество членов-сотрудников значительно превышало число действительных членов. В этом отношении ИППО отличалось от большинства других общественно-религиозных организаций России.

Таблица 1

Тобольский отдел ИППО

Год	Действительных членов	Членов-сотрудников
1897	10	39
1898	10	49
1902	6	35
1905	6	30
1911	4	27
1914	1	19

Источники: [24. С. 135—136; 25. С. 170—171; 29. С. 104; 31. С. 78—79; 36. С. 26—27; 38. С. 15].

Таблица 2

Томский отдел ИППО

Год	Действительных членов	Членов-сотрудников
1899	18	71
1900, 1902	19	112
1906—1907	15	79
1911	11	48
1914	9	47
1917	8	44

Источники: [50. С. 31; 20. С. 43; 21. С. 36; 12. С. 531; 6. С. 221; 46. Ф. 796. Оп. 440. Д. 1211. Л. 12 об.; 46. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2181. Л. 2 об.].

Всего же в разные периоды в составе Тобольского отдела состояло от 21 до 49, Томского — от 53 до 132 членов.

В целом наблюдалась следующая динамика изменения численности отделов ИППО в Западной Сибири. Рост в первые годы после создания отделов достиг пика в начале XX в. Затем, после бурных событий 1905—1907 гг., постепенно происходит снижение примерно в два раза относительно максимальных величин к началу Первой мировой войны с последующей стабилизацией. Причина уменьшения состава участников культурно-просветительских организаций Д.И.Попову видится в подавленности идейно-психологического состояния сибирского населения в годы послереволюционной «реакции», разочаровании в просветительской работе обществ «из-за отсутствия очевидных сиюминутных результатов»

[45. С. 98]. М.Ю.Нечаева усматривает причины в отчислении за неуплату взносов, выбытии из рядов ИППО вследствие смерти, излишне строгих условиях членства [17. С. 177]. Следует также отметить, что рост числа различного рода общественных организаций в начале XX в. расширял поле деятельности наиболее активной части общества, давал возможность направить свою энергию на решение задач, казавшихся более актуальными, чем помощь далекой Палестине.

Для сравнения можно указать, что в 1914 г. численность самой влиятельной общественно-религиозной организации Тобольской епархии — Братства св. вмч. Димитрия Солунского — достигала 1624 чел. [39. С. 465], местного комитета Православного миссионерского общества — 413 чел. [44. С. 386]. Соответственно, отделы ИППО оставались сравнительно немногочисленными элитарными организациями.

О социальном составе членов можно судить по данным Тобольского отдела. Из 46 его сотрудников в 1897 г. 18 принадлежали к духовенству, 13 — к купечеству, 3 — к мещанству, 5 человек являлись руководителями учебных заведений (директора гимназии, училищ), 7 — крупными губернскими чиновниками и их родственниками [7. С. 160—161]. Такое широкое представительство сохранилось и в дальнейшем: в 1912—1913 гг. из 26 членов 4 принадлежали к купечеству, 2 — к мещанству, 1 — к крестьянству, 4 — к дворянству, 15 — к духовенству. Примечательным является присутствие в составе членов-сотрудников крестьян, число которых в составе Тобольского отдела достигло максимума (6 чел.) в 1908—1910 гг. [33. С. 101; 34. С. 18—19; 35. С. 17].

О ротации в рамках Томского отдела могут быть приведены следующие подсчеты. К 1 марта 1900 г. из 60 членов, вступивших в ИППО в момент открытия отдела, остался в его составе 21 член (35%) [Подсчитано по: 53. С. 65—135; 41. С. 53—56]. На 1 ноября 1908 г. из 102 человек, состоявших в Томском отделе на 1 марта 1900 г., оставалось 50 (49%). Из этого числа 29 человек (58%) представляли духовенство, 14 (28%) — купечество, 1 (2%) — дворянство, 3 (6%) — крупных чиновников, 1 (2%) — крестьян, 2 (4%) — нет сведений [подсчитано по: 40. С. 53—56; 56. С. 3—42].

Нами также рассмотрены сводные данные о персональном составе Тобольского отдела ИППО за 15 лет: 1897—1903 гг., 1905—1906 гг., 1909—1914 гг. За отмеченный период в отделе состояло 108 чел. (99 муж. и 9 жен.). Из этого числа к духовному сословию принадлежало 43 чел., купеческому — 17, мещанскому — 7, крестьянскому — 8. Еще 20 чел. являлись чиновниками (включая членов их семей), 7 — светскими лицами — руководителями и преподавателями учебных заведений г.Тобольска, 1 назван инженером, еще трое сменили сословную принадлежность. Например, И.Ф.Сандецкий в отчетах фигурировал сначала как купец, затем — как крестьянин, позднее — как Ишимский мещанин. О двух членах ИППО сведения отсутствуют. Из 108 чел. 41 пробыл в составе Тобольского отдела 1—2 года, 32 чел. — 3—4 года, 21 чел. — 5—9 лет, 14 чел. — 10 и более лет [подсчитано по: 7. С. 160—161; 24. С. 135—136; 25. С. 170—171; 26. С. 73; 27. С. 189; 28. С. 167—168; 29. С. 104; 30. С. 205—207; 31. С. 78—79; 33. С. 101; 34. С. 18—19; 35. С. 17; 36. С. 26—27; 37. С. 26; 38. С. 15]. Соответственно, около 70% членов находились в рядах ИППО сравнительно непродолжительное время.

С некоторой долей условности следует признать, что в рамках отделов ИППО в Западной Сибири представительство каждого из сословий имело определенное позитивное значение. Присутствие чиновничества и высших церковных иерархов давало обществу гарантированную политическую и идеологическую поддержку и вес, предприниматели вносили вклад в финансирование проектов отделов, приходское духовенство, преподаватели учебных заведений играли роль основных исполнителей задач, которые были возложены на ИППО его уставом, прежде всего: «распространять в России сведения о Святых местах Востока», «принимать все дозволенные уставом Общества меры к увеличению материальных средств Общества» [54].

Таким образом, процесс создания, структура, порядок работы отделов ИППО в Западной Сибири указывают, что их функционирование в большей степени было связано не с ростом общественной активности снизу, а со стремлением государства и Русской Православной церкви стимулировать эту активность сверху в нужном для себя русле.

Деятельность общества направлялась двумя составляющими — инициативой (иногда даже прямым давлением) государства и церкви; наличием лидеров, которые могли брать на себя бремя ответственности за осуществление возложенных на организацию задач и не жалели для этого ни времени, ни сил.

Специфика структуры отделов ИППО, направления деятельности, напрямую не связанные с нуждами регионов, где эти отделы создавались, элитарный характер членства не позволяли ИППО стать массовой организацией. Думается, что это было бы невозможно в принципе, что, вероятно, осознавалось и руководством ИППО.

ЛИТЕРАТУРА

1. Годичное собрание членов Томского Отдела Императорского Православного Палестинского Общества (далее — ИППО) // Томские епархиальные ведомости (далее — ТомЕВ). 1908. № 8—9. Неофиц. часть. С. 36—40.
2. Годичное собрание членов Томского Отдела ИППО // ТомЕВ. 1909. № 10. Неофиц. часть. С. 433—436.
3. Годичное собрание членов Томского Отдела ИППО // ТомЕВ. 1911. № 10. Часть неофиц. С. 513—518.
4. Годичное собрание Томского Отдела ИППО // ТомЕВ. 1915. № 8. Отдел общецерковный. С. 319—336.
5. Годичное собрание членов Томского Отдела ИППО, 3 апреля 1916 г. // ТомЕВ. 1916. № 9. Отдел общецерковный. С. 290—294.
6. Годичное собрание членов Томского Отдела ИППО // ТомЕВ. 1917. № 9. Отдел общецерковный. С. 217—224.
7. Городков Н. Открытие Тобольского Отдела ИППО // Тобольские епархиальные ведомости (далее — ТЕВ). 1897. № 8. Отдел неофиц. С. 153—165.
8. Деятельность Отделов ИППО в 1900—1901 году // Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества (далее — СИППО). СПб., 1901. Т. 12. № 4, 5. С. 385—722.
9. Деятельность Отделов ИППО в 1901—1902 году // СИППО. СПб., 1902. Т. 13. Ч. II. Приложение 1. С. 1—112.
10. Доклад общему годовому собранию ИППО 24 апреля 1911 г. // СИППО. СПб., 1911. № 22. Вып. 2. С. 270—288.
11. Доклад общему годовому собранию ИППО 8 апреля 1912 г. // СИППО. СПб., 1912. № 23. Вып. 2. С. 185—237.
12. Журнал годичного Собрания Томского Отдела ИППО с краткой отчетностью Отдела за 1913/14 год // ТомЕВ. 1914. № 8—9. Отдел общецерковный. С. 530—535.
13. Извлечение из отчета о деятельности Тобольского Отдела ИППО за 1903—1904 г. // ТЕВ. 1904. № 8. Отдел офиц. С. 133—136.
14. Летопись Палестинского Общества // СИППО. СПб., 1913. № 24. Вып. 1. С. 89—102.
15. Летопись Палестинского Общества // СИППО. СПб., 1914. № 25. Вып. 1. С. 112.
16. Михайловский М. Предполагаемое открытие Томского Отдела ИППО // ТомЕВ. 1894. № 7. С. 16—22.
17. Нечаева М.Ю. Императорское Православное Палестинское общество: численность и состав членов в конце XIX — начале XX вв. // Актуализация исторического знания и исторического образования в современном обществе. Ежегодник. XVII Всероссийские историко-педагогические чтения: Сб. науч. ст. Екатеринбург, 2013. Ч. II. С. 164—180.
18. Общее годичное собрание членов Томского Отдела ИППО // ТомЕВ. 1895. № 6. Отдел неофиц. С. 28—30.
19. Общее годичное собрание членов Томского Отдела ИППО // ТомЕВ. 1902. № 9. Неофиц. отдел. С. 24—25.
20. Общее годичное собрание членов Томского Отдела ИППО // ТомЕВ. 1903. № 8. Неофиц. отдел. С. 41—44.
21. Общее годичное собрание членов Томского Отдела ИППО // ТомЕВ. 1907. № 10. Отдел неофиц. С. 34—38.
22. От Томского Отдела ИППО // ТомЕВ. 1912. № 21. Часть офиц. С. 474.
23. Открытие Отдела ИППО в г.Томске // ТомЕВ. 1894. № 8. Отдел неофиц. С. 14—15.

24. Отчет о деятельности Тобольского Отдела ИППО за 1897/98 год // ТЕВ. 1898. № 11. Отдел офиц. С. 124—136.
25. Отчет о деятельности Тобольского Отдела ИППО за 1898/99 год // ТЕВ. 1899. № 10. Отдел офиц. С. 166—173.
26. Отчет о деятельности Тобольского Отдела ИППО за 1899/1900 год // ТЕВ. 1900. № 7. Отдел офиц. С. 60—74.
27. Отчет о деятельности Тобольского Отдела ИППО за 1899—1900 [1900—1901] год // ТЕВ. 1901. № 8. Отдел офиц. С. 178—190.
28. Отчет о деятельности Тобольского Отдела ИППО за 1901—1902 год // ТЕВ. 1902. № 8. Отдел офиц. С. 159—169.
29. Отчет о деятельности Тобольского Отдела ИППО за 1902—1903 г. // ТЕВ. 1903. № 7. Отдел офиц. С. 83—108.
30. Отчет о деятельности Тобольского Отдела ИППО за 1904—1905 г. // ТЕВ. 1905. № 8. Отдел офиц. С. 197—208.
31. Отчет о деятельности Тобольского Отдела ИППО за 1905—1906 г. // ТЕВ. 1906. № 7. Отдел офиц. С. 67—80.
32. Отчет о деятельности Тобольского Отдела ИППО за 1907—1908 г. Тобольск, 1908.
33. Отчет о деятельности Тобольского отдела ИППО за 1908/09 г. // ТЕВ. 1909. № 8. Отдел неофиц. С. 89—102.
34. Отчет о деятельности Тобольского Отдела ИППО за 1909—1910 г. // ТЕВ. 1910. № 9. Приложение. С. 1—20.
35. Отчет о деятельности Тобольского Отдела ИППО за 1910—1911 г. // ТЕВ. 1911. № 9. Отдел неофиц. С. 1—18.
36. Отчет о деятельности Тобольского Отдела ИППО за 1911—1912 г. // ТЕВ. 1912. № 8. Отдел неофиц. С. 1—28.
37. Отчет о деятельности Тобольского Отдела ИППО за 1912—1913 г. // ТЕВ. 1913. № 9. Отдел неофиц. С. 1—28.
38. Отчет о деятельности Тобольского Отдела ИППО за 1913 год // ТЕВ. 1914. № 3. Отдел неофиц. С. 1—16.
39. Отчет о деятельности Тобольского епархиального Братства св. вмч. Димитрия Солунского за 1913—1914 год // ТЕВ. 1914. № 34. Офиц. отдел. С. 465—468.
40. Отчет о деятельности Томского Отдела ИППО за 1899—1900 г. // ТомЕВ. 1900. № 15. Отдел неофиц. С. 5—31; № 17. Отдел неофиц. С. 1—7.
41. Отчет о деятельности Томского отдела ИППО за 1899—1900 год. Томск, 1900.
42. Отчет о деятельности Томского Отдела ИППО за 1900—1901 год // ТомЕВ. 1901. № 17. Отдел неофиц. С. 1—17; № 18. Отдел неофиц. С. 5—22.
43. Отчет о деятельности Томского Отдела ИППО за 1901—1902 год // ТомЕВ. 1902. № 16. Неофиц. отдел. С. 1—15; № 20. Неофиц. отдел. С. 7—15.
44. Отчет Тобольского Епархиального Комитета Высочайше утвержденного Православного Миссионерского Общества за 1914 год // ТЕВ. 1915. № 31. Офиц. отдел. С. 386—388.
45. Попов Д.Н. Культурно-просветительные общества в Сибири в конце XIX — начале XX вв. Омск, 2006.
46. Российский государственный исторический архив.
47. Руководящие правила для действия отделов ИППО // СИППО. СПб., 1903. Т. XIII. Приложение.
48. Сибирская жизнь. 1905. 13 апреля.
49. Собрание членов Томского Отдела ИППО // ТомЕВ. 1898. № 4. Отдел неофиц. С. 22—26.
50. Собрание членов Томского Отдела ИППО // ТомЕВ. 1899. № 7. Отдел неофиц. С. 26—32.
51. Собрание членов Томского Отдела ИППО // ТомЕВ. 1901. № 8. Отдел неофиц. С. 34—40.
52. Список должностных лиц ИППО на 1 ноября 1902 года // СИППО. СПб., 1902. С. 230—249.
53. Список членов ИППО на 1 декабря 1894 года // СИППО. СПб., 1894. Т. 6. Приложения. С. 65—135.
54. Устав ИППО от 24 марта 1889 года. URL: <http://palomnic.org/gallery/v/19-vek/ippo/vistavka/2>.
55. Цысь О.П. Православные общественно-религиозные организации Тобольской епархии во второй половине XIX — начале XX вв. Нижневартовск, 2008.
56. Члены ИППО на 1 ноября 1908 года // СИППО. СПб., 1909. Приложения к Т. 19 и 20. С. 3—42.

**«ПОДДЕРЖИТЕ НАСКОЛЬКО
 МОЖНО НАШЕ ХОДАТАЙСТВО»:
 РОЛЬ С.Ф.ПЛАТОНОВА В СУДЬБЕ
 ТВЕРСКОГО МУЗЕЯ**

**«PLEASE, SUPPORT OUR
 PETITION IN ANY WAY POSSIBLE»:
 S.F.PLATONOV'S CONTRIBUTION TO
 THE FUTURE OF THE TVER MUSEUM**

Аннотация. Одним из самых значительных проявлений многообразных связей С.Ф.Платонова и краеведов Твери стало участие выдающегося историка в разработке устава местного музея, принадлежавшего к числу самых крупных в российской провинции, выделении ему новых помещений и финансирования.

Ключевые слова. С.Ф.Платонов; Ученый комитет Министерства народного просвещения; российская провинция; музей в Твери.

Сведения об авторе: Митрофанов Виктор Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин.

Место работы: Филиал Южно-Уральского государственного университета (НИУ) в г. Нижневартовске.

Abstract. One of the most prominent results of S.F. Platonov's links with Tver-based regional ethnographers was his contribution to the development of regulations for the local museum (one of the biggest museums in the Russian province), along with the request to assign additional space to the museum use.

Key words: S.F. Platonov; Scientific Committee of Ministry of Education; Russian province; the Tver Museum.

About the author: Victor Mitrofanov, Doctor of Historical Sciences, Professor at the Department of Natural Sciences and Humanities disciplines.

Place of employment: Branch of Southern Federal State University in Nizhnevartovsk.

Контактная информация: 628617, Ханты-Мансийский округ — Югра, г. Нижневартовск, ул. Пермская, д. 25; тел.: (912)5315188.

E-mail: viktor-n1962@mail.ru

Связи С.Ф.Платонова с тверскими краеведами отличаются особой теплотой, а их результаты столь масштабные, что их трудно переоценить по степени значимости в культурно-просветительском плане. Они же отличаются и многообразием форм сотрудничества, а своим влиянием охватывают не только любителей-историков, краеведов, археологов, архивистов, деятелей образования и музейного дела, представителей духовенства Твери, но и названную аудиторию всего центрально-волжского региона.

1890 г. ознаменован в жизни С.Ф.Платонова важнейшим карьерным ростом, можно говорить об определенном трамплине в его научной и административной карьере. Он стал профессором кафедры русской истории Санкт-Петербургского университета, 19 декабря назначен членом Ученого комитета Министерства Народного просвещения (УК МНП), приглашен на должность помощника главного редактора «Журнала Министерства Народного просвещения». Эти назначения дали ему уникальную возможность стать на одну ступень в научной корпорации со многими выдающимися представителями не только столицы, но и всей тогдашней России. Перечисленные обстоятельства способствовали тому, что он стал вхож в министерские кабинеты, а публикация магистерской диссертации сделала его имя известным и в провинции.

Именно как член УК МНП он был привлечен к разрешению непростых вопросов, связанных с судьбой Тверского музея. Это участие недавно было названо как «самое масштабное предприятие С.Ф.Платонова в развитии музейного дела до 1917 г.» [4. С. 420]. Музей, составлявший «славу Тверской губернии...», был открыт в 1866 г. по инициативе кн. П.Р.Багратиона стараниями видного тверского краеведа А.К.Жизневского. Именно он, в оценке С.Ф.Платонова, «замечательный деятель Тверского края энергично стал разыскивать и собирать старину, группировать добытые памятники в Тверском музее в особой археологической коллекции...». Примечательно, что описывать коллекцию музея А.К.Жизневскому помогал граф А.С.Уваров, «которого он успел заинтересовать в своем деле» [7. С. 307]. Об этом свидетельствуют и архивные материалы, где читаем: «...в лице графа А.С.Уварова Тверскому

музею посчастливилось получить знающего крестного отца, много способствовавшего правильной постановке дела коллекционирования предметов» [3. Ф. 103. Оп. 1. Д. 216. Т. 1. Л. 8].

Недостаточность помещений для музея, находившегося в здании Тверской мужской гимназии, стала тормозить развитие музея, и тогда император, откликнувшись на просьбу А.К.Жизневского, 12 февраля 1895 г. передал под него западную часть Тверского дворца¹. Графиня П.С.Уварова, ставшая после мужа председателем Московского Археологического общества, «два раза приезжала в Тверь специально по делам музея, принимала непосредственное участие в обсуждении проекта нового устава музея и дала немало ценных указаний относительно размещения коллекций в новом помещении» [3. Ф. 103. Оп.1. Д. 216. Т. 1. Л. 14 об.].

Начинается работа по перемещению коллекций и, главное, согласование о подчиненности и финансировании музея. С этого момента С.Ф.Платонов является главной действующей фигурой в разрешении жизненно важных вопросов музея, определивших его развитие на многие годы.

29 сентября 1897 г. член Ученого Комитета МНП С.Ф.Платонов высказал свое мнение «по делу о принятии Тверского музея в ведение МНП и об утверждении устава сего музея» [5. С. 306—320]. Это выступление состоялось в рамках рассмотрения обращения губернатора о принятии учреждения на содержание Министерства Народного просвещения и выделении финансирования в размере 2920 руб. в год. В заключение выступавший сказал, что «музей этот — один из лучших провинциальных музеев и заслуживает поощрения». По докладу было принято следующее решение: «Согласиться с вышеизложенным мнением члена УК С.Ф.Платонова и представить оное на благоусмотрение его сиятельства г. Министра народного просвещения» [4. С. 422].

9 ноября 1897 г. директором департамента МНП Н.М.Аничковым (он контролировал вопрос о передаче музея. — В.М.) С.Ф.Платонову было направлено представление попечителя Московского учебного округа от 11 октября за № 321951 о передаче музея при Тверском статистическом комитете в ведение МНП со всеми предложениями. В этот же день он получил от вице-директора МНП Н.М.Дебольского представление Попечителя Московского Учебного округа от 11 октября 1897 г. за № 21951 и отношение Центрального статистического комитета от 28 мая 1897 г. за № 438.

29 декабря 1897 г. по поручению Ученого комитета С.Ф.Платонов выехал в Тверь для знакомства на месте с ситуацией, сложившейся вокруг известного музея.

По итогам поездки С.Ф.Платонов составляет обстоятельный многостраничный отчет, датированный 9 января [10. С. 310—320], в заключении которого формулирует личные выводы: «1) Тверской музей заслуживает вполне просимой субсидии; 2) Субсидия эта может быть ограничена суммой 1 500—2 000 рублей; 3) Отопление музея должно быть по справедливости отнесено на средства Гл[авного] Упр[авления] уделов; 4) Смета музея должна быть составлена и исполняема советом музея с утверждением МНПр; 5) Устав совета музея может быть утвержден независимо от исходатайствования субсидий; 6) В тексте устава должны быть исправления, которые могут быть предварительно сообщены Тв[ерской] арх[ивной] к[омиссии] на ее заключение» [10. С. 320].

Именно в этот первый приезд в древний город на Волге С.Ф.Платонов познакомился с рядом известных подвижников краеведения, архивоведения и музееведения Тверского края, связи с которыми будет поддерживать до смерти одних, а с другими — до своего ареста и ссылки. Одним из первых, с кем он познакомился, прибыв в Тверь, был В.И.Колосов, на которого ему указал губернатор Н.Д.Голицын, так как именно В.И.Колосов, в то время

---

¹ 25 февраля 1895 г. «последовало высочайшее его императорского величества соизволение» на передачу для помещения музея западного крыла Тверского дворца с 19 комнатами в верхнем этаже и 6 в нижнем. А 17 января 1898 г. разрешено было занять для музея еще 3 комнаты в нижнем этаже дворца, называемые министерскими [8. С. 23]. Есть сведения, что количество комнат было иным. В 1895 и 1898 гг. «уступлено западное крыло Тверского Императорского Дворца с восемнадцатью комнатами в нижнем и верхнем этажах» [3. Ф. 103. Оп. 1. Д. 177. Л. 5].

товарищ председателя Тверской архивной комиссии, докладывал вновь назначенному губернатору при вступлении в должность о состоянии музея.

В своем отчете о командировке в Тверь С.Ф.Платонов писал: «со стороны В.И.Колосова (с 1886 г. член Тверской ГУАК, а с 19 марта 1896 г. хранитель музея. — В.М.) я встретил самое внимательное отношение и отменную любезность, равно и другие деятели архивной комиссии, а именно: председатель Тверской казенной палаты Иван Александрович Иванов и старший советник Тверского Губернского Правления Владимир Алексеевич Плетнев оказали мне прекрасный прием и дали ценные указания для ознакомления с делами музея» [10. С. 310]. С этого времени и начинается переписка столичного ученого с тверскими краеведами.

Заметим, что еще задолго до этих событий С.Ф.Платонову написал небольшое письмо, датированное 27 марта 1892 г., первый председатель ТГУАК А.К.Жизневский, человек, благодаря трудам которого музей «превратился главным образом в археологическое собрание», с просьбой о присылке студенческих работ (Лаппо и Круглого) на тему «Землевладение в Тверском уезде в XVI в.» [11. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2913. Л. 1—2]. Дальнейших следов письменных контактов между ними не выявлено.

Особой регулярностью, интенсивностью и продолжительностью характеризуется переписка С.Ф.Платонова с И.А.Ивановым, ставшим преемником А.К.Жизневского после его смерти во главе архивной комиссии. Все известные письма в количестве 68 штук С.Ф.Платонова к И.А.Иванову из Тверского архива опубликованы [1. С. 122, 125, 133—135, 150—151, 176, 220]. Одно из писем от 7 (20) июля 1918 г. было опубликовано ранее [2. С. 80—82]. Нами выявлено несколько неопубликованных писем, в том числе одно, помещенное в «Тверской газете» [14; 4. С. 386—387]. А вот письма А.И.Иванова, которых насчитывается вместе с телеграммами более 720 штук, самый большой массив одного респондента в огромном архиве С.Ф.Платонова [11. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2983—2998], ждут своего публикатора. К сожалению, о них до недавнего времени знало ограниченное число исследователей. Именно это обстоятельство привело к тому, что в одном из докладов на конференции, посвященной 150-летию со дня рождения ученого, говоря о количестве писем, написанных А.И.Ивановым и адресованных С.Ф.Платонову, названа цифра — 90¹. Согласимся с мнением Л.М.Сориной, заметившей, что «духовный статус (да и материальное положение) ГУАК почти два десятилетия XX века поддерживался личными дружескими отношениями И.А.Иванова и С.Ф.Платонова» [13. С. 123].

Подготовлена к печати взаимная переписка между С.Ф.Платоновым и В.А.Плетневым [3. Ф. 103. Оп.1. Д. 927. Л. 2—14 об.; 11. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3863. Л. 1—20]. Письма В.И.Колосова к С.Ф.Платонову уже введены в научный оборот в виде цитирования [6. С. 128—138]. Они, ввиду историографического значения, предлагаются к публикации в полном объеме. Количество их небольшое, всего 3, объемом 5 листов, датируются они 1898—1899 гг. и касаются, в основном, одного вопроса, связанного с организацией утверждения устава и финансирования музея [11. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3174. Л. 1—5]. Примечательно, что на все письма были даны быстрые ответы, о чем свидетельствуют карандашные пометы, сделанные С.Ф.Платоновым.

Напряженная организаторская деятельность С.Ф.Платонова (выступление в УК, отчет по итогам командировки, контакты с чиновниками министерств, департаментов, согласование своих действий с тверскими коллегами, выработка и формулировка общей позиции) принесла важные результаты. Устав музея был утвержден 14 августа 1898 г.², это была большая

¹ В докладе были допущены и другие многочисленные неточности, вероятно, поэтому автор отозвал свой доклад, и он не был опубликован в материалах конференции.

² В ст. 1. Было записано: «Музей состоит в ведении Тверской ГУАК. Управление принадлежит Совету из Председателя — непременно попечителя Архивной комиссии, 4-х членов комиссии и представителей МНП, города Твери, губернского земства, епархиального ведомства, императорского Московского археологического общества и хранителя музея» [8. С. 23].

победа. Дело же о субсидии Тверскому музею постепенно продвигалось по бюрократическим лестницам согласования. И в этом вопросе С.Ф.Платонов выражал поддержку провинциальным деятелям: «Беру на себя смелость сказать, — писал С.Ф.Платонов, — что будущность Тверского музея будет совершенно устроена, если МНПр исходатайствует Тверскому музею из государственного казначейства ежегодное пособие от 1 00 до 2 00 руб.». Защищая интересы тверских краеведов, С.Ф.Платонов высказал предложение о необходимости дать возможность самостоятельно распределять выделенные средства архивной комиссии и заведующему музеем при «условии правильной отчетности» [10. С. 317]. 4 ноября 1899 г. Министр финансов, статс-секретарь Витте согласился выделить из казны музею пособие, но не превышающее 1 000 руб. [12. Ф. 733. Оп. 143. Д. 53. Л. 83], с 1 января 1900 г. Такое финансирование музея назначалось из его статуса «исключительно местного значения», которое признавал министр. ТГУАК же, заручившись поддержкой МНП, настаивала на его статусе как «общерусского». Вопрос был в конечном счете решен следующим образом: тысячная субсидия стала выделяться с 1901 г., а с 1910 г. еще 1 000 руб. [9. С. 52]. Таким образом, со временем предложение С.Ф.Платонова все-таки стало реальностью, что свидетельствует о его рациональном подходе к составлению сметы расходов учреждения. Но выделенных средств, особенно на первых порах, далеко не хватало. Удавалось сводить концы с концами благодаря пособиям от Тверской губернской управы, Тверского губернского земства, процентов с капитала, завещанного А.К.Жизневским, и частных пожертвований» [15. С. 55].

Следовательно, роль С.Ф.Платонова в судьбе Тверского музея, особенно в важнейший этап его жизни после перемещения в царский дворец, была решающей. Недаром С.Ф.Платонов поддержал мысль своего воронежского коллеги по краеведению и музейному строительству С.Е.Зверева о том, что «музей — дело маленькое; но ведь это ячейка в истории просвещения» [4. С. 437].

ЛИТЕРАТУРА

1. Академик С.Ф.Платонов: Переписка с историками: В 2 т. / Ред. С.О.Шмидт. М., 2003. Т. 1.
2. «Безо всякой политики» (письмо С.Ф.Платонова И.А.Иванову. Июль 1918 г.) / Публ. подг. Л.М.Сорина // Отечественные архивы. 1998. № 4.
3. Государственный архив Тверской области.
4. Митрофанов В.В. Роль С.Ф.Платонова в развитии российской историографии в конце XIX — первой трети XX вв.: связи с научно-историческими обществами центра и провинции. Челябинск, 2011.
5. Митрофанов В.В. С.Ф.Платонов и научно-краеведческие общества, архивные комиссии России. Челябинск, 2011.
6. Митрофанов В.В. «Музей — дело маленькое; но ведь это ячейка в истории просвещения»: С.Ф.Платонов как организатор музейного дела в российской провинции // Клио. 2012. № 3 (63).
7. Мнение члена УК МНП С.Ф.Платонова по делу о принятии Тверского музея в ведение МНП и об утверждении устава сего музея // Митрофанов В.В. С.Ф.Платонов и научно-краеведческие общества, архивные комиссии России. Челябинск, 2011.
8. Отчет Тверской губернской архивной комиссии за 1901 год. Тверь, 1903.
9. Отчет о деятельности ТГУАК с 1903 по 1912 год включительно: Составлен правителем дел И.А.Виноградовым. Тверь, 1915.
10. Отчет С.Ф.Платонова о командировке в г.Тверь по делу о принятии Тверского музея в ведение Министерства Народного просвещения // Митрофанов В.В. С.Ф.Платонов и научно-краеведческие общества.
11. Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки.
12. Российский государственный исторический архив.
13. Сорина Л.М. Тверская губернская ученая архивная комиссия и подготовка второго областного Тверского археологического съезда (10—20 августа 1903 года) // К 100-летию второго областного Тверского археологического съезда (10—20 августа 1903 года). Тверь, 2003.
14. Тверская газета. 1910. № 95. 29 апреля.
15. Черных Т.В. Роль ТГУАК в деятельности Тверского музея // К 120-летию Тверской ученой архивной комиссии. Тверь, 2004.

**ЖУРНАЛ «ВЕСТНИК ПОЛИЦИИ»
КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК
(1907—1917 гг.)****MAGAZINE «HERALD OF THE POLICE»
AS A SOURCE OF HISTORICAL DATA
(1907—1917)**

Аннотация. Исследованы публикации центрального периодического журнала начала XX века, посвященного разработке теоретических и практических вопросов полицейской службы, стремящегося изменить отношение населения к полиции.

Ключевые слова: «Вестник полиции»; исторический источник; периодический журнал; МВД; полицейская реформа; правительство.

Сведения об авторе: Храмцов Александр Борисович, кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления и права.

Место работы: Тюменский государственный архитектурно-строительный университет.

Abstract. The paper dwells upon the publication of the central periodical magazine issued at the beginning of XX century. It was dedicated to the development of theoretical and practical issues of police service and also sought to change public attitude towards the police.

Key words: «Herald of the Police»; source of historical data; magazine; the Interior Ministry; police reform; government.

About the author: Alexander Khrantsov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at the Department of State and Municipal Management and Law.

Place of employment: Tyumen State University of Architecture and Civil Engineering.

Контактная информация: 625001, г. Тюмень, ул. Луначарского, д. 8; тел.: (3452)431339.

«Вестник полиции» — еженедельный иллюстрированный журнал, посвященный все-сторонней разработке теоретических и практических вопросов полицейского дела. Редакция издания своей главной задачей считала «служение интересам лиц, посвятивших себя полицейско-уголовной деятельности». Для участия в выпуске журнала приглашались разные авторы и авторитетные специалисты в области полицейского дела, а также принимались меры к развитию сети местных корреспондентов. Статьи, как правило, принимались к печати на бесплатной основе. Для полицейских служащих к номерам журналов бесплатно прилагались сборники узаконений, распоряжений, инструкций и т.п.

Журнал издавался типографией Министерства внутренних дел в Санкт-Петербурге (с 1914 г. — Петроград). Редакция и контора журнала находились на ул. Фонтанка, д. 18 (позже — ул. Жуковского, д. 39). Первый номер вышел 2 декабря 1907 г., а последний (№ 7) — 25 февраля 1917 г. С 1909 по 1916 гг. выпускалось по 52 номера в год. Цена подписки для полицейских учреждений, чиновников полиции и присутственных мест составляла 6 руб. в год с доставкой и пересылкой; для полицейских урядников и нижних чинов полиции — 4 руб. [1. 1907. № 1. С. 1]. Подшивки «Вестника полиции» за 1907—1917 гг. практически в полном объеме представлены в научной библиотеке Государственного архива РФ. В последние годы заметен научный интерес со стороны исследователей к материалам журнала [2. С. 190—194; 3. С. 3—5].

Редакторский корпус назначался МВД. Редакторами в разные годы являлись: Л.А.Пушкин (1907—1908); Е.В.Дубровский (1908); В.И.Лебедев (1908, 1909); Г.И.Сечинский (1908); М.И.Блажчук (1909); В.А.Дьяченко (1909—1912); А.С.Губонин (1909—1910); А.А.Курлов (1909, 1912); О.Г.Фрейнат (1909—1910, 1912—1914); П.Н.Любимов (1910); М.И.Зубовский (1911); Л.И.Косунович (1914); П.Р.Кук (1914—1916); Н.Д.Облеухов (1916); Д.М.Потемкин (1916).

«Вестник полиции» как исторический источник представлял собой «толстенькую» книжку (20—36 страниц) с иллюстрациями формата А5 с постоянными разделами и временными рубриками. Программа журнала содержала следующие разделы: «Действия Правительства», «Политическое обозрение», «Немые свидетели», «Полицейские собаки», «Дактилоскопия», «Корреспонденция», «Хроника происшествий», «Письма в редакцию»,

«Литературный отдел», «Суд. Судебные процессы», «Смесь, статистика, отчеты» и «Объявления».

Примечательно, что, несмотря на ведомственный характер и подцензурность издания, в нем сообщалось о преступлениях, нарушениях законов, хищениях и растратах, конфликтах между полицией и обществом и т.п. В то же время статей изобличительно-критического характера в адрес нерадивых чиновников на страницах журнала фактически не представлено.

В официальном отделе публиковались заключения и распоряжения Правительства, касающиеся полиции, циркуляры МВД и Департамента полиции, правительственных учреждений и должностных лиц, а также приказы об определении, назначении, увольнении и награждении полицейских чинов (с портретами и биографией выдающихся лиц). В частности, 10 февраля 1908 г. был опубликован циркуляр МВД по Главному управлению местного хозяйства губернаторам о списке фабрик, заводов и иных промышленных предприятий, разрешение устройства которых выходит из пределов власти городских управлений [1. 1908. № 10. С. 2—3]; издана «Инструкция об употреблении оружия полицейскими и жандармскими командами» (от 23 апреля 1908 г.), согласно которой к применению оружия можно приступать после трехкратного громогласного предупреждения [1. 1908. № 20. С. 3]. Причем в журнале можно обнаружить нормативные акты, не связанные напрямую с несением полицейской службы и общественной безопасностью, скажем, о новых правилах выдачи пенсии, торговле и продовольствии, промышленности и сельском хозяйстве, обществах и союзах, дорожном вопросе и др.

Например, в разделе «Действия Правительства» был размещен циркуляр МВД губернаторам от 30 ноября 1907 г. № 41, разъясняющий вопросы применения временных правил о союзах и обществах (именной Высочайший Указ от 4 марта 1906 г.), в связи с тем, что в некоторых местностях возникли сомнения, сущность которых сводилась к следующему: 1) имеют ли профессиональные общества право устраивать а) публичные собрания и б) чтения, концерты и театральные представления в целях усиления средств обществ и т.п.; 2) могут ли лица, связанные общими профессиональными интересами и занимающиеся в торгово-промышленных учреждениях, образовывать профессиональные общества в порядке закона от 4 марта 1906 г., несмотря на то, что эти учреждения не подчиняются надзору фабричной и горной инспекции (каменщики, музыканты, плотники, фармацевты и т.п.) и 3) имеют ли профессиональные общества право составлять капитал для выдачи пособий своим членам во время стачек.

В циркуляре даны подробные разъяснения указанных сомнений: 1) желающий устроить публичное собрание обязан письменно заявить о том начальнику местной полиции, причем в заявлении должны быть точно означены: имя, отчество, фамилия и место жительства устроителя или устроителей собрания. Таким образом, как видно из точного смысла приведенных статей, закон, говоря о публичных собраниях, предусматривает возможность устройства таковых лишь отдельными лицами, но не целыми обществами; 2) общества каменщиков, плотников, штукатуров, столяров, музыкантов, фармацевтов и т.д., являющиеся по существу профессиональными, могут быть учреждаемы в порядке временных правил о профессиональных обществах, но лишь в тех случаях, когда составляющие эти общества лица заняты в торговых и промышленных предприятиях или владеют таковыми и имеют задачей достижение целей, указанных в ст. 1 и 2 означенных правил; во всех же прочих случаях учреждения таких обществ надлежит руководствоваться соответствующими постановлениями временных правил об обществах и союзах; 3) согласно ст. 2 временных правил о профессиональных обществах, означенные общества могут ставить себе целью, между прочим, выдачу пособий своим членам, причем никаких ограничений в этом отношении законом не установлено. Ввиду этого, профессиональные общества имеют право выдавать свои членам пособия из образованных для выдачи пособий

капиталов также и во время стачек, так как по закону от 2 декабря 1905 г. стачки, мирно протекающие, почитаются деянием ненаказуемым, за исключением лишь особо перечисленных в ст. 1 упомянутого закона [1. 1907. № 3. С. 4].

Кроме этого, важной своей задачей редакция считала освещение вопросов проведения полицейской реформы, что нашло отражение на страницах журнала. С первых же номеров печатались проекты реформ, их обсуждение и «движение» в институтах власти, мнения чиновников и практиков [1. 1908. № 6, 8, 9, 11, 13—16, 18, 19, 24 и др.]. Публиковались отчеты о заседаниях депутатов Государственной Думы по вопросам обеспечения правопорядка [1. 1910. № 5. С. 151—152]. В журнале периодически печатались материалы заседаний думской комиссии по реформе полиции и другим вопросам [1. 1914. № 24. С. 432—434]. Скажем, подробно сообщалось о решениях совещания по борьбе с пьянством, проходившего с 30 апреля по 5 мая 1914 г. в Главном управлении неокладных сборов. В целом, редакция достаточно много публикаций посвятила борьбе с народным пьянством. Например, в заметке «Грядущая трезвость» отмечалось, что 8 и 9 апреля 1914 г. повсеместно прошли Дни трезвости, которые стали «светлыми предвестниками выздоровления русского народа от тяжелого и трудноизлечимого недуга» [1. 1914. № 18. С. 334—335]. Особое внимание было уделено введению в стране сыскной полиции: печатались утвержденные правила, штаты, суммы сыскного кредита и пр. [1. 1908. № 7. С. 6—9; № 8. С. 8—10; № 20. С. 10—11, и др.]. К тому же приводился зарубежный опыт организации и деятельности сыскной полиции [1. 1908. № 13. С. 10—11; 1915. № 18. С. 565—567].

В рубрике «Борьба с преступностью» сообщалось о разных случаях преступлений и результатах их расследований. В частности, обращает на себя внимание статья о вопиющем факте изнасилования молодой девушки, жительницы г. Николаева, подавшей заявление в полицию: 29 августа 1907 г. около 10 ч. вечера она гуляла со своим женихом, им повстречались три неизвестных человека, из которых один сбил с ног жениха и стал наносить ему побои, двое других схватили ее, зажали рот, поволокли по улице к выезду из города, затащили в пустырь и начали поочередно насиловать с другими парнями, приставшими по дороге. Когда ей становилось дурно, и она теряла сознание, насильники мочились ей на лицо и в рот, а затем продолжали издеваться. Затем девушку потащили в поселок, где созвали знакомых и незнакомых парней, потянули ее в пустую землянку, и там продолжали ее насиловать все новые и новые подходившие парни. После они бросили ее в лодку и направились к городскому берегу, где ее и оставили. Одного из напавших она узнала. Девушка решила покончить с собой, но ей помешала родственница, направившая потерпевшую с заявлением в полицию. Полиция задержала 8 человек. Двое зачинщиков были приговорены к смертной казни. Один из них нашел смерть в тюрьме от руки арестанта [1. 1911. № 21. С. 528].

В рубрике «Самоотверженное исполнение долга» помещались материалы о подвигах и отличиях чинов общей и жандармской полиции при исполнении служебных обязанностей с приложением портретов как оставшихся в живых, так и павших жертвой долга. Отметим, что такие статьи практически нельзя было найти в других периодических изданиях, в большинстве своем лишь критикующих действия полицейских. Например, журнал сообщал о перестрелке отряда Московского охранного отделения с анархистом-разбойником под Москвой, в ходе которой последний был убит; о подвиге жандармского унтер-офицера Тюрина при задержании преступника, похитившего 3 330 руб. на железнодорожной станции [1. 1908. № 52. С. 2—5].

Целый блок публикаций журнала составляли материалы о конкретных операциях, совершенных полицией, практике уголовной тактики и проведения дознаний, разработке следственных действий и др. [1. 1908. № 7. С. 9—11; 1914. № 11. С. 209—220]. Здесь же выходили политические обзоры положения в отдельных городах и уездах страны [1. 1915. № 18. С. 564]. В частности, интересна статья о состоянии уездной полиции в Сибири,

в которой содержались и различные оценочные суждения. Редакция справедливо задавалась вопросом: почему в 1906 г. все чины полиции в европейской России получили прибавку к жалованию в размере $\frac{1}{4}$ получаемого содержания, а в Сибири нет [1. 1908. № 15. С. 16]?

Практически в каждом номере издания содержалась рубрика «Хроника происшествий» в городах и селах страны: пожары, наводнения, несчастные случаи, убийства, кражи, грабежи, самоубийства, побег арестантов, задержание преступников и др. Например, в Самаре удалось задержать убийцу начальника жандармского управления Боброва; в Новониколаевске, в ночь на 14 января 1908 г. во время задержания рецидивиста, оказавшего вооруженное сопротивление, были ранены городской и пристав, а преступник был убит; в Кургане 14 января при задержании шайки грабителей двое жандармов были убиты, трое тяжело ранены и двое преступников задержаны; 10 февраля в Томске была ограблена почта, следовавшая из Барнаула, на сумму в 35 тыс. руб., похитители обнаружены, деньги отобраны; в Ишиме были арестованы две шайки грабителей в 7 и 16 человек, совершавшие вооруженные грабежи в городе и окрестностях [1. 1907. № 4. С. 20; 1908. № 7. С. 22—23; 1908. № 13. С. 20].

Кроме того, печатались разного рода заметки и очерки о притворстве и других приемах поведения «криминальных элементов» [1. 1908. № 47. С. 5—7], что было крайне важным средством повышения информированности полицейских чиновников и других читателей журнала. Весьма интересны сообщения о типах преступников, которые подразделялись на 24 категории, в частности: «шпана» (мелкие карманные воры); «собачники» (действующие с женщиной-приманкой); «клюки» (церковные воры); «ловухи» (магазинные воры); «скачки» (квартирные воры); поджигатели, фальшивомонетчики и др. Обращают на себя внимание такие заметки аналитического плана как: «Преступность и алкоголизм», «Гипноз и преступность» [1. 1917. № 5. С. 99—102; № 7. С. 146—148].

Безусловный интерес для изучения представляют статьи в рубрике «Общество и полиция». В частности, в одной из них отмечалось, что «взгляд общества на полицию — предвзятый и развивающийся под влиянием искусственных толчков, а не коренного убеждения». По мнению редакции, улучшить взаимоотношения «можно при условии, что общество само поймет свой недостаток, придет к заключению, что пора отличать границы дозволенного и поступаться собственным «я» во имя блага целого, ради общего порядка в государстве» [1. 1908. № 17. С. 7—9].

В журнале подробно разбирались проблемы организации полицейской службы в стране. В частности, отмечалось, что чины общей полиции завалены обязанностями, напрямую к ним не относящимися. При этом обращалось внимание на опыт зарубежных стран, где давно были сформированы органы уголовного розыска, летучие полицейские отряды, полицейские школы и др. Одним из направлений реформы полиции должно было стать сокращение обязанностей чинов полиции. Другой проблемой являлся «бумажный бюрократизм». В заметке «Дефекты полицейской канцеляристики» указывалось на «медлительность производства дел» в полицейских учреждениях и возросшую до огромных размеров переписку, которая «не только отвлекает от своевременного исполнения серьезных обязанностей, но и влечет отписку и в тех случаях, когда нужно проявить личную распорядительность» [1. 1912. № 19. С. 438].

Не обошел своим вниманием журнал вопросы внедрения изобретений и инноваций в полицейскую службу (скажем, новые способы фотосъемки, дактилоскопия, специальная дрессировка собак и др.). К тому же обсуждалось развитие новых отраслей, например, электротеатров и кинематографов, а следовательно, вставал вопрос об организации полицейского надзора за их деятельностью [1. 1915. № 3. С. 79—80].

В рубрике «Разные известия» помещалась смесь коротких сообщений, как внутренних, так и из-за рубежа, например: о землетрясении в Италии (№ 52, 1908); о полицейских

автомобилях в Чикаго, чеках для извозчиков в Лондоне и росте преступности во Франции (№ 17, 1908); об организации полиции в американских городах (№ 29, 1908); «как охраняются деньги в Нью-Йорке» (№ 18, 1908); о женщинах-полицейских в Англии (№ 22, 1915) и др. Весьма интересны заметки о подготовке чинов полиции в Италии [1. 1914. № 5. С. 94—95] и о борьбе с развратом в Дании [1. 1908. № 49. С. 13—14].

Постоянным разделом журнала являлся «Почтовый ящик», в котором редакция отвечала на вопросы подписчиков, которыми в основном были служащие полицейских управлений [1. 1908. № 25. С. 24; 1910. № 3. С. 90; 1915. № 3. С. 102, и др.]. К тому же публиковались «Письма в редакцию» [1. 1908. № 21. С. 28, 37, 46], авторы которых раскрывали различные стороны своей жизни, личные наблюдения и впечатления, что представляет особый научный интерес, способствует лучшему пониманию, как и чем жили люди в переломный период — процессов урбанизации, индустриализации и первых шагов российского парламентаризма в 1906—1917 гг. Например, в журнале можно встретить «Письма к городским и стражникам», где авторы сообщали о трудностях и упущениях местной полиции, предлагали свои методы их решения [1. 1912. № 12—13. С. 287—290, 292—295; № 14. С. 330—332; № 15. С. 354—356, и др.].

Примечательно, что также печатался «Литературный отдел» (беллетристика), где были широко представлены рассказы разных авторов, причем как отечественных, так и зарубежных [1. 1908. № 25. С. 11—25; 1911. № 34. С. 762—764]. Нельзя не сказать о публикации сенсационного остросюжетного романа английского писателя Артура Генри Сарсфилда Уорда (издававшегося под псевдонимом Сакс Ромер) «Желтый заговор» [1. 1915. № 1—27], а также достаточно редких материалов — мемуаров и воспоминаний полицейских [1. 1908. № 15. С. 9—11; 1910. № 1. С. 7—11; № 2. С. 38—40, 47—49].

Кроме того, журнал отличался от других периодических изданий наличием разнообразного иллюстративного материала. Практически в каждом номере можно увидеть фотографии юбиляров: полицмейстеров, уездных исправников, приставов и др. Скажем, в № 18 за 1915 г. журнал опубликовал заметку «редкий юбилей» с фотографией юбиляра — И.П.Довгалея — помощника кишиневского полицмейстера, отпраздновавшего 25-летний юбилей непрерывной службы в этой должности; в № 18 за 1912 г. размещена фотография городского I полицейского участка г.Пензы Д.Ф.Бердинова, справившего 40-летний юбилей своей службы.

В связи с различными праздниками публиковались коллективные снимки составов полицейских управлений в городах и уездах. Например, в № 21 за 1911 г. представлена фотография группы уездной полиции Пермской губернии из 16 человек; в № 22 — фото группы чинов Ирбитской уездной полиции по случаю проводов уездного исправника, переведенного в г.Пермь. Много фотографий личных составов журнал выпустил ко Дню общеполцейского праздника, учрежденного императором 5 октября во имя Святителя Алексея, Митрополита Московского. В частности, чины Курганской уездной полиции при участии городского головы Ф.В.Шветова в этот день, в 12 ч. дня повесили икону в здании полицейского управления. Был отслужен благодетелей молебен, после которого исправник М.В.Иконников провозгласил здравицу за государя-императора [1. 1914. № 30. С. 533].

Наряду с этим, на страницах издания периодически печатались фотографии мест происшествий, орудий преступлений, а также разыскиваемых преступников с описанием их данных и совершенных преступлений, тем самым, можно сказать, что журнал активно участвовал в оперативно-розыскной работе. В частности, в № 1 за 1907 г. были размещены снимки преступников — участников убийства на ст. Дно; в № 38 за 1908 г. — участников дела о краже из архива Московского окружного суда; в № 17 за 1912 г. — шайки разбойников из 6 человек, участвовавших в убийстве и ограблении семьи Резниковых в Ейске.

Следовательно, «Вестник полиции» являлся специализированным печатным изданием, представленным на высоком теоретическом и практическом уровне. Неслучайно журнал

стал настольной книгой большинства полицейских управлений в городах и уездах страны, а также губернаторов, представителей городских и сельских администраций. Очевидно, что ведомственная принадлежность и подконтрольность журнала правительственной власти лишали его беспристрастности, в связи с чем редакция была вынуждена умалчивать о самых возмутительных происшествиях и преступлениях в отдаленных и глухих районах страны, взяточничестве полицейских и других фактах административного произвола.

Журнал «Вестник полиции» как исторический источник представлял читателям многоплановые по содержанию сведения и за короткий период своего издания стал печатным органом, наиболее глубоко и всесторонне разрабатывавшим проблемы не только полицейской службы, обеспечения безопасности и правопорядка, но и организации общественной жизни в стране в целом. Редакция журнала приложила большие усилия для изменения отношения общества к полиции, создания положительного образа полицейского и популяризации в широких кругах деятельности правительства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вестник полиции.
2. Лазарева И.Ю. От милиции — к полиции, или размышления о чтении статьи в журнале «Вестник полиции» за 1910 г. // Образование: наука: научные кадры. 2011. № 2.
3. Чисников В.Н. 5 (18) октября — День полиции Российской империи // Оперативник (сыщик). 2011. № 2.

**СУРГУТ ПОД ВЛАСТЬЮ УЧАСТНИКОВ
 ЗАПАДНО-СИБИРСКОГО КРЕСТЬЯНСКОГО
 ВОССТАНИЯ 1921 ГОДА**

**SURGUT UNDER THE
 WEST-SIBERIAN 1921
 PEASANTS' REVOLT**

Аннотация. В статье рассматриваются особенности организации власти, внутренней политики участников Западно-Сибирского крестьянского восстания 1921 г. в г. Сургуте и Сургутском уезде.

Ключевые слова: Западно-Сибирское крестьянское восстание; антикоммунистическое движение; внутренняя политика; милитаризация.

Сведения об авторе: Цысь Валерий Валентинович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России.

Место работы: Нижневартовский государственный университет.

Abstract. The article is devoted to the particular features of organization of political power and domestic policy of West-Siberian peasants' revolt which took place in 1921 in Surgut and Surgut district.

Key words: West-Siberian peasants' revolt; anti-communist movement; domestic policy; militarization.

About the author: Valery Tsys', Doctor of Historical Sciences, Professor at the Department of Russian History.

Place of employment: Nizhnevartovsk State University.

Контактная информация: 628605, Ханты-Мансийский округ — Югра, г. Нижневартовск, ул. Ленина, д. 56; тел.: (3466)273510.

E-mail: roshist@mail.ru

В истории Сургута период нахождения у власти антикоммунистического режима, созданного самим населением в ходе крестьянского восстания 1921 года и непосредственно не связанного с какими-либо политическими партиями и организациями, представляет интересный пример своеобразного политического творчества, обусловленного преимущественно представлениями о справедливой и законной власти, а не чьими бы то ни было программами или умозрительными теоретическими схемами. Эта трагическая страница истории Тобольского Севера до недавнего времени освещалась односторонне. Акцент делался на злодеяниях участников «кулацко-эсеровского мятежа». В действительности же в событиях весны 1921 г. вряд ли возможно дать однозначную оценку той или иной противоположной стороне [см., напр.: 5, 2].

Сургут находился под властью «партизан» (так сами себя называли участники Западно-Сибирского крестьянского восстания) около двух с половиной месяцев — с 9 марта по 29 мая 1921 г. Первоначально повстанцы старались следовать провозглашенным ими демократическим принципам. Уже днем 9 марта, спустя несколько часов после оставления города коммунистами и их сторонниками, созывается общее собрание жителей Сургута, на котором выбирается Комитет общественной безопасности — высший орган, сосредоточивший в своих руках управление гражданской и военной властью на территории Сургутского уезда. В состав уездного КОБа были избраны А.И.Кондаков (председатель, учитель Сургутской школы), Ф.Е.Третьяков (товарищ председателя, до этого — сотрудник уездного финотдела), М.А.Носков (секретарь, руководитель профсоюзной организации Сургута), А.П.Дождев (бухгалтер уездного исполкома и кооператива), А.В.Силин (учитель Сургутской школы), Д.Н.Бучельников (завскладом кооператива «Северсоюз»), С.И.Проскураков. Позднее в КОБ ввели П.С.Мансурова (лесной объездчик, первый Сургутский уездный комиссар периода Временного правительства), Н.Ю.Закорюкина (судья, стал руководителем юридического и следственного отдела КОБа).

Вечером того же дня при участии отряда А.Г.Третьякова избирается Военный совет. Однако последний так и не приступил к работе, т.к. большинство его членов отправилось вверх по Оби преследовать отступающих коммунистов. Из добровольцев, в том числе и женщин, формируются патрули, предназначенные для поддержания порядка в городе и выявления коммунистов. Патрули несли охрану уездного центра в течение первых двух дней после его занятия повстанцами.

10 марта 1921 г. приказом Комитета общественной безопасности начальником Сургутской милиции назначается М.А.Шестаков (ранее — заведующий информационно-инструкторским подотделом Сургутского уездного исполкома, заведующий заготовительным отделением районной конторы), которому предлагается «в срочном порядке организовать штат народной милиции по своему усмотрению» [1. Ф. 236. Оп. 2. Д. 321. Л. 22]. По показаниям свидетелей, Модест Александрович без особой охоты исполнял возложенные на него обязанности, старался не допускать беспричинных арестов и конфискации.

Сургутскому КОБу подчинялись местные волостные и сельские комитеты, организовавшиеся в соответствии с приказом № 1 от 10 марта 1921 г.: «В сельских местностях должны быть немедленно созданы Волостные и Сельские Комитеты Общественной Безопасности, распоряжения которых для жителей обслуживаемых ими районов обязательны» [1. Ф. 236. Оп. 2. Д. 125. Л. 28]. Военная власть сосредотачивалась в руках «начальников отрядов». По документам и косвенным свидетельствам известно о существовании Локозовского волостного крестьянского совета (председатель А.П.Трофимов), Александровского КОБа (председатель Ф.Комаров), Юганского и Ларьякского КОБов. Эти учреждения также избирались на общих сходах граждан, как правило, в присутствии командиров отрядов «партизан». В отличие от большевистских советов, при формировании КОБов и крестьянских советов не учитывалось имущественное положение и социальное происхождение. Главные критерии — доверие населения и неприятие коммунистических идей. В свою очередь Сургутский КОБ подчинялся Тобольскому крестьянско-городскому совету в гражданском отношении и начальнику Тобольского гарнизона в военном.

Однако необходимость ведения боевых действий против коммунистов заставляла ограничивать провозглашенные принципы народовластия. Все освобожденные от коммунистов территории объявляются прифронтовой полосой. За распространение «провокационных слухов», «нарушение общественной тишины и безопасности», порчу телефонных и телеграфных линий виновные подлежали военно-полевому суду. Вводился комендантский час с 8 часов (в сельской местности) или 9 часов (в городе) вечера до 6 часов утра, система пропусков [1. Ф. 236. Оп. 2. Д. 207. Л. 3].

После поражения повстанцев 20 марта под д. Мурасы на границе Томской и Тюменской губерний началось их стремительное отступление по долине Оби к уездному центру. К концу марта в Сургуте скапливается большое число беженцев и военных, прибывают подошедшие с Конды подкрепления. В Сургут вывозятся из с.Юган ценности местной православной церкви.

Бой в 30 верстах к востоку от Сургута у д.Широково, произошедший вечером 31 марта, не смог переломить ситуацию, принявшую на следующие два месяца патовый характер: у красных не имелось достаточных сил, чтобы в условиях распутицы наступать на Сургут, повстанцы же после понесенных поражений не решались атаковать Локозово, где сосредоточились основные силы противника, ограничиваясь лишь разведывательными операциями.

Все вышеизложенное отразилось на положении в Сургуте. 28 марта высшим органом власти фактически становится Сургутский Военный штаб (другое название — Сургутский Военный Штаб Народной Армии по борьбе с коммунизмом), подчинивший гражданскую администрацию. В его состав вошли: Н.А.Преображенский (начальник штаба и одновременно начальник городского гарнизона), М.Змановский (его помощник), Д.Змановский,

А.И.Кондаков, А.В.Силин [2. С. 90]. Устанавливаются ночные дежурства сотрудников штаба. Своего рода элементами «военной демократии» следует признать периодически практиковавшиеся «общие военные собрания», обсуждавшие важнейшие вопросы политики повстанцев.

Основным направлением деятельности «мятежников» являлась мобилизация сил для продолжения борьбы с коммунистами. Первоначально призыву подлежали мужчины в возрасте от 18 до 30 лет. Впоследствии призывной возраст был доведен до 40—45 лет.

Так, в соответствии с приказом Сургутского КОБа от 23 марта объявляется мобилизация горожан 20—29 лет. Для освидетельствования призывников создается комиссия под руководством Н.Ю.Закорюкина. Всего мобилизации подлежало 54 человека. Лишь двое из них — А.Г.Клепиков и С.Прилуцкий были приняты на службу как добровольцы [2. С. 88]. В Локосово приемной комиссией в составе «уполномоченного Главного Штаба Народной армии» Н.А.Преображенского, председателя местного Крестьянского совета А.П.Трофимова, фельдшера В.И.Рассохина было осмотрено 17 человек 1892—1901 годов рождения, из которых 8 признали годными, 7 получили отсрочку на срок от двух недель до двух месяцев [1. Ф. 236. Оп. 2. Д. 188. Л. 4].

Значительное внимание уделялось развешиванию антикоммунистической пропаганды. Распространялись воззвания к коммунистам, к крестьянам, составлявшие преимущественно Н.Ю.Закорюкиным и А.В.Силиным. Как и любой подобного рода материал, эти обращения содержали много пафоса и преувеличений. «Всюду, как на территории Сибири, так равно и на территории Европейской России в городах и провинции, Государственное Управление молниеносно переходит в руки Красных Крестьянских Советов, приветствуемое с громадным энтузиазмом всеми слоями населения...», — утверждалось в одном из таких воззваний [1. Ф. 236. Оп. 2. Д. 125. Л. 26].

Милитаризация сургутской жизни выразилась в том, что к середине апреля гражданские органы власти сворачивают активную работу. 18 апреля прекратил существование Комитет общественной безопасности. Он реорганизуется в городской совет, председателем которого назначается все тот же А.И.Кондаков. Совет имел ограниченные полномочия, занимаясь в основном делами городского хозяйства. Позднее он переименовывается в городскую управу. Начальник повстанческой милиции М.А.Шестаков признавался, что целыми днями слонялся по городу, имитируя хоть какую-то деятельность.

До минимума сокращаются штаты оставшихся учреждений. Их сотрудники подлежали медицинскому освидетельствованию и призыву на военную службу. Так, 14 апреля призывают семерых сотрудников почтово-телеграфной конторы. 27 апреля издается приказ Военного штаба об «изъятии» из уездного транспортно-материального отдела двух из четырех его сотрудников [1. Ф. 236. Оп. 2. Д. 188. Л. 7]. В 20-х числах апреля мобилизуют взводов, оказавшихся в Сургуте при мартовском отступлении.

Отряды повстанцев, вероятно, так и не получили правильной организации. Тем не менее, помимо подразделений, именованных по их командирам (отряды Сеянова, Третьякова, Иглойкова, Зеленского, Сеина и др.) существовала караульная рота. Отряд А.Г.Третьякова делился на взводы. В источниках упоминаются, по меньшей мере, 1-й, 2-й, 3-й и 4-й взводы этого отряда. Потребности повстанцев обслуживала сапожная мастерская. Действовал военный госпиталь (врач — П.Е.Суетин, фельдшер — В.И.Рассохин).

Милитаризация системы управления в Сургуте объяснялась, в том числе и тем, что в условиях временного прекращения активных боевых операций в период распутицы основные военные силы повстанцев были сосредоточены в самом городе. Разместить «партизан» в других местах уезда, где преобладали небольшие удаленные друг от друга поселения, имевшие от 1 до 5 дворов каждое, было затруднительно. Другой фактор — стремление усилить политическую власть после военных неудач, пресечь возможное недовольство сомневающихся в успехе восстания.

В это время у многих людей начинают проявляться далеко не самые лучшие стороны их натуры. М.А.Шестаков вспоминал, что к нему приходили граждане (в основном женщины) с просьбами произвести обыски у коммунистов и членов их семей. Был отдан приказ резать коров у семей коммунистов. Из документов и свидетельств современников известно о расправах, допускавшихся повстанцами по отношению к лицам, заподозренным в сотрудничестве с врагом или сочувствии к коммунистам. Однако, справедливости ради, нужно отметить, что отчасти эти жесткие меры являлись реакцией на расстрелы заложников, широко практиковавшиеся ревкомами Тобольского Севера в конце февраля 1921 г. «Прилагаю при сем копию только что полученной телеграммы из Березова, — писал начальник Сургутского Военного штаба Н.А.Преображенский командиру одного из повстанческих отрядов. — Из нее Вы увидите, как ведут себя коммунисты с беззащитным населением. Надо покончить с этими извергами, потерявшими всякое человеческое достоинство, надо отомстить невинную кровь. В Сургуте мною уже расстреляно по приговору военно-полевого суда три коммуниста. Только что приговорены к смерти еще четверо. Приговор будет приведен в исполнение сегодня в 10 часов вечера...» [1. Ф. 236. Оп. 2. Д. 207. Л. 6]. До 24 мая 1921 г. в Сургуте действовала Военно-Следственная комиссия (секретарь М.А.Носков), занимавшаяся разбором дел арестованных коммунистов и сочувствующих им лиц.

В середине мая в Сургуте проводятся повальные обыски с целью найти спрятанное населением оружие и боеприпасы, а также, вероятно, для того, чтобы занять «партизан» хоть каким-то «полезным» делом. В прилегающем к Оби районе были вырыты окопы, выставлялись заставы (у пристани, в с.Юган, в д.Широково), назначались наряды и караулы. После взятия 11 мая с. Самарово отрядом П.И.Лопарева часть сурутских повстанцев под командованием Зеленского была отправлена вниз по Оби для ликвидации возникшей угрозы. В этот период, возможно, проводится реорганизация военных сил, о чем свидетельствует появление в документах упоминаний о «ротах и командах» как основных воинских подразделений «партизан».

О положении и настроениях повстанцев в последние дни перед их окончательным поражением можно судить по следующим, случайно сохранившимся документам.

В приказе № 74/а от 26 мая 1921 г. сообщается: «Мною замечено, что сплошь и рядом приказы командиров рот и команд вовсе не выполняются, а выполняются только после длинных разговоров. Чтобы предотвратить разгильдяйство предоставляю право командирам рот и команд виновных партизан подвергать аресту до 10 суток. Об арестах доносить рапортами с указанием проступков...» [1. Ф. 236. Оп. 2. Д. 281. Л. 30]. В приказе № 75 от 27 мая 1921 г. отмечалось, что партизаны «совершенно не знают своих обязанностей»: в ночь с 25 на 26 мая во время дежурства дневального Чебуренкова из помещения 1-й роты вынесли винтовки, что «недопустимо и противоречит уставу внутренней службы». Далее отдается приказ об организации командирами занятий по изучению устава внутренней службы. Провинившегося дневального арестовали на 5 суток [1. Ф. 236. Оп. 2. Д. 207. Л. 30 об].

Тексты этих документов свидетельствуют, что в рядах повстанцев наблюдалось ослабление дисциплины и боеготовности накануне появления частей красных под командованием А.А.Неборака. Еще 8 апреля прервалась связь Сургута с Тобольском. После падения Самарова город оказался отрезанным и от Березова. Находясь в полной изоляции, повстанцы неизбежно теряли присутствие духа, надежду на победу. Поэтому ими не было оказано практически никакого сопротивления отряду А.А.Неборака, занявшему Сургут 29 мая 1921 г.

Об общей численности участников восстания на территории Сургута и Сургутского уезда точные данные отсутствуют. Тем не менее, можно привести некоторые предварительные расчеты. По сведениям А.А.Неборака, его отрядом было арестовано в Сургуте около 400 человек, в том числе 35 «активных работников». За все время операции его

отряд уничтожил 58 повстанцев и еще 540 захватил в плен [3. Ф. 16. Оп. 3. Д. 76. Л. 64]. Несколько месяцев спустя после подавления восстания был составлен «Список лиц, принимавших активное участие в восстании гр.(аждан) г.Сургута». В него вошли 30 человек, из которых 14 к тому времени были расстреляны, 1 находился под следствием, а 15 числились «в бегах» [4. Ф. 158. Оп. 1. Д. 115. Л. 33]. При том, что в конце 1919 г. население Сургута составляло 1888 человек, а всего в уезде проживало около 13 тыс. человек (из них русских — около 5,5 тыс.), можно сделать вывод, что в восстании приняла участие весьма существенная часть местных жителей. Другое дело, что большинство из них не являлись сознательными противниками коммунистического режима и сторонниками либеральной демократии. Основная масса населения была стихийно вовлечена в водоворот политической борьбы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Томской области.
2. Николаенко В.И. Из истории восстания 1921 г. в Сургутском уезде // Очерки истории Сургута. Сургут, 2002. С. 77—101.
3. Российский государственный военный архив.
4. Сургутский городской архив.
5. Цысь В.В. Север Западной Сибири в период Гражданской войны (1917—1921 гг.). Нижневартовск, 2005.

УЛУЧШЕНИЕ
СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ
В АВГУСТЕ—СЕНТЯБРЕ 1939 г. В ОЦЕНКЕ
РЯДОВЫХ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАНIMPROVEMENT OF SOVIET-GERMAN
RELATIONS IN AUGUST AND SEPTEMBER
OF 1939: ATTITUDES OF ORDINARY
SOVIET CITIZENS

Аннотация: Со времени подписания советско-германского договора о ненападении в СССР была начата политико-идеологическая кампания, целью которой было формирование положительного имиджа гитлеровской Германии. У многих советских граждан эти соглашения вызвали раздражение и воспринимались как отклонение от прежней антифашистской линии советской пропаганды.

Ключевые слова: пакт Молотова—Риббентропа; Народный комиссариат иностранных дел (НКВД); политико-идеологические кампании; пресса; пропаганда; агитатор; Управление пропаганды и агитации (УПА); Главлит.

Сведения об авторе: Еремин Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, специалист информационно-аналитического отдела Учебного управления.

Место работы: Нижевартовский государственный университет.

Контактная информация: 628606, Ханты-Мансийский округ — Югра, г. Нижневартовск, пр. Победы, д. 1а, кв. 32; тел.: (922)557924.
E-mail: serjomina@mail.ru

Abstract. From the first day of validity of Soviet-German non-aggression Pact USSR launched political and ideological campaign, aiming to form a positive image of Hitler's Germany. Many Soviet citizens were dissatisfied with the treaty which highly contrasted previous anti-fascist rhetorics of the Soviet propaganda.

Key words: the Molotov—Ribbentrop Pact; People's Commissariat of foreign Affairs (NCID); political-ideological campaigns; press; propaganda; agitator; UPA Central Committee of the VKP(b); Main Administration for Safeguarding State Secrets in the Press.

About the author: Sergey Eremin, Candidate of Historical Sciences, specialist of the Information and Analytics Department.

Place of employment: Nizhnevartovsk State University.

23 августа 1939 г. в Москве министр иностранных дел нацистской Германии Й. фон Риббентроп и народный комиссар иностранных дел СССР В.М.Молотов поставили свои подписи под советско-германским договором о ненападении, получившим впоследствии наименование «пакт Риббентропа—Молотова».

Буквально с первого дня действия пакта в Советском Союзе развернулась политико-идеологическая кампания, содержание которой сводилось к внедрению в общественное сознание мысли о том, что СССР и нацистская Германия отныне не являются противниками¹.

24 августа в передовой статье газеты «Правда» отмечалось, что различия в идеологии и политических системах обоих государств не являются препятствием для установления добрососедских отношений между ним [14. 1939. 24 августа]. Ключевыми в контексте разворачивавшейся политико-идеологической кампании являлись устные выступления и публикации в центральных газетах главы Советского правительства В.М.Молотова, за которым стоял И.В.Сталин.

В своей речи на внеочередной сессии Верховного Совета СССР (31 августа 1939 г.) В.М.Молотов напомнил тезис об установлении «добрососедских отношений между СССР и Германией». Тем самым был дан сигнал к свертыванию антинацистской пропаганды. Глава советского правительства указал при этом, что ранее некоторые «близорукие люди» увлекались «упрощенной антифашистской агитацией» [9. 1939. 1 сентября].

¹ Под политико-идеологической кампанией в постсоветской исследовательской литературе понимается инициируемое режимом сосредоточение внимания на той или иной группе государственных вопросов, в первую очередь, внешнеполитического характера, для достижения заранее сформулированных целей.

В.М.Молотов не только нацеливал пропагандистские органы на отказ от открытых антинацистских деклараций, но и озвучил установку для населения СССР об адекватном восприятии подобного пропагандистского поворота [14. 1939. 1 ноября].

28 сентября 1939 г., в ходе второго визита Й.Риббентропа в Москву, был подписан Договор о дружбе и границе между СССР и Германией. Это соглашение дало новый импульс для усиления политико-идеологической кампании в духе сталинского курса на советско-германское сближение.

В газете «Известия» появилась передовая статья, текст которой предварительно отредактировал И.В.Сталин [9. 1939. 9 октября]. Формальным поводом для ее написания послужила речь Гитлера в германском рейхстаге 6 октября 1939 г. Фюрер предлагал западным союзникам прекратить военные действия в Европе и созвать мирную конференцию великих держав. В упомянутой статье ставился следующий вопрос: могут ли аргументы западных противников Германии в пользу продолжения войны с ней быть признаны сколько-нибудь обоснованными и убедительными? В ней утверждалось, что каждый человек волен выражать собственное отношение к той или иной идеологии и имеет полное право защищать или отвергать ее. Однако, как указывалось в рукописи передовой статьи газеты «Известия», истребление людей по причине неприятия тех или иных мировоззренческих убеждений является «нелепой и бессмысленной жестокостью» [1. С. 311].

При редактировании статьи И.В.Сталин после этих слов переписал часть текста и добавил: «Это возвращает нас к мрачным временам средневековья, когда велись опустошительные религиозные войны во имя уничтожения еретиков и инакомыслящих. Однако история показала, что подобные идеологические и религиозные подходы приводили лишь к истреблению целых поколений и культурному одичанию народов. Можно уважать или ненавидеть гитлеризм, как и всякую другую систему политических взглядов. Это дело вкуса. Но затевать войну из-за “уничтожения гитлеризма” — значит допускать в политике преступную глупость» [1. С. 312].

31 октября 1939 г. В.М.Молотов в своей речи на Сессии Верховного Совета СССР по поводу перспектив войны между Германией и западными союзниками высказался в полном согласии со сталинской постановкой вопроса.

По этому поводу Ю.Л.Галактионов отмечал: «...все тут, как говорится, шито белыми нитками и трудно сказать чего здесь больше — цинизма, фальсификации, обыкновенного вранья? Важно другое: это была *официальная* (курсив автора. — С.Е.) точка зрения, а другие исключались вовсе» [5. С. 133].

Наконец, в самом конце 1939 г. «сверху» был дан еще один сигнал для пропагандистского обоснования сближения с Германией. 23 декабря 1939 г. А.Гитлер направил поздравительную телеграмму по случаю 60-летия Сталина. В ней фюрер пожелал «доброго здоровья» юбиляру и «счастливого будущего народам дружественного Советского Союза» [13. С. 166], а Й. фон Риббентроп напомнил о начавшемся повороте в отношениях между СССР и Германией, «создавших основу для длительной дружбы между ними». 25 декабря И.В.Сталин ответил Гитлеру и Риббентропу и подчеркнул: «Дружба народов Германии и Советского Союза, скрепленная кровью, имеет все основания быть длительной и прочной» [13. С. 167].

В «Политическом словаре» 1940 г. А.Гитлер (в полном соответствии с приведенной ранее сталинской характеристикой, данной еще в 1935 г.) был назван «выдающимся политическим деятелем Германии» [5. С. 134].

Уже в начале сентября 1939 г. в советской периодической печати стали появляться материалы, которые должны были нацеливать советских людей на восприятие изменений в отношении Германии. Так, газета «Правда» писала о «единодушном одобрении трудящимися исторических решений Верховного Совета СССР», который дал добро на ратификацию Договора о ненападении с ней [14. 1939. 3 сентября].

Однако далеко не все советские граждане демонстрировали «единодушное одобрение», узнав о подписании договоренностей между СССР и нацистской Германией от 23 августа и от 28 сентября 1939 г. По свидетельству академика В.И.Вернадского, в обществе происходило «большое скрытое брожение мысли в связи с резким противоречием между реальностью и официальным изложением положения» [3. С. 174]. По мнению Вернадского, расхождения между этими двумя реальностями, «всегда в государственной жизни существующие», резко увеличивались, выявляя сильный диссонанс в общественном сознании [3. С. 174].

Так, пенсионер С.И.Панфилов в своем письменном обращении на имя В.М.Молотова (28 августа 1939 г.) рассуждал о «практической пользе» пакта о ненападении. Он задавался вопросом: «Не бросит ли Гитлер в нужную минуту этот договор в мусорный ящик, как ничего не стоящий клочок бумаги, — что он неоднократно проделывал с другими...?» В данной связи Панфилов выражал полную уверенность: «Ломаный грош — вот цена словам таких людей, как герр Гитлер и К°» [17. С. 121]. Воистину крамольными (особенно в контексте выбранного советским руководством курса на сближение с Германией) выглядели его предложения об отношении к нацистским «вождям», явно навеянные прежними пропагандистскими установками: «Не помогать изворачиваться да точить на нас нож надо, а бойкотировать, блокировать фашистских каннибалов, отгородиться от них китайской стеной, рвами, колючей проволокой, рогатками, волчьими ямами. Пусть жарятся в собственном (арийском) соку. А помогать им спрыгнуть с горячей сковороды — не в наших интересах».

С.И.Панфилов считал, что никаких сделок ни с фашистской Германией, ни с ее союзниками Японией и Италией заключать не следует, «пока там власть в руках теперешних каннибалов!» [17. С. 121].

Ему вторил член ВКП(б) Д.В.Румянцев (г.Москва), который писал В.М.Молотову, имея в виду фюрера и главу его внешнеполитического ведомства: «Душа этих господ остается такой же, какой она есть и была до начала дружбы с нами. Она остается по-прежнему фашистской, черной душой, не отказывающейся от... грабительских целей» [8. С. 319]. Имея в виду А.Гитлера, Д.В.Румянцев утверждал, что ему «потребовалась передышка, для упорядочивания награбленного» [8. С. 319]. Вообще, адресат В.М.Молотова выразил свое полное неверие «в благие цели» Гитлера, даже если бы фюрер «в знак взаимной дружбы с Советским Союзом выпустил на волю т.Тельмана и объявил всенародно германскую компартию на легальное положение» [8. С. 319].

21 сентября 1939 г. комсомолец Полканов (г.Курск) в своем письме, адресованном В.М.Молотову, призывал главу Советского правительства прямо заявить А.Гитлеру: «Если он согласен быть во всех отношениях с Советским Союзом, то надо предложить ему стать коммунистом. Ибо так или иначе земной шар должен быть в два цвета, вода — в синий, а земля — в красный» [17. С. 121].

Между тем, даже сотрудники пропагандистских структур, казалось бы, по роду своей деятельности привыкшие к переменам в идеологической сфере, порой не сразу адаптировались к новым политическим установкам. Одни из них просто не знали, какую позицию необходимо выбрать, поскольку до этого по роду своей деятельности были вовлечены в деятельность по разоблачению нацистского режима. Другие были вынуждены констатировать: «Агитацию и пропаганду против фашизма нельзя проводить, т.к. наше правительство не видит никаких разногласий с фашизмом» [4. С. 131].

Большие затруднения испытывали агитаторы, которые должны были проводить беседы о текущих событиях, в том числе — и в области внешней политики, на местах. Испытывая затруднения с ответами на вопросы «трудящихся», некоторые агитаторы были вынуждены обращаться в «высшие инстанции». Один из них, К.А.Гудок-Еремеев (г.Красный Луч Луганской области) тщательно переписал некоторые из вопросов, которые задавали ему

рабочие транспортно-гужевого артели, и в 1940 г. переслал этот перечень в редакцию журнала «Спутник агитатора» (печатный орган ЦК и МК ВКП (б)) [15. С. 21]. Среди прочих вопросов имелись два, которые, как представляется, били точно в цель, поскольку в них отражалось недоумение по поводу резкого изменения характера советской пропаганды в связи с пактом Риббентропа—Молотова:

«Почему и отчего наша печать не ругает фашистов с осени 1939 года?»;

«Почему наши газеты теперь не ругают Геббельса, или он стал большевик?»

Большая группа вопросов, заданных агитатору из г.Красный Луч, касались внутренней и внешней политики нацистского режима и характеристики его вождей:

«Германия заключила договор с Японией и Италией. Не нападет ли Германия на СССР с запада, а Япония с востока весной 1941 года?»;

«Почему коммунисты Германии не берут Гитлера за глотку и его Геббельсов (так в тексте. — С.Е.), или они лижут теперь пятки Гитлера?»;

«Не надует ли Гитлер СССР и каким же образом теперь в Германии и когда образуется советская власть?»;

«В каких условиях работают компартии Германии и Италии? И почему нет обществ дружбы с Советским Союзом в Германии и Италии?»;

«Скажите, сколько Гитлер и Муссолини выдают хлеба в сутки рабочим и батракам?»;

«Допустим, Гитлер и Муссолини разбили Англию и США — ведь границы СССР и дальше на Запад должны расти. Не придется ли тогда после 10 лет (имеется в виду срок действия советско-германского Договора о ненападении от 23 августа 1939 г. — С.Е.) воевать с фашистами Германии и Италии?»;

«Будет ли советская власть в Германии и Италии и когда и что будет тогда с Гитлером и Муссолини, а?»;

«Гитлер и Муссолини, разделяя по плану Европу новую — для СССР отводит сферы — как это понимать, неужели Гитлер и Муссолини думают этим не пустить никогда советскую власть в Германию и Италию?»;

«Выгодна ли вторая империалистическая война для нашей революции. Чем и в чем как Гитлер будет бороться с коммунизмом? Является ли Гитлер политиком или демагогом?»;

«Скажите, любят ли воевать германские рабочие и батраки и весь народ. Если не любят, то как заставили фашисты воевать народ Германии и выгодно ли это компартии Германии?»;

«Почему и отчего Гитлер кричит, что якобы он тоже за пролетариат, орет против империалистов, а в Германии издевается над трудовым народом, а Крупнов поддерживает?»;

«Скажите как же советское правительство и компартия будут свергать Гитлера и его шайку и когда там организуют советскую власть?»;

«На самом ли деле Гитлер любит СССР, или двурушничает, а?» [15. С. 21—22].

Из содержания приведенных выше вопросов следует, что задававшие их явно стремились поставить агитатора в неудобное положение. Не случайно в своем сопроводительном письме, адресованном в редколлегию журнала «Спутник агитатора», К.А.Гудок-Еремеев констатировал: «Я увлекательно остро и со всей страстью большевика отвечаю на вопросы, детально готовясь к их ответам, но на многие вопросы я очень затрудняюсь им ответить» [15. С. 22].

Знаменательна реакция заведующего отделом агитации Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП (б) П.Лященко, который ознакомился с письмом агитатора из г.Красный Луч. Лященко переправил полученное письмо в НКВД со следующим комментарием: «Ввиду того, что большинство вопросов носит явно враждебный, антисоветский характер, просим заинтересоваться их авторами» [15. С. 23].

В то же время в новых политических условиях, когда лидеры большевистской партии и Советского государства выдвинули лозунг дружбы с нацистской Германией и выступили с осуждением войны за «уничтожение гитлеризма», руководящие органы советской цензуры действовали в полном согласии с этими установками. По указанию Главлита изымалась печатная продукция, в которой встречались формулировки с прямым осуждением нацистского режима Гитлера либо просто с намеками на критику гитлеровской внутренней и внешней политики.

В конце 1939 — начале 1940 гг. в поле зрения цензуры оказались изданные ранее в СССР книги и брошюры, содержавшие критику в адрес Гитлера и его режима. 10 февраля 1940 г. начальник Главлита Н.Г.Садчиков направил заместителю начальника УПА ЦК ВКП (б) список книг, подлежащих изъятию из продажи и из библиотечного оборота [10. С. 31].

Цензура изъяла из обращения сборник Э.Тельмана «Боевые речи и статьи» и уже упоминавшуюся выше книгу С.Вишнева «Как вооружались фашистские поджигатели войны», поскольку нацистские деятели характеризовались в них не иначе, как «террористы и бандиты» [10. С. 42].

«Плохо говорится о Гитлере...», — так оценила цензура книгу Э.Отвальта «Путь Гитлера к власти». В ней же был обнаружен «ряд мест, которые... после заключения СССР договора о дружбе с Германией, нежелательны». В частности: «Теперь фашизм торжествует. Он справляет кровавые оргии по всей стране, истребляя коммунизм» [10. С. 43].

В списке книг, составленном начальником Главлита, фигурировала и «Третья империя в лицах», принадлежавшая перу Н.Корнева. Автор «очень остро» говорил «об изуверстве германского фашизма» и непрочности той базы, на которой держался А.Гитлер. Вывод руководства Главлита: «В условиях настоящего времени описываемое содержание книги не соответствует нашей внешней политике» [6. Ф. 9425. Оп. 2. Д. 19. Л. 112].

Цензоры Главлита обратили внимание и на труды академика Е.В.Тарле. Не был пропущен в печать журнал «Литературный современник» (1939. № 7-8) со статьей этого известного ученого «Антифашистская фальсификация исторической науки в Германии». В ней, в частности, утверждалось: «Шкурный, животный националистический эгоизм, который сейчас возведен фашистами в перл создания, уже успел сделать совсем невозможным существование у них не только исторической науки, но и всех вообще гуманитарных, общественных наук». Помимо прочего, цензор обратил внимание на то, что Е.В.Тарле давал нелицеприятные характеристики нацистским «вождям» (А.Гитлеру, Й.Гейбельсу и другим). В результате названная статья Е.В.Тарле не была пропущена в печать [18. Прим. 1. С. 286].

В опубликованном в 1939 г. сборнике Трудов Ленинградской конференции по типизации технологических процессов цензору удалось обнаружить выдержку «с резкими выражениями против фашизма». В ней имелся следующий пассаж: «В то время, когда разъяренный фашизм уничтожает достижения науки и техники и ведет свои страны к ужасам средневековья...» [18. Прим. 1. С. 288].

Одновременно в Москве был прекращен показ антинацистских фильмов «Профессор Мамлок» и «Семья Оппенгейм» [16. С. 543].

В Ленинграде агитаторам-докладчикам были заданы вопросы, ответы на которые было найти не так легко: «Как могло получиться, что основной очаг войны, центр агрессии (Германия. — С.Е.) и вдруг заключает договор о ненападении. Как будет реагировать рабочий класс Германии, если мы заключим договор о ненападении с фашистским правительством?» [11. С. 15].

В разговорах и беседах советские люди проявляли явное недоверие к официальной пропаганде, поскольку привычные антифашистские установки были без всяких объяснений отвергнуты. Так, коммерческий директор фабрики «Скороход» (г.Ленинград) говорил:

«Мы люди пожилые и привыкли при советской власти к очень многому. Мы научились ничему не удивляться. Но молодежь не только удивляется, но и возмущается. В демонстрации дружбы с погромщиками она видит просто измену со стороны руководства партии. Молодежь учили ненавидеть фашизм и вдруг СТАЛИН встал рядом с погромщиками» [11. С. 16].

Между тем советское политическое руководство сочло необходимым вновь напомнить о приверженности выбранному им курсу на сближение с Германией. В докладе о внешней политике Советского Союза, провозглашенном на заседании Верховного Совета СССР 1 августа 1940 г., В.М.Молотов заявил, что «в основе сложившихся добрососедских и дружественных советско-германских отношений лежат не случайные соображения конъюнктурного характера, а коренные государственные интересы как СССР, так и Германии» [14. 1940. 2 августа].

К первой годовщине подписания советско-германских договоренностей о ненападении и о дружбе и границе были подготовлены передовые статьи для газет «Правда» и «Известия», редактирование которых осуществляли лично И.В.Сталин и В.М.Молотов [13. С. 216].

В печатных материалах, которые появлялись после подписания пакта Риббентропа—Молотова в советской прессе, внутренняя политика нацистского руководства перестала подвергаться критике. Если ранее центральные газеты утверждали, что фашистский режим привел Германию на грань экономического кризиса, а достижения германской и мировой культуры попираются варварскими действиями нацистов, то, начиная с 1940 г., их тематика резко изменилась. Так, редколлегия газеты «Правда» предлагала своим читателям такую информацию, из которой следовало, что в Третьем рейхе хорошо развита индустрия, она обладает мощной техникой, базирующейся на собственной машиностроительной и химической промышленности. Излюбленными темами при описании ситуации в Германии становятся успехи и достижения науки и техники в стране [7. С. 224].

Сообщения о нацистском терроре, различных формах дискриминации, антисоветских провокациях, росте рабочего движения и т.д. и т.п. исчезли со страниц газеты «Правда», «пропадают эмоционально окрашенные статьи или заметки, способные пролить свет на истинное состояние дел» при нацистском режиме [7. С. 224]. Те материалы, которые все-таки появлялись и касались экономических или политических реалий этого режима, ограничивались «сухой констатацией нацистской статистики (о численности или сферах занятости населения) либо перепечаткой отдельных примеров трудового законодательства». Подобные материалы, как правило, не комментировались и были лишены негативной нагрузки [7. С. 225].

В июне 1940 г., в преддверии годовщины подписания Договора о ненападении с Германией, заместитель директора Института мирового хозяйства и мировой политики АН СССР А.Ф.Бордадын получил задание написать статью о состоянии германской экономики. Он был предупрежден о том, что «ничего плохого о Германии писать нельзя», поскольку приближалась годовщина договора от 23 августа 1939 г. [12. С. 62].

Поскольку А.Ф.Бордадын не имел возможности систематически заниматься научными изысканиями, будучи загружен как замдиректора ИМХМП АН СССР исключительно организационными и хозяйственными вопросами, он возлагал надежду на помощь со стороны директора Института Е.С.Варги, от которого и получил задание написать упомянутую статью. А.Ф.Бордадын подготовил рукопись статьи о военном хозяйстве Германии, опираясь на имевшиеся материалы Института, а также на германскую прессу. С этой рукописью ознакомился Е.С.Варга. Последовал его письменный отзыв, в котором статья оценивалась как «неплохая» [12. С. 63].

Рукопись статьи А.Ф.Бордадына вначале редактировал сам Е.С.Варга, затем — сотрудники Отдела печати НКВД. Из нее были вычеркнуты пассажи о слабых сторонах

экономики Германии. Автор статьи не был ознакомлен с внесенными правками, так как находился в длительной командировке вне Москвы. Он сохранял уверенность, что поскольку статья получила положительный отзыв директора ИМХИМП АН СССР и ее пропустил Отдел печати НКВД, ничего «политически неправильного» в ней не было. Материал был опубликован к годовщине советско-германского договора о ненападении [2. С. 38—49]. Редколлегия печатного органа Главного управления политической пропаганды Красной армии (ГУППКА), журнала «Политучеба красноармейца» включила статью в список публикаций, рекомендованных для изучения на политзанятиях сопредельных с СССР стран [12. С. 63].

Прививавшееся советской пропагандой до 23 августа 1939 г. враждебное отношение к гитлеровскому режиму «компенсировалось» (не без ее же помощи) уверенностью в быстрой победе над немцами в случае прямого вооруженного столкновения с Германией. Однако триумфальные успехи германской армии (особенно победа над Францией) порождали другие чувства. В.В.Вишневский 18 июня 1940 г. записал в дневнике: «Германия подминает, всасывает страну за страной... Немцы упоены... Тяжело думать, что их организация м[ожет] б[ыть] действительно выше всех организаций в мире. Именно организация: машинность, дисциплина, слепое повиновение, автоматизм, немножко мифов, мистики... Немцы, нацизм — это ответ Европы на Версаль и большевизм. Странное сочетание, — странное, но грандиозное, сильное. Когда в 3 месяца с карты мира смахнуто 5 европейских стран, есть над чем подумать. А мы думали и изучали это явление недостаточно» [12. С. 115].

В целом, временный политический выигрыш от договоренностей с Германией августа—сентября 1939 г. сопровождался политико-идеологическими издержками. То, что советская пропаганда нацелилась на обоснование «дружбы» с Третьим рейхом, избегая критики внешней и внутренней политики нацистского руководства, вызывало у некоторых советских граждан раздражение и недовольство, хотя степень распространения подобного рода настроений в обществе трудно поддается анализу ввиду явного недостатка репрезентативных источников по данному сюжету.

Литературные и публицистические произведения, периодическая печать, кинопрокат по цензурным соображениям уже не выполняли роли «обличителей» нацистского руководства. Из тактических соображений советская пропаганда была настроена на обеспечение лозунга о «расцвете дружбы» с Германией. Это вводило в заблуждение и закономерно воспринималось в обществе как своеобразное «отклонение» от прежней антифашистской линии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большая цензура: писатели и журналисты в Стране советов, 1917—1956 гг. М., 2005.
2. Бордадын А. Организация военного хозяйства в Германии // Мировое хозяйство и мировая политика. 1940. № 8. С. 38—49.
3. Вернадский В.И. Дневник 1940 года // Дружба народов. 1993. № 9. С. 168—184.
4. Волкогонов Д.А. Триумф и трагедия: Политический портрет И.В.Сталина: В 2 кн. М., 1989.
5. Галактионов Ю.В. Отечественная историография германского фашизма (1920-е годы — первая половина 1990-х годов). Кемерово, 2007.
6. Государственный Архив Российской Федерации.
7. Григорьева О.И. Образ Германии на страницах газеты «Правда» (январь 1933 — июнь 1941 г.) // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия: Сб. ст. М., 2009. Вып. 5. С. 211—235.
8. Григорьева О.И. Образ Германии в восприятии советских граждан накануне Великой Отечественной войны (по источникам личного происхождения) // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия: Сб. ст. М., 2012. Вып. 6 (II). С. 316—326.

9. Известия Советов Народных депутатов СССР: ежедневная общеполит. газета // Изд-е Президиума Верховного Совета СССР. М., 1939.
10. Зеленев М.В. Главлит в 20—30-е годы // Вопр. истории. 1997. № 3. С. 48—55.
11. Международное положение глазами ленинградцев, 1941—1945 (Из Архива Управления Федеральной Службы Безопасности по г.Санкт-Петербургу и Ленинградской области). СПб., 1996.
12. Невежин В.А. Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939—1941 гг. М., 1997.
13. Оглашению подлежит: СССР — Германия, 1939—1941: Док. и материалы. М., 1991.
14. Правда: ежедневная общеполит. газета // Орган ЦК ВКП(б). М., 1939.
15. Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: «коммуникация убеждения» и мобилизационные механизмы. М., 2007.
16. Такер Р. Сталин у власти: История и личность, 1928—1941. М., 1997.
17. Чубарьян А.О. Российско-германские отношения (август 1939 — июнь 1941). «Смена вех» в теории, идеологии и пропаганде // «Завтра может быть уже поздно...»: Вестник МГИМО — Университета: спец. выпуск к 70-летию начала Второй мировой войны. М., 2009. С.115—125.
18. Zensur in der UdSSR. Archivdokumente 1917—1991. Dokumente und Analysen zur russischen und sowjetischen Kultur. Band 13/II / hg. A.V. Bljum. Bochum, 1999.

**К ВОПРОСУ О ЧИСЛЕННОСТИ
СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ
В ХАНТЫ-МАНСИЙСКОМ
И ЯМАЛО-НЕНЕЦКОМ ОКРУГАХ В ГОДЫ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ****POPULATION IN SPECIAL
SETTLEMENTS OF
KHANTY-MANSIYSKIY AND
YAMALO—NENETSKIY DISTRICTS
DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR**

Аннотация. В статье на основе новых документальных источников исследуются вопросы демографической истории, уточняется численность населения, в том числе ссыльных и депортированных народов.

Ключевые слова: население; спецпереселенцы; депортированные; окружком; окрсовет.

Сведения об авторе: Алексеева Любовь Васильевна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России.

Место работы: Нижневартовский государственный университет.

Контактная информация: 628605, Ханты-Мансийский округ — Югра, г. Нижневартовск, ул. Ленина, д. 56; тел.: (3466)273510.

E-mail: roshist@mail.ru

Abstract. Based on recently discovered documents, the article considers demographic statistics, specifies the population size in special settlements, including the number of exiles and deportees.

Key words: population; special settlers; deportees; district committee; district council.

About the author: Lyubov Alekseeva, Professor, Doctor of Historical Sciences.

Place of employment: Nizhnevartovsk State University.

С началом Второй мировой войны в национальные округа севера Западной Сибири были депортированы несколько тысяч поляков, финнов, немцев, молдаван и др. народов из европейской части страны, что привело к увеличению численности населения региона. Как следует из справки НКВД «О количестве рабочих, расселенных в ЯННО и ХМНО» за 1941 г. (не ранее марта. — *Л.А.*), в Ханты-Мансийском округе в спецпоселках проживало 11 442 человека, а в Ямальском — 3 500 человек [1. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 632. Л. 144]. В сентябре 1941 г. в Омскую область прибыли 83 516 немцев Поволжья. Прибывшие ссыльнопоселенцы были направлены сюда для работы в лесной и рыбной промышленности и размещены в спецпоселках. Сколько из них попало на Север, точно неизвестно, но по некоторым данным — не менее 9 тыс. человек. Активизация переселений была связана с постановлением ЦК ВКП (б) и СНК СССР от 6 января 1942 г., где предусматривалось увеличение добычи рыбы в Сибири; а в секретном приложении к указанному постановлению на НКВД возлагалось решение задачи по организации переселения на Север для обеспечения планов добычи рыбы. Планировалось в низовья Оби, на Байдарацкую, Тазовскую, Обскую губу и Гыданский залив направить в 1942 г. 10 тыс. человек и в 1943 г. еще 3 тыс. человек, а в Ханты-Мансийский округ 4 тыс. семей спецпереселенцев [1. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 632. Л. 144]. Однако, еще до принятия указанного постановления, 5 января 1942 г. на совещании при исполкоме Ямальского окружного совета был заслушан доклад «О мероприятиях Обьрыбтреста в области развития рыбного хозяйства Ямальского округа». На основе доклада было принято решение об установлении пунктов размещения для вселяемых в округ 2 150 хозяйств спецпереселенцев. На объединенном заседании бюро окружкома ВКП (б) и исполкома Ямало-Ненецкого окрсовета 24 февраля 1942 г. было принято постановление «Об организации работ по расселению ввозимых в 1942 г. в округ переселенцев», ставшее главным документом, определившим все основные вопросы обустройства

Исследование осуществлено в рамках исполнения государственных работ в сфере научной деятельности, задание № 2014/801.

ссылки в округе в 1942 г. Мероприятия по организации приема новых 6 000 спецпереселенцев окончательно были утверждены на Пятой сессии Ямало-Ненецкого окрсовета (5—7 марта 1942 г.) [5. С. 115—116].

От железнодорожных станций Омской области спецпоселенцев с началом навигации направляли на баржах вниз по Оби к местам лова и переработки рыбы. Как следует из графика движения спецпереселенцев от 7 июля 1942 г., которых доставлял пароход «Орджоникидзе», транспортировке в ХМНО и ЯННО подлежало 11 369 человек. Из них трудоспособные составляли 8 588 человек [3. Ф. 118. Оп. 2. Д. 19. Л. 2—4]. В справке от 1 августа 1942 г. содержатся сведения о прибытии в ХМНО переселенцев, которые были распределены по всем шести районам округа в количестве 5 405 человек [3. Ф. 118. Оп. 2. Д. 19. Л. 8]. В протоколе заседания бюро Ханты-Мансийского окружкома ВКП (б) от 7 октября 1942 г. сообщалось о приеме и размещении в районах округа 10 тыс. спецпереселенцев [1. Ф. П 107. Оп. 1. Д. 635. Л. 3]. По сведениям Омгосрыбтреста, на Ямал было завезено 6 383 человека (данные на 29 сентября 1942 г.). Иждивенцы составляли 2 064 человека. Прибывших разместили в уже существующих поселках в порядке уплотнения, на факториях и в землянках (Гыдоямо, Тамбей, Яптик-Сале) [5. С. 119].

Приказом от 9 марта 1942 г. началась вторая депортация немецкого населения, преимущественно из Ленинградской области (26 тыс. человек). Те из них, кого сослали в северные округа, оказались в наиболее тяжелых для выживания условиях. Административно высланные из Ленинградской области немцы и финны стали прибывать в Омск уже весной 1942 г. Первые четыре эшелона, доставившие спецконтингент, по сути привезли еле живых людей. Только с эшелона № 315 в пути было снято 202 трупа.

Пароход «Анастас Микоян», тянувший караван барж на Север, попал в Обской губе в сильный шторм. В постановлении Омского обкома ВКП (б) от 26 августа 1942 г. указано, что авария произошла 21—24 августа в районе Яптик-Сале [4. Ф. П-17. Оп. 1. Д. 3252. Л. 5]. Местные органы власти и руководители хозяйственных предприятий оказались не готовы к принятию новой партии ссыльных. По обоим округам в 1942 г. планировалось построить 577 домов, а построили всего 40. Размещали, где придется, нары ставили нередко в три яруса [7. С. 20]. Расселяли немцев в землянках, которые они сами и обустроивали, разбирая старые баржи. Из обнаруженных полных поименных списков немцев Поволжья (1942 г.), расселенных в ХМНО, следует, что только в Самарово было доставлено, распределено по колхозам и на консервный комбинат 1 185 человек. Четыре парохода доставили в навигацию 1942 г. 1 754 человека, из них трудоспособных 977 человек [3. Ф. 118. Оп. 2. Д. 18. Л. 43—54; 108]. В навигацию 1942 г. в Ханты-Мансийский округ было завезено 6 924 человека, из них спецпереселенцы составляли 4 240 человек [3. Ф. 118. Оп. 2. Д. 24. Л. 95].

В ЯННО немцев расселили в Ямальском, Приуральском, Тазовском районах. Э.Клаузер (Красноселькуп) оставил воспоминания о работе бурлаков на р.Таз [8. С. 45]. Обследование ссыльных немцев Тазовской и Обской губы, проведенное в июле-августе 1942 г., показало, что многие были больны цингой, хроническими заболеваниями, инфекционными болезнями. Туберкулез выявили у 50%. Карточки на 614 немцев (Ямальская спецкомендатура) хранятся в Салехарде в окружном краеведческом музее [8. С. 46—47]. Как следует из сводки в Союзнаркомрыбпром, в 1942 г. в ХМНО было завезено 6 924 человека, в т.ч. спецпереселенцев — 4 240; в ЯННО — 6 589 человек, в т.ч. спецпереселенцев — 4 302. Таким образом, всего в оба округа завезли 13 513 человек (8 542 — спецпереселенцы). Для них построили жилья в ХМНО — 8 543 кв. м (землянки — 210 кв. м), в ЯННО — 7358 кв. м (землянки — 3576 кв. м) [3. Ф. 118. Оп. 2. Д. 24. Л. 130]. Как следует из отчета Омского обкома ВКП (б), в 1942 г. на Север было завезено 11 404 человека рабочей силы, что позволяет предположить, что всего завезли порядка 20 тыс. человек, поскольку, как правило, половину депортированных составляли нетрудоспособные люди [4. Ф. П 17. Оп. 1. Д. 3636. Л. 122].

Необеспеченность жильем спецпереселенцев в 1942 г. привела к пересмотру планов их завоза в ЯННО на 1943 г. Планировалось завезти 3 тыс. человек трудоспособных рабочих. Н.А.Михалев считает, что в 1943 г. спецпереселенцы на Ямал не завозились [5. С. 121]. План на 1943 г. предусматривал завоз в ХМНО 9 377 человек [3. Ф. 118. Оп. 2. Д. 24. Л. 168].

В протоколе заседания бюро Ханты-Мансийского окружкома от 19 января 1943 г. сообщалось о дополнительном прибытии в округ еще 20 тыс. спецпереселенцев [1. Ф. П 107. Оп. 1. Д. 689. Л. 57]. По другим данным, ожидалось к прибытию во втором квартале 1943 г. 9 тыс. переселенцев. Для их размещения планировалось построить 13 новых поселков и 250 домов. Для Рыбтреста предназначалось 4 тыс. человек, в рыболовецкие колхозы — 5 тыс. человек [3. Ф. 1. Оп. 1. Д. 226. Л. 52]. По сведениям (выписки из приказов) Рыбтреста (1943 г.) в ХМНО было завезено 4 218 спецпереселенцев [3. Ф. 118. Оп. 2. Д. 24. Л. 7 об. — 8].

Весной 1944 г. в округ стали прибывать первые партии калмыков. По данным на 20 августа 1944 г., в ХМНО было завезено 5 983 человека калмыков, трудоспособные составляли 3 119, иждивенцы — 2 864, в том числе дети до 14 лет — 2 030 человек [3, Ф. 118. Оп. 2. Д. 330. Л. 63]. По данным на ноябрь 1944 г. количество завезенных калмыков составило 5 999 человек, распределенных по районам ХМНО: Березовский — 1 108, Микояновский — 1 193, Сургутский — 118, Ларьякский — 652, Кондинский — 689, Самаровский — 1239. Подавляющее большинство — 5 518 человек были закреплены за рыбным трестом [6].

В 1944 г. завоз спецпереселенцев на Ямал был возобновлен — это были калмыки. Планировалось доставить для Ямальского госрыбтреста 1 536 человек. Калмыки должны были быть размещены только в Шурышкарском районе и Салехарде. Трудоспособные составляли 60% [5. С. 121]. Всего завезено в 1944 г. на предприятия Ямалрыбтреста 624 семьи калмыков (1 467 человек), трудоспособные составляли 876 человек. Эта партия ссыльных была размещена в Шурышкарском районе и в пределах Салехарда [2, Ф. 1787. Оп. 1. Д. 4а. Л. 159].

Всего с 1942 г. по 1944 г. в ЯННО было завезено 6 281 человек, из них трудоспособные составляли 4 081. Их распределили следующим образом: в рыбную промышленность — 3 022, в колхозы — 356, в другие организации — 495. Убыло по разным причинам 208 человек.

Спецпереселенцы составили основную рабочую силу в рыбной промышленности Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого округов, без их труда увеличить добычу в три раза за счет местных трудовых ресурсов было бы нереально, выполнить производственные планы не представлялось возможным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области.
2. Государственный архив Тюменской области.
3. Государственный архив Ханты-Мансийского округа — Югры.
4. Исторический архив Омской области.
5. Михалев Н.А. Население Ямала в первой половине XX века. Историко-демографический анализ. Екатеринбург, 2010.
6. Новости Югры. 1995. 27 апреля.
7. Петрушин А. «Путина» НКВД // Ямальский меридиан. 2004. № 8.
8. Эйхельберг Е.А. Немцы в Тюменской области: история и современное положение. Тюмень, 1999.

**ЕЩЕ РАЗ О ПЕРВОМ ГЕНЕРАЛЬНОМ
ПЛАНЕ ЗАСТРОЙКИ СУРГУТА****THE FIRST URBAN PLANNING OF
THE CITY OF SURGUT**

Аннотация. В статье определяются этапы разработки первого генерального плана строительства Сургута; факторы, приведшие к внесению в этот план изменений; раскрываются позиции старожилов Сургута, партийно-государственного руководства города и Тюменской области относительно его застройки.

Ключевые слова: Сургут; градостроительство; генеральный план застройки Сургута, ее принципы; специфика городов Тюменского Севера.

Abstract. The present paper outlines the stages of planned development of Surgut, alongside the factors that brought about changes to its general plan. The opinions of old residents, party-government leaders of Surgut and Tyumen oblast about the urban planning of Surgut are described.

Key words: Surgut; town planning; planned development of Surgut and related principles; specific features of towns/cities located in the «Tyumen Sever» (northern area of the Tyumen region).

Сведения об авторе: Прищепа Александр Иванович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России.

Место работы: Сургутский государственный университет.

About the author: Alexander Prishchepa, Doctor of Historical Sciences, Professor at the Department of History of Russia.

Place of employment: Surgut State University.

Контактная информация: 628400, Ханты-Мансийский округ — Югра, г. Сургут, ул. Энергетиков, д. 8; тел.: (3462)763034, 763036.
E-mail: janent@mail.ru

В последнее время история градостроения в Сургуте вызывает все больший исследовательский интерес [6. С. 106—110]. Авторы справедливо акцентируют внимание на проектно-изыскательской работе по возрождению Сургута как нового города. Мы попытаемся представить собственную картину истории разработки и принятия его первого генерального плана.

Строительство Сургута в первой половине 1960-х гг. начиналось с выбора площадки и планового размещения на ней первоочередных объектов производства, жилья, дорог, инженерных сетей, очистных сооружений. Нужно было сохранить для будущей капитальной застройки наиболее благоприятные и выразительные территории, зеленые массивы, наметить первоочередное и перспективное зонирование с определением промышленных, селитебных, коммунальных и иных территорий, с тем чтобы в дальнейшем при разработке Генеральных планов эти отводы можно было органически включить в градостроительные решения. Большую работу в решении этих задач на начальном этапе проектирования Сургута сыграл институт «Башнефтепроект» (БашНиПинефть) под руководством М.П.Мази-на, коллектив которого имел большой опыт обустройства нефтяных территорий в Башкирии и Татарии [2. С. 156].

После того, как БашНиПинефть разработал системы сооружений промышленных объектов и первых рабочих поселков, во второй половине 1960-х гг. проектированием поселений на вновь отведенных территориях занимались различные строительные институты. В частности, в Сургуте в основе возведения поселка «Строителей» и «Нефтяников» лежал план, разработанный институтом «Гипротюменьнефтегаз», поселок «Геологов» строился на базе проекта института «Геологстройпроект». Для речников проектные работы выполнял институт «Сибгипроречтранс», для энергетиков — «Уралтеплоэнергострой», для железнодорожников и транспортных строителей — «Сибгипротранс», промышленные зоны проектировал «Московский проектный институт»-ПИ-2 («Гипрогор»).

Проектный институт № 2 все будущие предприятия, названные министерствами, разместил на плане и двух зонах. В 10 км западнее Сургута в «западном промышленном узле» должны были строиться деревообрабатывающие предприятия. На севере вдоль территории старого Сургута, Черного Мыса в нескольких километрах планировалось размещение Домостроительного комбината. Восточный промзона должны были составить предприятия по производству зданий и строительные организации, обслуживающие основные потребности нефтяников. На восточной окраине этой территории, ограниченной речкой Черной, должна была строиться Сургутская ГРЭС, работающая на попутном нефтяном газе. Для расположения города оставалась полоса земли от речного порта до западного промышленного узла между речкой Бардаковкой и болотом.

Переход к комплексному проектированию производственной инфраструктуры в увязке с градостроительным освоением Сургута сопровождался еще более активным подключением к работе Проектного института № 2. Многие специалисты этого института проявили себя в ходе глубокой разработки научных обоснований, ценных рекомендаций и высококвалифицированного исполнения функций главного проектировщика. Я. Дресс, Ю. Никола-Горский, В. Левин очень хорошо знали специфику Севера, посвятив этому региону значительную часть своей трудовой биографии [2. С. 239].

После того, как БашНИПнефть разработал системы сооружений промышленных объектов и первых рабочих поселков, 22 февраля 1966 г. Бюро Тюменского обкома КПСС на своем заседании утвердило план регулирования текущей застройки города Сургута до 1970 г., представленный Московским проектным институтом «Гипрогор» [2]. В соответствии с его расчетами, численность населения города в 1970 г. должна была составить 60 тыс. человек. Весь объем нового капитального пятиэтажного жилищного строительства в размере 350 тыс. кв. м и необходимые для него объекты соцкультбыта предполагалось разместить на свободных территориях между поселком нефтяников и западным промышленным узлом, т.е. растягивая город еще на добрый десяток километров западнее строящегося жилого района нефтяников. Как новая, так и существующая застройка, согласно плану, обеспечивалась всеми видами инженерного оборудования и благоустройства: водопроводом, канализацией, энергоснабжением, дорожной сетью, озеленением и инженерной подготовкой.

«Гипрогором» были учтены замечания и рекомендации Сургутского райкома КПСС и горисполкома в части уплотнения существующей застройки Сургута и выделения дополнительных территорий для двухэтажного и индивидуального жилищного строительства, соответствующего росту численности населения этого района, а также увеличения объемов социально-культурного и бытового строительства.

П.А.Мунарев в своих воспоминаниях ошибочно датирует это решение 1967 годом [4. С. 67].

Московский Проектный институт № 2 являлся также автором плана Сургутского промышленного узла, представлявшего собой схему размещения предприятий, складских и транспортных сооружений. Основным видом городского общественного транспорта был принят автобус.

На основании принятого плана регулирования текущей застройки в Сургуте развернулось интенсивное оснащение площадок для массовой капитальной застройки города, снабжение ее всеми видами инженерного оборудования, строительство общегородской магистрали от жилого района нефтяников до Черного Мыса.

Однако уже тогда город, еще не начав строиться, растянулся километров на 16—18. В 1969 г. журналист А. Нежный, побывавший в Сургуте, в опубликованном в «Новом мире» очерке «Города, которые мы строили» писал: «Поселки старались ставить там, где поудобнее. Но Сургуту вышло от этого великое неудобство: его растянули вдоль Оби на 15 километров, и стал он, как худосочный подросток, сердце которого не успевает перегонять

кровь во все уголки слабого тела... Сургут вообще представляет собой город несколько несообразный. Странный город — где ни тронь — всюду больно» [5. С. 188—206].

Руководство и общественность города сначала робко, а затем все увереннее стали возражать против проекта «Гипрогора». Это мнение было рассмотрено сначала в областном отделе архитектуры, а затем Исполкомом областного Совета депутатов трудящихся. «Гипрогору» было дано задание разработать генеральный план строительства города с учетом этих замечаний. На споры и согласования ушло несколько лет [5. С. 68]. Одновременно в Госплане РСФСР шли споры по определению предполагаемой численности населения Сургута на перспективу до 1985 г. [1. Ф. 124. Оп. 182. Д. 18. Л. 7].

К 1969 г. Московским Проектным институтом «Гипрогор» был подготовлен «Генеральный план застройки города», руководителем авторского коллектива которого являлся П.П.Джишкариани [4. С. 67]. Этот план был рассчитан на 130 тыс. жителей. Он предусматривал строительство города на площадке между нынешним санаторием «Кедровый Лог» и поселком «Белый Яр». На территории от «Кедрового Лога» до «Старого Сургута», где уже начали обустраиваться первые пионерные базы нефтяников, газовиков и строителей предполагалось разместить промышленную зону [3].

Однако и этот план застройки Сургута не удовлетворял старожилов города. Согласно ему город удалялся от Оби на 7 км заливной поймой, которая после весеннего паводка превращалась в болото. К растянувшемуся на 16—18 км городу добавлялось еще 10 км новой застройки. При этом уничтожался большой массив хорошего леса, в котором Сургут испытывал и без того большую потребность. Серьезные возражения вызывало и непомерное растягивание всех инженерных коммуникаций, и их большая удаленность от восточной промышленной зоны, речного порта и будущей ГРЭС.

Выражая мнение жителей города, первый секретарь Сургутского горкома КПСС В.Бахиллов и председатель исполнительного комитета Сургутского городского Совета депутатов трудящихся П.Мунарев обратились в Тюменский обком КПСС с просьбой поменять площадку и перенести строительство города на территорию ныне существующего Сургута. В качестве аргумента руководители города ссылались на наличие в поселениях нефтяников, газовиков, строителей и энергетиков электро-тепло-водоснабжения, инженерных коммуникаций, дорог и канализации, «за которые можно было зацепиться» в первое время масштабного городского строительства [3]. После обсуждения позиции руководителей города сначала в областном отделе архитектуры, а затем на заседании бюро Тюменского Обкома КПСС «Гипрогору» было дано задание разработать новый генеральный план застройки Сургута в уже сложившихся границах [4. С. 68].

Интересным дополнением к истории разработки Генерального плана застройки Сургута являются воспоминания Владимира Аввакумовича Бешкильцева. Его имя, как главного архитектора Тюменской области в 1960—1976-х гг. занимает особое место в истории проектирования и строительства Сургута. Своими первыми колышками, постановкой доминант в застройке города Сургут обязан именно ему.

Владимир Аввакумович мог выступить с искренним творческим несогласием в отношении решения любого вопроса. В.А.Бешкильцев, родившийся в 1930 г. в Березово Ханты-Мансийского автономного округа, хорошо чувствовал природный ландшафт Среднего Приобья и его иногда незаметные на первый взгляд акценты. Понимая, что главной композиционной осью пространства, оказывающей решающее влияние на планировочную структуру нового города, является река Обь, он категорически возражал против того, что траектория застройки города должна начинаться от железнодорожной станции и проходить в стороне от исторической территории «Старого Сургута» и настоял на том, чтобы в его структуру вошел «Старый Сургут» [2. С. 251].

Владимир Аввакумович в своих воспоминаниях так воспроизводит судьбоносные для будущего Сургута события утверждения Генерального плана его застройки в 1969 г.,

проходившего, как он утверждает, на заседании областного комитета КПСС: «Многие выступали и рекомендовали проект Генерального плана развития Сургута утвердить. В заключение Б.Е.Щербина предоставил последнее слово мне. Я встал и сказал, что материал от утверждения надо отложить, назвав лишь одну причину: проектный институт предлагает бросить исторический Сургут и уйти с застройкой на Белый Яр в 20 км от Сургута, уйти от реки Оби. Гробовое молчание продолжалось буквально минут пять» [2. С. 199]. Было принято решение вернуть проект Генерального плана на доработку.

Он был окончательно утвержден на заседании Госстроя РСФСР в 1970 г. [4. С. 68] и отличался большей компактностью городской территории. В условиях Среднего Приобья требования к компактности застройки, сближению основных функциональных зон, сокращению транспортных и инженерных коммуникаций имели особое значение ввиду ограничения размеров и числа участков, пригодных для застройки, высокой стоимости освоения территории и строительства, а также необходимости сокращения пути движения транспорта и пешеходов в суровых климатических условиях. В Сургуте на компактно застроенной территории легче было осуществлять благоустройство, особенно на первом этапе строительства. При этом удалось избежать обнажения больших поверхностей грунта, чрезмерного запыления и загрязнения города.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив политической истории Тюменской области.
2. История и перспективы градостроительного освоения территорий Севера. М., 2004.
3. Мельниченко М. Виктор Унжаков: «Я не делал карьеру. Я просто работал» // Сургутские ведомости. 2003. 10 ноября.
4. Мунарев П.А. Так было, так начиналось. Сургут, 1997.
5. Нежный А. Города, которые мы строим: о проблемах градостроительства. Заметки публициста // Новый мир. 1969. № 10.
6. Стась И.Н. Первый Генплан Сургута: История утверждения // ХМАО — Югра: Исторические вызовы и ответы: Мат-лы Всероссийской науч. конф. Сургут, 6 декабря 2013 года. Сургут, 2013.

*Е.В.Бодрова
М.Н.Гусарова
В.В.Калинов
Москва, Россия*

*E.V.Bodrova
M.N.Gusarova
V.V.Kalinov
Moscow, Russia*

РАЗВИТИЕ НЕФТЕГАЗОВОГО КОМПЛЕКСА РОССИИ В 1990-е гг.

DEVELOPMENT OF OIL AND GAS COMPLEX IN RUSSIA IN 1990s

Аннотация. В статье рассматривается функционирование нефтегазовой отрасли в условиях смены модели социально-экономического развития страны. Анализируется государственная политика в этой сфере, процесс приватизации и становления вертикально интегрированных нефтяных компаний.

Ключевые слова: модернизация; «нефтяной фактор»; нефтегазовый комплекс; кризис; распад СССР; приватизация.

Сведения об авторах: Бодрова Елена Владимировна¹, доктор исторических наук, профессор кафедры политической истории Отечества; Гусарова Мария Николаевна², доктор исторических наук, профессор кафедры истории; Калинов Вячеслав Викторович³, доктор исторических наук, доцент, декан факультета гуманитарного образования, зав. кафедрой политической истории Отечества.

Место работы: ^{1,3} РГУ нефти и газа имени И.М.Губкина; ² Московский государственный университет приборостроения и информатики.

Контактная информация: 117279, г. Москва, ул. Островитянова, д. 37а, кв. 86; тел.: (915)2274204.
E-mail: Kafedra-i@yandex.ru

Abstract. The article deals with the functioning of the oil and gas industry during the change of social-economic development of the country; analyzes the state policy in this sphere, the privatization and the emerging of vertically integrated oil companies.

Key words: modernization; the «Oil Factor»; oil and gas sector; crisis; collapse of the Soviet Union, privatization.

About the author: Elena Bodrova¹, Doctor of Historical Sciences, Professor at the department of Political History of Russia; Maria Gusarova², Doctor of Historical Sciences, Professor at the Department of History; Viacheslav Kalinov³, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Dean of the Faculty of Education in the Humanities; Head of the Department of Political History of Russia.

Place of employment: ^{1,3} Gubkin Russian State University of Oil and Gas; ² Moscow State University of Instrument Engineering and Computer Science.

Эволюция нефтегазового комплекса РФ в 90-е гг., как и государственная политика в этой сфере, носили крайне противоречивый характер. Две составляющие НГК — нефтяная и газовая — в 1990-е гг. пошли совершенно разными путями развития. Значимую роль в эволюции газовой отрасли сыграло создание на основе Министерства газовой промышленности СССР в конце 1980-х гг. государственного концерна «Газпром» во главе с В.С.Черномырдиным, что позволило сохранить газовую отрасль как самостоятельную систему при доминирующей роли государства. В ноябре 1992 г. Государственный газовый концерн «Газпром» преобразовывался в Российское акционерное общество «Газпром» [3], в 1998 г. переименованное в ОАО «Газпром». Лидеры отрасли сумели убедить Правительство в уникальности отрасли, с самого начала развивающейся в качестве единого технологического и организационно-экономического механизма. Командой Е.Т.Гайдара в феврале 1992 г. впервые была предпринята попытка создания независимых добывающих компаний, поставляющих газ в контролируруемую из центра газотранспортную систему, однако в начавшемся противостоянии победил В.С.Черномырдин. В начале 1990-х гг. газ стал лидером экспортных продаж. Во многом обусловило эту роль именно сохранившееся в РАО «Газпром» централизованное государственное управление. В 1999 г. 35% акций ОАО «Газпром» были закреплены в федеральной собственности. Этот выбор, по оценкам одних исследователей и экспертов, в 1990-е гг. обеспечил не только жизнедеятельность отрасли, но во многом способствовал предотвращению развития кризисной социально-экономической

ситуации в катастрофическую, а в дальнейшем способствовал более стабильному развитию страны. По оценкам других, газовая отрасль, в отличие от нефтяной, лишь формально оставалась под контролем государства и сохраняла прежнюю монопольную структуру. Однако отметим, что «Газпром» обязан был обеспечить надежное газоснабжение потребителей внутри страны, поставки газа по межгосударственным и межправительственным соглашениям за пределы России. Сохранялись низкие цены на газ для внутреннего рынка, фактически предусматривалась возможность не платить за него. Это, действительно, позволило уцелеть тысячам производственных предприятий и сохранить тепло в домах десятков миллионов россиян, но одновременно обусловило инвестиционный дефицит в газовой отрасли, который был преодолен только в середине 2000-х гг. По нашему мнению, жесткая интеграция отрасли сыграла положительную роль в условиях перехода к рыночным отношениям.

В 1992 г. добыча нефти в России составляла еще 399 млн. т, в 1995 г. — 307 млн. т [5. С. 207]. Снижался уровень ее переработки на НПЗ, сокращались объемы эксплуатационного бурения, дебиты нефтяных скважин, прирост запасов нефти, выросло число бездействующих скважин. Повышалась обводненность продукции из-за недопустимо высоких темпов разработки наиболее крупных и высокоэффективных месторождений. Недостаточным было финансирование геологоразведочных работ, недопустимым — уровень изношенности фондов (в 1997 г. в нефтедобыче он составлял 54%, в нефтепереработке 77%, в газодобыче — 42%, в газопереработке — 78%) [1. Ф. 10100. Оп. 14. Д. 3740. Л. 109]. Такое состояние было обусловлено в первую очередь тем, что за годы реформ в машиностроении было потеряно до 80% промышленного производства. В общей сложности доля импорта в закупке оборудования для нефтегазового комплекса и угольной промышленности, по данным Минтопэнерго России, достигла 35% [1. Ф. 10100. Оп. 14. Д. 3740. Л. 109—110]. Одним из самых сложных стал для экономики в целом, и для НГК в частности, 1994 год. Негативное влияние на положение в отраслях ТЭК оказал крупный просчет, допущенный в прогнозе развития экономики РФ. Вместо предполагаемого падения промышленного производства на 8% фактические темпы спада оказались в 2,6 раза выше, что привело к резкому сокращению потребления энергоресурсов. Еще в большей степени сократилась платежеспособность потребителей, которые во многих случаях смогли оплатить менее половины использованных энергоресурсов. В связи с этим в НГК резко обострилась проблема сбыта произведенной продукции. Особенно крупные сокращения капиталовложений наблюдались в нефтедобывающей промышленности — на 53,6% к уровню 1993 г. Вместе с тем, по предприятиям нефтепереработки и в РАО «Газпром» намечавшаяся программа инвестиций была выполнена на 107,8% и 105,2% соответственно. Но оказалась полностью сорванной годовая программа ввода в действие магистральных нефтепроводов, компрессорных станций для транспорта ПНГ, мощностей по его переработке. Предприятия комплекса были вынуждены останавливать действующие нефтяные скважины, ограничивать добычу газа, производство нефтепродуктов. Создалась реальная угроза утраты стабилизирующей роли топливно-энергетического комплекса в экономике страны и превращения его в мощный источник ускорения распада всех сфер экономики и усиления дезинтеграционных процессов. Неплатежеспособность предприятий НГК создавала для многих из них угрозу объявления несостоятельными и применения установленных процедур санации и банкротства.

Выход из создавшейся ситуации виделся в скорейшей реструктуризации отрасли, предполагавшей создание на базе Министерства нефтяной промышленности, а затем и его правопреемницы — корпорации «Роснефтегаз», частных вертикально интегрированных нефтегазовых компаний (ВИНК). В нефтегазовой отрасли устанавливалось три вида предприятий: предприятия, вовлеченные в производство, переработку и распределение; интегрированные компании; транспортные компании. На первом этапе образования ВИНК значительная доля в акционерном пакете принадлежала государству. В 1997 г. доля государственной собственности в нефтяной отрасли снизилась до 10,6% [1. Ф. 10100. Оп. 14.

Д. 3760. Л. 3]. К началу 1999 г. было создано 15 вертикально интегрированных компаний, в федеральной собственности были закреплены пакеты акций шести нефтяных компаний. Основная часть добычи нефти приходилась на отечественные ВИНК, но положение в отрасли оставалось сложным. Характерной особенностью нефтяной отрасли в целом являлось чрезмерное количество слабых компаний с низкой капитализацией [1. Ф. 10100. Оп. 14. Д. 3760. Л. 12]. Во многом судьба нефтяных компаний определялась «политическим веком» возглавивших их фигур, в основном крупных функционеров профильных структур бывшего СССР. Особым образом шло формирование собственности так называемых «региональных» компаний, прежде всего, ОАО «Татнефть» и ОАО «Башнефть». Контрольные пакеты акций данных компаний формально находились в руках государства в лице органов власти соответствующих республик.

До сих пор оценки процесса реструктуризации нефтяной отрасли весьма неоднозначны, подчас диаметрально противоположны. Главной причиной этих преобразований, на наш взгляд, являлось развитие НГК в условиях нарастающего кризиса. Таким образом предполагалось обеспечить управляемость при минимизации бюджетных средств, поступление налогов, привлечение инвестиций, конкурентоспособность на мировых рынках. Между тем, значительное падение добычи нефти свидетельствовало о тяжелейшем упадке. В 1997 г. из нефтеносных пластов извлекалось не более 25—40% нефти [1. Ф. 10100. Оп. 14. Д. 3740. Л. 99].

Причинами такого положения стали: общий кризис экономики страны; снижающийся спрос; ухудшение сырьевой базы; длительное поддержание низких цен на энергоносители; жесткая налоговая система (налоговая составляющая в этот период в цене нефти достигала 50—60%, в нефтепродуктах — до 75%); отсутствие достаточных инвестиций; рост текущих кредитных задолженностей; проблема неплатежей и др. Огромное влияние на функционирование отрасли оказывал мировой нефтяной рынок, процессы глобализации. В ряду острейших проблем был инвестиционный кризис. Например, если в газодобывающей отрасли до 1990 г. среднегодовой объем инвестиций составлял (в ценах 1991 г.) более 10 млрд. рублей, то в последующие годы — в среднем около 5,5 млрд. рублей в сопоставимых ценах. Это явилось причиной значительного снижения объемов строительства и ввода в действие газодобывающих и транспортных мощностей (уменьшились в 2,5—3 раза). Инвестиции в основном осуществлялись под контракты на продажу газовой продукции и под маркетинговые независимые заключения (с долевым участием ОАО Газпром) [2. Ф. 10128. Оп. 1. Д. 2967. Л. 61 об.]. Между тем, наличие финансовых средств у банков и финансовых структур не означало их заинтересованности в производственных инвестициях, поскольку существовали более прибыльные альтернативные направления вложения средств. Долгосрочные кредиты коммерческих банков в экономику составляли в 1995 г. 4% от общего объема кредитов [2. Ф. 10066. Оп. 1. Д. 365. Л. 18].

Ситуацию усугубляла недостаточно развитая в целом законодательная база промышленной сферы, которая и в середине 90-х гг. характеризовалась наличием множественных и разрозненных актов, принятых или изданных в различные периоды советской и постсоветской истории. Одновременно законотворческая деятельность в 90-е гг. отличалась значительной активностью: только в 1995 г. Государственной Думой было принято более 30 законов, регулирующих отдельные аспекты промышленной сферы.

Реформирование нефтяной промышленности имело под собой наиболее проработанную базу, формирование которой началось еще летом 1990 г. и в августе-сентябре 1991 г., до юридического оформления распада СССР. В нефтяной отрасли создавались концерны, корпорации, ассоциации. 21 февраля 1992 г. был утвержден один из основополагающих для НГК РФ Закон № 2395-1 «О недрах», который закреплял права собственности на недра и содержащиеся в них полезные ископаемые у государства. Согласно ему хозяйствующие субъекты для осуществления разведки и добычи углеводородного сырья должны были

получать лицензии. К июню 1992 г. под эгидой Минтопэнерго была разработана и утверждена Правительством Концепция по приватизации и реформированию предприятий нефтяной и газовой промышленности РФ. В этом документе были сформулированы основные принципы и критерии реструктуризации нефтяной отрасли промышленности и формирования нефтяных компаний. В последующие годы нормативно-правовая база в сфере НГК дополнялась законодательными актами, определившими порядок использования природных ресурсов государством и бизнесом на федеральном и региональном уровне, постановлениями, касающимися налогообложения и др. При их разработке использовался опыт рыночных экономик, закреплялось право недропользования на основе лицензий, определялся аукционный и конкурсный характер предоставления лицензий, предусматривался платный срочный характер получения прав на пользование недрами, в указанных актах содержались и антимонопольные требования в сфере поиска, разведки и разработки полезных ископаемых.

1990-е гг. характеризовались активной борьбой хозяйствующих субъектов за право обладания лицензиями на новые участки. Затем выдача лицензий из нераспределенного фонда стала проводиться через систему конкурсов и аукционов.

Выжить в тяжелых условиях переходного периода части российских предприятий позволили международные стратегические альянсы. В виде совместных предприятий они появились в начале 90-х гг., но оказались во многом неравноправными для наших предприятий, так как создавались для менее затратного вхождения зарубежных компаний на российский рынок. Затем потребность в российском партнере отпадала, предприятие либо поглощалось, либо отношения прерывались. В середине 90-х гг. XX века часть холдингов организовывалась через разукрупнение предприятий, дочерних структур, другая — через покупку других предприятий. Инициатива правительства по созданию холдинговых структур в жизнеобеспечивающих и экспортноориентированных отраслях обусловила возникновение крупных бизнес-групп, наиболее значительными из которых стали РАО «ЕЭС России», «Газпром», «Юкос» и «Лукойл».

Сотрудничество российской нефтяной отрасли с иностранными корпорациями способствовало решению острых финансовых проблем на начальном этапе становления рыночной экономики. В отрасли наиболее распространенными формами явились: добывающие компании со 100%-ным иностранным капиталом; совместные предприятия иностранных и российских компаний (СП). Другой формой являлось осуществление иностранных инвестиций на условиях соглашений о разделе продукции (СРП). Неоднозначно оцениваемый Закон «О соглашениях о разделе продукции» от 30 декабря 1995 г., в основе которого — мировой опыт пользования недрами на основе концессий, давал весьма ощутимые льготы инвесторам. Анализ архивных документов показал, что представители левых фракций Государственной Думы весьма остро реагировали на подобные меры. Проверка, проведенная Счетной Палатой, позволила ей заключить, что Закон «...не обеспечивает гарантий развития национальной промышленности» [1. Ф. 10100. Оп. 14. Д. 3768. Л. 43]. В ноябре 1998 г. в РФ корректировались законодательные акты в рамках подготовки закона о концессионных соглашениях.

В 1990-е гг. шел процесс объединения в финансово-промышленные группы (ФПГ), в том числе межгосударственные, со странами СНГ, которые обеспечивали предприятиям определенную стабильность, взаимоподдержку, использование госструктур в своих интересах. Курс на формирование в российской экономике крупных интегрированных структур с участием банковского и промышленного капитала был взят еще в 1993 г. К 1999 г. функционировало уже 84 ФПГ [1. Ф. 10100. Оп. 14. Д. 3765. Л. 6], примерно 10% являлись транснациональными, 7% — межгосударственными, 25% — межрегиональными, 58 — региональными [1. Ф. 10100. Оп. 14. Д. 3765. Л. 28]. В 2005 г. действовало 100 ФПГ, на их долю приходилось 50% всего промышленного производства [4]. Изученные документы

продемонстрировали, что финансовое звено ФПГ являлось чрезвычайно слабым и неэффективным. В отсутствие понимания инвесторами ясной картины структуры капитала в ФПГ, ввиду разноплановости стратегий, неэффективного менеджмента оставалось мало надежд на предоставление инвесторами финансовых средств. Полагаем, что значительная часть ФПГ рассматривала получение официального статуса только в целях приобретения дополнительных льгот, гарантированных государством.

Таким образом, на этапе с середины 1990-х гг. до 1998 г., традиционно характеризующимся как олигархический, складывался крупный частный сектор экономики в торговле, в финансовой сфере, в сырьевых отраслях. Механизмом его формирования явились залоговые аукционы 1995—1996 гг. Экспертная оценка капитализации нефтяных компаний за период, предшествующий началу проведения залоговых аукционов, свидетельствует о том, что упущенная выгода из-за недооценки акций только нефтяных компаний составила \$ 95,7—423,2 млрд. (при оценке в соответствии с общепринятыми методиками \$ 1—5 за баррель разведанных запасов) [1. Ф. 10100. Оп. 14. Д. 3760. Л. 12].

Этот процесс не обеспечил экономической стабильности, но обусловил новый передел государственной собственности и взаимопроникновение финансовой и политической элит. Доля предприятий, находящихся в государственной собственности, в общем объеме промышленной продукции была наиболее высока в машиностроении и металлообработке (17,2%), химической и нефтехимической промышленности (10,4%), электроэнергетике (8,9%). К началу 1998 г. в государственной форме собственности осталось только каждое сорок третье предприятие, на долю которых приходилось около 8% общепромышленного производства [1. Ф. 10100. Оп. 14. Д. 3752. Л. 112]. Ссылки реформаторов на низкую эффективность государственных предприятий, впоследствии обанкротившихся и приватизированных, как показывает анализ изученных нами документов, в большинстве своем являются не вполне правомерными. В 1996 г. производительность труда была высокой у предприятий со смешанной формой собственности, особенно с иностранным участием, низкой — у предприятий государственных, общественных организаций и частных. Но смешанные предприятия работали в основном в сфере малого бизнеса, а государственные предприятия, несмотря на катастрофический спад, проявили невероятную устойчивость, используя все известные еще в советский период способы выживания и адаптации, сумели постепенно восстановиться. Причем госсектор по разным причинам покинули самые эффективные предприятия. В целом объемы производства снижались до конца 1998 г., причем в течение 3—4 лет после начала «радикальных реформ» это снижение носило обвальный характер.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архив Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации.
2. Государственный Архив Российской Федерации.
3. Коммерсантъ. 2004. 15 сентября.
4. Коммерсантъ. 2005. 21 июня.
5. Россия в цифрах 2007. Краткий статистический сборник. М., 2007.

УДК 929.651

М.М.Чореф
Нижневартовск, Россия

M.M.Choref
Nizhnevartovsk, Russia

К ВОПРОСУ ОБ АТРИБУЦИИ ДВУХ МОЛИВДОВУЛОВ ИЗ ЮГО-ЗАПАДНОГО КРЫМА

ATTRIBUTION OF TWO LEAD SEALS FOUND IN SOUTHWESTERN CRIMEA

Аннотация. Наше исследование было проведено с целью атрибуции двух раннесредневековых византийских свинцовых печатей, найденных в последние годы на территории Юго-Западного Крыма. Они привлекли наше внимание тем, что на их реверсе были оттиснуты блоковые грекоязычные монограммы, методику прочтения которых мы разрабатываем. Выносим наши выводы на научное обсуждение.

Ключевые слова: Византия; моливдовул; Херсонес; Мангуп; Константинополь; епарх.

Сведения об авторе: Чореф Михаил Михайлович, кандидат исторических наук.

Место работы: МБОУ «Гимназия № 1».

Abstract. Our study dealt with attribution of two early medieval Byzantine lead seals found in the recent years in the Southwestern Crimea. They attracted our attention because their reverses are stamped with Greek block monograms, and at the moment we're developing technique to decipher them. We submit our findings for scientific discussion.

Key words: Byzantium; lead seal; the Chersonese; Mangup; Constantinople; eparch.

About the author: Michail Choref, Candidate of Historical Sciences.

Place of employment: Municipal budgetary general educational institution «Gymnasium № 1».

Контактная информация: 628616, Ханты-Мансийский округ — Югра, г. Нижневартовск, ул. Мира, д. 36; тел.: (964)170641.

E-mail: choref@ukr.net

Не секрет, что средневековые печати являются ценнейшим историческим источником. Ведь сам факт их обнаружения свидетельствует о наличии и о характере контактов между регионами адресатов и корреспондентов. Однако не только в этом заключается ценность этих источников информации. По ним можно проследить «живую» историю средневековых государств. Во многом благодаря печатям мы узнаем о судьбах конкретных людей, об их взглядах, убеждениях и идеалах. Особо интересны византийские печати. Эволюция принципов их оформления как нельзя лучше характеризует сложные социальные процессы, происходившие в этом государстве за более чем тысячелетнюю историю его существования.

Однако работать с ними довольно трудно. Чрезвычайное обилие и разнообразие сфрагистического материала порождает закономерные сложности при его атрибуции. Ведь при определении печатей мало выявить аналогии, чтобы по ним установить период, в котором они могли бы использоваться. Нужно верно истолковать каждый элемент их оформления. Мало того, со временем приходится вновь и вновь возвращаться к давно уже изданным печатям — необходимо учитывать ранее неизвестные обстоятельства. Именно этим мы и планируем заняться в настоящий момент.

Речь в статье пойдет о двух однотипных моливдовулах. Первый из них был найден в Херсонесе в 2006 г., а второй — близ Мангупа в 2007 г. [1. С. 79—81]. Печати были изучены и изданы крымским сфрагистом Н.А.Алексеенко. В своей обстоятельной публикации ученый привел их доскональное описание. По его словам, на аверсе печатей было оттиснуто изображение Богородицы с восьмиконечными звездами над плечами.

На реверсе Н.А.Алексеевко различил монограмму, по его словам — «»¹ (рис. 1) [1. С. 80]. Иных текстовых элементов оформления моливдовулов ученый не заметил. Он справедливо заключил, что выявленная аббревиатура является самой информативной деталью их композиции. Н.А.Алексеевко уделил ее дешифровке львиную долю своего внимания [1. С. 81—85]. Первым делом он привел историю прочтения этой монограммы. По данным уважаемого сфрагиста, Ф.Гривсон, В.Хан и М.А.Метклиф дешифровывали ее как «*πόλεως Χερσῶνος*»² [1. С. 80]. На основании этого Н.А.Алексеевко выдвинул гипотезу о херсонском происхождении изученных им печатей. В качестве косвенного доказательства он привел свой вывод о неизвестности подобной монограммы за пределами Таврики³ [1. С. 82].

Далее он попытался истолковать сам факт появления аббревиатуры «» на заинтересовавших его печатях. Сославшись на авторитет В.Хана, он заключил, что замена изображения императора и его имени монограммой с названием города является «демонстрацией автономии»⁴ [1. С. 81].

Однако при принятии этого тезиса возникают определенные трудности. Дело в том, что в Византии печати городов были большой редкостью. Ведь, как правило, на буллах размещали имена владельцев, сопровождаемые наименованиями их должностей или придворных званий, а также упоминания о принадлежности государственным учреждениям. Причем исключения из этого правила столь редки, что, собственно, не столько противоречат, сколько подтверждают его⁵. Учитывая это обстоятельство, Н.А.Алексеевко предложил иное прочтение аббревиатуры «». Он предположил, что ее следует дешифровывать как «*πατήρ τῆς πόλεως*» [1. С. 84]. А моливдовулы с нею, по мнению ученого, могли быть приписаны одному из патеров полиса⁶ Херсона, управлявших рядом ромейских городов

---

¹ Т.к. изображения печатей в этой публикации совершенно неразборчивы [1. С. 89, рис. 1, 2], нам не остается ничего другого, кроме как учитывать только рисунок монограммы (рис. 1), приведенный самим исследователем [1. С. 89, рис. 3].

² На самом деле Ф.Гривсон видел в ней «*πόλις Χερσῶνος*» [18. P. 23] или «*ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΠΟΛΙΣ*» [18. P. 73]. В.Хан также не разделяет точку зрения Н.А.Алексеевко. Изначально он прочитал в монограмме «» слово «*Χερσῶνος*» [20. P. 414], а сравнительно недавно согласился на практически общепринятое «*πόλις Χερσῶνος*» [21. S. 79]. К слову, австрийский нумизмат старается избегать использования греческих текстов. Так, в MIB он вовсе не приводит прочтения монограммы «», констатируя только факт ее использования монетным двором Херсона [19. S. 76], а в последней известной нам работе приводит ее англоязычную транскрипцию [21. S. 79].

³ Наши соображения по этому поводу см. ниже.

⁴ Мы вынуждены заметить, что В.Хан об этом не писал [20. P. 414]. Напомним, что в его статье «*The Numismatic History of Cherson in Early Byzantine Times — a Survey*» речь шла о таврических монетах Юстиниана I, на которых есть и изображение императора, а также его имя и титулы. И ученый, естественно, акцентировал на этом внимание читателя. В качестве иллюстрации приводим изображение херсонского пентануммия этого правителя с монограммой «» на реверсе (рис. 9).

⁵ Правда, нам известны описания печатей «*Populum Aradiogum*», хранящихся в British Museum [14. P. 8, № 17475—17480]. По мнению В. де Грей Бирча, их следует датировать VII—VIII вв. Похоже, в данном случае мы имеем дело с возрождением античной традиции. Ведь моливдовулы римских городов хорошо известны [15. P. 14—15, № 64—68]. В качестве иллюстрации мы приводим изображение буллы столицы империи [6, рис. 2, 7]. Полагаем, что обычай привешивать к документам печати городов сохранялся до утери ими последних признаков автономии и мог возобновиться в период катаклизмов. Основываясь на наработках В. де Грей Бирча, полагаем, что власти г.Арада могли использовать свою печать в период арабо-византийских или гражданских войн 655—661 и 680—692 гг., периодически дестабилизирующих ситуацию в регионе. К тому же периоду можно приурочить и появление в обращении т.н. арабо-византийских медных монет с наименованиями двенадцати сирийских городов-эмитентов [17. P. 130—140]. Однако умиротворение Халифата привело как к сворачиванию их чекана, так и к прекращению использования печатей автономных городов.

⁶ Ученый справедливо предположил, что, с учетом этого обстоятельства, ее можно приписать Петру или Павлу [1. С. 85]. Мы считаем это обстоятельство очень важным и вернемся к его анализу в свое время.

во второй половине V — X вв. [1. С. 84—85, 87; 2. С. 70—71]. Сами же печати сфрагист датировал правлением Юстиниана I (527—565) [1. С. 85—86].

Считаем своим долгом заметить, что выдвинутая Н.А.Алексеевко гипотеза куда более перспективна, чем практически общепринятое прочтение « $\rho\acute{o}\lambda\iota\varsigma$ Χερσῶνος». Ведь она может объяснить сам факт появления печатей с монограммой « $\rho\acute{\epsilon}$ ». Но мы все же вынуждены от нее отказаться. Дело в том, что, как уже было доказано ранее, в этой хорошо известной на монетах аббревиатуре нет никакой возможности разобрать « $\rho\acute{\alpha}\tau\eta\rho$ τῆς $\rho\acute{o}\lambda\epsilon\omega\varsigma$ » [4. С. 225—228]. Напомним, что в ней определенно нет «Y». А гипотетическое «A» возникло в результате случайного наложения «P» и «X» и не должно учитываться при дешифровке. И, собственно, ее нельзя прочитать по-иному кроме как « $\rho\acute{o}\lambda\iota\varsigma$ Χερσῶνος». Но, если все же принять эту практически общепринятую точку зрения, то мы окажемся в тупике. Ведь, как уже было выяснено ранее, печати византийских городов настолько редки, что сам факт обнаружения одной из них, да еще и приписываемой таврическому городу, кардинально изменит наши представления о ситуации в регионе. То есть, если действительно существует хоть одна булла с аббревиатурой « $\rho\acute{\epsilon}$ », то нам не остается ничего иного, кроме как принять без каких бы то ни было иных доказательств гипотезу об автономии Херсона в составе Византийской империи. И это с учетом того, что существование одноименного дуката в VI в. в Таврике практически доказано [6. С. 126—140]. Попытаемся разрешить это противоречие.

Для этого обратимся к собранному нами иллюстративному материалу. Начнем со свинцовой печати¹, изображение которой приведено на рис. 2. На ее аверсе оттиснута² хорошо известная invocative тетраграмма « $\Theta\epsilon\omicron\tau\omicron\kappa\epsilon$ $\beta\omicron\eta\theta\epsilon\iota$ » (« $\Theta\epsilon\omicron\tau\omicron\kappa\epsilon$ $\beta\omicron\eta\theta\epsilon\iota$ ») — «*Богородица, помоги*»³. Вокруг монограммы просматриваются одиночные символы. Правее расположены «H» и «B», левее «C» и «N», а ниже «W». У нас есть все основания видеть в их комбинации имя владельца печати и указание на его должность. Составлять же из них слова следует, перебирая буквы построчно слева направо. Такая методика позволяет установить владельца печати⁴, изображенной на рис. 3. Без особого труда составляем из символов, разбросанных по полю ее аверса, вполне ожидаемое « $\text{IUC}[T]\text{INOY}$ » (« $\text{I}\omega\upsilon\sigma[\tau]\text{I}\nu\omicron\upsilon$ ») — «*Юс[t]ина*». Однако дешифровать таким же образом буквосочетание «HCBNW», оттиснутое на лицевой стороне моливдовула, изображенного на рис. 2, вряд ли удастся. Возможно, что в нем следует видеть не только аббревиатуру имени, но и упоминание о должности. Вполне возможно, что непрочитанный текст является продолжением invocative формулы. В любом случае, нам не остается ничего другого, как прервать процесс его дешифровки в ожидании лучшего экземпляра.

Тем более что на данный момент это не является первоочередной задачей. Как помним, нас интересуют не тетраграммы, а блоковые монограммы. Обратим внимание на реверс изучаемого нами моливдовула. В его нижней части виден движущийся влево орел с развернутой вправо головой и с поднятыми крыльями. Как правило, таких птиц оттискивали на ранневизантийских моливдовулах, датируемых периодом с VI по рубеж VIII вв. [3. С. 90]. Выше орла размещена блоковая монограмма. Основными ее элементами являются «P» и «X». В левой нижней ее части видна «O». Правой составляющей лигатуры является «E». Действительно, составленную из них лигатуру можно принять за « $\rho\acute{\epsilon}$ ». Правда, все же заметны некоторые отличия. Начнем с того, что в ее верхнем правом углу определенно просматривается «P», а в « $\rho\acute{\epsilon}$ », как мы помним, она расположена в левой верхней части. В ней же под центральной «X» видна «A» с ломаной средней гостой, которая в лигатуре

¹ Информация о ней была найдена на сайте vcoins.com [25]. Ее размеры — 2,6 на 1,9 см. Вес — 13,84 г.

² Монограмма передана довольно хорошо, только «O», а также левая вертикальная и горизонтальная составляющие «H» стерлись или вовсе не были оттиснуты.

³ Тип 1 по Лорану [16. S. 194].

⁴ Эта печать стала предметом дискуссии сфрагистов, зарегистрированных на сайте forumancientcoins.com [23]. Ее размеры — 2,4 см, а вес — 16 г. Печать была датирована VIII в.

«πὸλῶς Χερσῶνος» отсутствует. Правда, на блоковых монограммах других, причем, как будто бы однотипных печатей¹ (рис. 4), последней буквы вроде бы нет. Зато на них видны все те же буквы: образующая «Π», центральная «Χ» и «Ρ», различимая в верхней правой части. Полагаем, что наличие этих признаков дает нам право сочетать изучаемые монограммы в одну группу. Однако мы не можем быть совершенно уверены в том, что иных составляющих у нее не было. Дело в том, что значительная часть штампа реверса, на котором, собственно, и была вырезана монограмма, не оставила отиска на печати — ее пластины оказались недостаточно велики. Так что, даже учитывая этот экземпляр, мы не можем уверенно атрибутировать аббревиатуру на реверсе этих печатей как «~~ΠΕ~~».

Выявленное обстоятельство заставляет нас отказаться от поспешных выводов и внимательнее изучить эту лигатуру. Займемся поиском печати лучшей сохранности с подобными блоковыми монограммами.

К счастью, их довольно много. И найти хорошие изображения свинцовых печатей не составляет труда. На рис. 5 приведена фотография одной из них². На обеих ее сторонах хорошо видны уже описанные нами орлы с поднятыми крыльями, развернутые влево, держащие в лапах оливковые ветви. Над ними размещены монограммы. На аверсе видна уже хорошо известная нам крестовидная аббревиатура «Θεοτόκε βοήθει». На реверсе моллидовула различима увенчанная крестом лигатура «~~ΠΕ~~», состоящая из шести символов. Основным ее элементом является «Π», центральным «Χ», гасты которого образуют верхнюю часть крупной угловой «Α». К правой вертикальной составляющей «Π» примыкают «Ρ» и «Ε», а к левой — «Ω». Вполне возможно, сочетание вертикальных линий «Π» и наклонных гаст «Χ» образует «Μ». Причем любая из продольных частей первой из них может трактоваться как «Ι». А пересечение нисходящей линии «Χ» с вертикальными составляющими «Π» должны, вроде бы, образовывать символ «Ν». Однако эти допущения нельзя признать перспективными. Ведь, по уже установленным правилам дешифровки блоковых монограмм [4. С. 225—228], читать их нужно с основных букв, на базе которых они, собственно, и строились. Следовательно, ни одна из производных литер вроде «Μ», «Ι» или «Ν» не могла быть первым символом аббревиатуры. Да и образовать из них слово довольно трудно. Правда, они вместе с «Π» входят в состав имени Ποιήνυ — «*Лимен*». Но как, в таком случае, быть с отсутствующей буквой «Ο»? Следовательно, гипотетические «Μ», «Ι» и «Ν» вряд ли входят в состав нашей монограммы. Зато очевидно, что пересечение левой вертикальной и горизонтальной составляющих «Π» образует «Τ».

Перейдем к восстановлению зашифрованной фразы. Используя предложенную нами ранее методику, получаем набор букв: «Π», «Ε», «Τ», «Ρ», «Ε» и «Ω», из которых складываем «ΠΕΤΡΩ ΕΠΑΡΧΩ» («Πέτρω ἐπάρχω») — «*Петру эпарху*». С учетом ранее проведенной дешифровки аббревиатуры аверса получаем: «Θεοτόκε βοήθει Πέτρω ἐπάρχω» — «*Богородица, помоги Петру эпарху*». Полагаем, что этот Петр был эпархом Города, т.е. Константинополя.

Перейдем к выяснению обстоятельств биографии эпарха Петра. Для этого обратимся к фундаментальной «The Prosopography of the Later Roman Empire». Во второй части ее третьего тома приведены сведения обо всех известных на момент ее составления исторических лицах, живших в 527—641 гг. Из текста «Prosopography»³ и мы узнаем, что один из четырех эпархов Петров, живших в тот период и, к слову, управлявший Константинополем [24. P. 1006, 1012], использовал печати с такой же монограммой имени и названия должности

¹ Продается на сайте www.ancienttouch.com [11]. На ее аверсе просматривается изображение мужчины — святого, левее которого просматривается крест. К сожалению, продавцы указали только максимальный размер этой печати — 1,6 см.

² Булла была продана в 2005 г. акционерным домом «H.D. Rauch GmbH». Ее изображение было получено нами на сайте www.acsearch.info [12].

[24. P. 1008, Petrus 46, Monogram 278]. Следовательно, у нас есть все основания приписать наш моливдовул именно ему.

Правда, мы все же не рискнем быть столь категоричными. Дело в том, что нам известна печать¹ (рис. 6) с текстом, а не с тетраграммой на аверсе, но с весьма схожей по конструкции с монограммой «Πέτρω ἐπίρχω» на реверсе. На первый взгляд отличие заметно только в положении креста над «Π». Он, как видим, наклонный. Да и буква «X» несколько поднята вверх. Похоже, что штампы для них изготовили разные мастера. Первый был настоящим профессионалом, а второй смог только довольно грубо скопировать его работу. Полагаем, что работали они не одновременно. Второй штамп мог появиться значительно позже первого. Очевидно и то, что описанные печати не могли принадлежать одному и тому же епарху Петру. Ведь сам факт столь длительного нахождения на столь высокой должности одного и того же лица нехарактерен для ранней Византии.

Убеждает нас в правоте этого вывода сам факт существования моливдовула², фотографию которого приводим на рис. 7. На его аверсе оттиснут довольно изящный орел с поднятыми крыльями. Правда, в отличие от ранее описанных, он развернут влево, а голова его смотрит вправо. Над ним видна великолепно исполненная тетраграмма «Θεοτόκε βοήθει». Однако на реверсе вместо вполне ожидаемой монограммы размещен четко прорезанный четырехстрочный текст:

+NIKO	— Нико	— <i>Niko</i>
ΛΑWA	λάω ἄ	<i>лая а</i>
ΠΟΕΠΑ	πὸ ἐπά	<i>по эпа</i>
PXOWN	ρχων	<i>рха</i>

Судя по наличию орла, печать можно датировать все тем же периодом — VI — второй половиной VII вв. Следовательно, мы имеем право обратиться к исследованиям по ранневизантийской просопографии. В том же «The Prosopography of the Later Roman Empire» есть сведения только об одном апо епархе Николае [24. P. 946, Nicolaus 4]. Похоже, что нашу печать можно приписать ему. Правда, на известном Дж. Р. Мэртиндейлу экземпляре надпись разбита на строки следующим образом: «+NIK/ΟΛΑWA/ΠΟΕΠΑ/PXOWN». Но сходство в оформлении их лицевых сторон не позволяет нам выделять этот, к слову, отнюдь не первостепенный факт в кардинально важный признак. Полагаем, что нашу печать могли оттиснуть второй парой матриц, изготовленных по заказу одного и того же бывшего епарха.

Итак, мы рассмотрели небольшую группу печатей второй половины VI — VII вв. В ходе исследования мы не только удостоверились в перспективности нашей методики дешифровки блоковых монограмм. Нам удалось прочесть аббревиатуры, весьма схожие по конструкции с «Ⲭⲉ», в которых мы разобрали «P'φω ἐπίρχω». Правда, в состав лигатуры «πὸλις Χερσῶνος» входит «O», а литера «A» под «X», безусловно, отсутствует. Однако, плохо сохранившийся оттиск лигатуры «Πέτρω ἐπίρχω» вполне можно принять за «πὸλις Χερσῶνος». Полагаем, что именно это и произошло при изучении моливдовулов с гипотетическим «Ⲭⲉ» на реверсе. В таком случае, у нас появляется возможность объяснить их появление не довольно спорной гипотезой об автономии Херсона при Юстиниане I, а контактами епарха Петра с правителями Юго-Западной Таврики, что, заметим, вполне допустимо.

Но вот что еще интересно. На рис. 8 приведена фотография позднеримской печати³ довольно ранней конструкции — конусовидной, односторонней, с массивной нашлапкой

¹ Изображение этой буллы доступно на сайте vcoins.com [22]. Ее размер — 2,1 см, вес — 13,88 г.

² Сведения о ней приведены на сайте www.acsearch.info [13]. Нам известен только ее вес. Он составил 15,62 г.

³ Информация о ней была получена нами на сайте www.arminius-numismatics.com [10]. Ее размеры 1,7 на 1,6 см, вес — 6,24 г.

для подвешивания. На ее аверсе видна блоковая монограмма. В ее состав входят «А», «Е», «Λ», «Ο», «Π» «Ρ» и «Υ». Зато в ней нет «Ω». Дешифруем ее как (ΠΑΥΛΟΥ ΕΠΑΡ[Χ]ΟΥ) «Παύλου ἐπάρ[χ]ου» — «Павла эпарха». Судя по технологии изготовления печати, этот чиновник жил значительно раньше. По мнению Р.Фрейнда, такие печати перестали изготавливать в IV в. [16. S. 35]. Однако созданная к его времени¹ монограмма имени «Παύλου» использовалась значительно позже. По крайней мере, она встречается на буллах VI—VII вв. [24. P. 1566, Monogram 256]. Очевидно, что единожды разработанная методика структурирования аббревиатур длительное время не менялась.

Но, в таком случае, у нас появляется возможность объяснить сходство «» и «». Полагаем, что позднейшая монограмма фразы «πόλις Χερσώνος» была образована по ранней схеме, активно использовавшейся в ранней Византии для конструирования аббревиатур «Πέτρῳ ἐπάρχῳ».

Кроме того, у нас есть все основания полагать, что в состав одной из ее модификаций аббревиатур «Παύλου ἐπάρχου» или «Πέτρῳ ἐπάρχῳ» могли входить как «А», «Ο» и «Υ», так и «Ω». И именно в ней при несоблюдении методики дешифровки можно было разобрать «πατὴρ τῆς πόλεως».

Хотя, заметим, что проследить логику Н.А.Алексеевко по этому вопросу довольно трудно. В частности, невозможно проследить ход его мыслей при выделении составляющих изученной им монограммы, на что, собственно, мы уже обращали внимание ранее [4. С. 225—228]. Однако, судя по тому, что ученый обнаружил в ней «Υ», но не нашел четко выраженного «А» [1. С. 85], мы рискнем сделать вывод, что он исследовал не тривиальную «», а довольно плохо выбитые или не сохранившиеся в полной мере оттиски одной из разновидностей «».

Подчеркнем, что мы настаиваем на выделении изучаемых печатей в новую разновидность. Дело в том, что на известных нам моливдовулах эпархов Петров не встречается изображение Богородицы Никопеи. Однако даже это обстоятельство не позволяет нам уверенно отнести их к новому, пока еще не известному корреспонденту. Полагаем, что этот вопрос требует дополнительного изучения.

Рискнем только заявить, что наличие на аверсе этих печатей изображений Богородицы Никопеи не лишает нас возможности датировать их именно по монограмме «». Полагаем, что моливдовулы с ними были оттиснуты в VI—VII вв.

Итак, мы попытались объяснить обнаружение печатей с блоковой монограммой «», внешне схожей с «». Если мы правы, то Н.А.Алексеевко издал не небывалые моливдовулы автономного полиса Херсона, а всего лишь новую разновидность печатей одного из эпархов Петров, управлявших Константинополем в VI—VII вв. Сам же факт их обнаружения свидетельствует об активных контактах между местными и столичными властями, и, безусловно, не может быть истолкован как свидетельство особого статуса Херсона или какого-либо иного поселения Таврики в тот период.

Кроме того, из самого факта обнаружения печатей эпарха Константинополя в округе Мангупа следует, что на нем или вблизи его в VI—VII вв. находился довольно важный торговый центр, экономически связанный со столицей. Полагаем, что именно этим обстоятельством стоит объяснять изобилие находок ранневизантийской меди в горной части Юго-Западного Крыма, и, в частности, на Мангупе [7. С. 290, 293, 294. № 5, 28—36; 8. С. 409. № 8—13; 9. С. 274. № 4—6].

---

¹ Собственно, она активно использовалась уже в эпоху эллинизма. Мы уже анализировали подобные монограммы в «“Calamitas virtutis occasio”, или к истории последних лет царствования Фарнака II» [5. С. 44—59].

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеенко Н.А. Нумизматические параллели в сфрагистике византийского Херсона // *Античная древность и средние века*. Екатеринбург, 2008. Вып. 38.
2. Алексеенко Н.А. Патер Полиса Херсона и его роль в имперской администрации в Таврике // *Проблемы истории и археологии Украины: Мат-лы V Международной научной конференции* (Харьков, 4—6 ноября 2004 г.). Харьков, 2004.
3. Степанова Е.В. Печати с латинскими надписями V—VIII вв. из собрания Эрмитажа. СПб., 2006.
4. Чореф М.М. «Adfontes», или к прочтению монограммы ϞϚ // *Российское византиноведение: традиции и перспективы: Тезисы докладов XIX Всероссийской научной сессии византинистов*. Москва, 27—29 января 2011 г. М., 2011.
5. Чореф М.М. «Calamitas virtutis occasio», или к истории последних лет царствования Фарнака II // *Научные ведомости Белгородского государственного университета*. 2012. Серия «История. Политология. Экономика. Информатика». № 7 (126). Вып. 22.
6. Чореф М.М. Монетное дело византийской Таврики во второй половине VI — начале VII вв., или к атрибуции монет с обозначениями номиналов «М», «Н», «К» и «Δ» // *Причерноморье. История, политика, культура*. Вып. V (II). Серия А. Античность и средневековье. Избранные материалы VIII Международной научной конференции «Лазаревские чтения» / Под общей ред. В.И.Кузищина. Севастополь, 2013.
7. Чореф М.М. Опись монет из городской застройки в районе церкви св. Константина (случайные находки, дерновыи слой, I горизонт застройки) // Герцен А.Г., Иванова О.С., Науменко В.Е., Смокотина А.В. *Археологические исследования в районе церкви св. Константина (Мангуп): I горизонт застройки* // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. Симферополь, 2007. Вып. XIII.
8. Чореф М.М. Опись монет из раскопок городской застройки в районе церкви св. Константина (II горизонт застройки) // Герцен А.Г., Науменко В.Е. *Археологические исследования в районе церкви св. Константина (Мангуп): II горизонт застройки (XV в.)* // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. Симферополь, 2009. Вып. XV.
9. Чореф М.М. Опись монет из раскопок городской застройки в районе церкви св. Константина // Герцен А.Г., Иванова О.С., Науменко В.Е. *Археологические исследования в районе церкви св. Константина (Мангуп): III горизонт застройки (середина IX — начало X вв.)*. Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 2010. Вып. XVI.
10. 450—600 AD., Roman Lead Seal, Paulos, Eparchos. URL: <http://www.arminius-numismatics.com/coppermine1414/cpg1414/displayimage.php?album=search&cat=0&pos=60>
11. Byzantine Lead Seals. URL: <http://www.ancienttouch.com/byzantine%20lead%20seals.htm>
12. Byzantinische Siegel. URL: http://www.acsearch.info/search.html?search=siegel&view_mode=1&sort=&c=&a=&l=#17
13. Byzantinische Siegel. URL: http://www.acsearch.info/search.html?search=BLEISIEGEL&view_mode=1&sort=&c=&a=&l=#3
14. De Gray Birch W. *Catalogue of seals in the Department of manuscripts in the British museum*. L., 1898. Vol. V.
15. Dissard P. *Collection Récamier. Catalogue des Plombs Antiques (Sceaux, Tessères, Monnaies et Objets Divers)*. P., 1906.
16. Feind R. *Byzantinische Siegelkunde: Eine Einführung in die Sigillographie von Byzanz*. Regensburg, 2010.
17. Foss C. *Arab-Byzantine Coins: An Introduction, with a Catalogue of the Dumbarton Oaks Collection* (Dumbarton Oaks Byzantine Collection Publications). Washington, 2008.
18. Grierson P. *Byzantine Coins*. L., 1982.
19. Hahn W. *Moneta Imperii Byzantini. Von Anastasius I. bis Justinianus I (491—565)*. Wien, 1973. Band. I.
20. Hahn W. *The Numismatic History of Cherson in Early Byzantine Times — A Survey* // *Numismatic Circular*. 1978. September. V. 86. № 9.
21. Hahn W. *Zur Münzprägung des frühbyzantinischen Reiches. Anastasius I. bis Phocas und Heraclius-Revolt*, 491—610. Wien, 2005.
22. Johannes, eparchos or apo eparchon. Byzantine lead seal (bulla) 6th—7th century AD. URL: <http://www.vcoins.com/ancient/gertboersema/store/viewitem.asp?idProduct=3791>
23. Lead Seal / Bulla / Token #4. URL: <http://www.forumancientcoins.com/board/index.php?topic=76929.0>
24. Martindale J.R. *The Prosopography of the Later Roman Empire: Volume III. A.D. 527—641*. Cambridge, 1992.
25. Peter, eparchos. Byzantine lead seal c. 550—650. URL: <http://www.vcoins.com/ancient/gertboersema/store/viewitem.asp?idProduct=4512>

Рис. К дешифровке монограмм на изучаемых моливдовулах

- 1 — прорись монограммы реверса моливдовулов (по Н.А.Алексеевко [1, рис. 3]);
 2, 4 — печати со схожими монограммами на оборотных сторонах (по [25; 11]);
 3 — аверс моливдовула с легендой «Θεοτόκε βοήθει Ἰουστίνου» (по [23]);
 5, 6 — печати епархов Петров (по [12; 22]);
 7 — моливдовул апо епарха Николая (по [13]);
 8 — печать епарха Павла, жившего в IV в. (по [10]);
 9 — херсонская монета Юстиниана I с аббревиатурой « ϞϚ » на реверсе

**ТОМАС КРАНМЕР — ДЕЯТЕЛЬ
 ЭПОХИ РЕФОРМАЦИИ В АНГЛИИ**

**THOMAS CRANMER — LEADER OF
 THE ENGLISH REFORMATION**

Аннотация. В статье рассмотрена деятельность первого протестантского архиепископа Кентерберийского Томаса Кранмера (1489—1556), его роль в истории английской Реформации, оценки его деятельности в британской и отечественной исторической науке.

Ключевые слова: религиозно-политическая история Англии XVI века; Реформация в Англии; Томас Кранмер.

Сведения об авторе: Ерохин Владимир Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры документоведения и всеобщей истории.

Место работы: Нижевартовский государственный университет.

Контактная информация: 628605, Ханты-Мансийский округ — Югра, г. Нижневартовск, ул. Ленина, д. 56; тел.: (3466)272306.

E-mail: erohin_vladimir@inbox.ru

Abstract. The article deals with the activities of Thomas Cranmer (1489—1556) — the first Protestant Archbishop of Canterbury. The author considers Cranmer's role in the history of English Reformation and appreciation of Cranmer's activities by Russian historians.

Key words: religious and political history of 16th century England; the Reformation in England; Thomas Cranmer.

About the author: Vladimir Yerokhin, Doctor of Historical Sciences, Professor at the Department of Documentation Studies and General history.

Place of employment: Nizhnevartovsk State University.

Примечательной особенностью религиозной Реформации в Англии, как отмечают многие исследователи, является то, что в ее ходе среди английских религиозных деятелей не появилось мыслителей и богословов общеевропейского масштаба. В то же время, особенно в середине XVI — начале XVII вв., в церкви Англии проявили себя буквально десятки очень значительных и хорошо образованных духовных лиц, которые внесли свой вклад в утверждение реформированной религии в стране и подкрепили усилия королевской власти по утверждению протестантизма в Англии. Можно спорить о том, что важнее для религиозного или политического движения — наличие явственно возвышающегося над всеми остальными лидера, или же появление в движении большого числа способных деятелей, которые, пусть и не являются гениальными мыслителями, способны придать возникающему движению общий высокий уровень. В случае английской Реформации главную роль в утверждении протестантизма в стране, наряду с желанием королевской власти, можно утверждать, сыграло все же наличие большого количества образованных и способных деятелей. Очень заметное место среди них занимает первый протестантский архиепископ Кентерберийский Томас Кранмер (1489—1556).

Томас Кранмер родился 2 июля 1489 г. в небольшом городке Аслоктоне в Ноттингемшире и происходил из семьи небогатого джентри. Образование он получил в Колледже Иисуса в Кембриджском университете. В результате окончания Кембриджского университета Кранмер в 1511 г. получил степень бакалавра искусств и остался в университете. В 1515 г. Кранмер стал магистром искусств, был избран членом совета Колледжа Иисуса. В эти годы он женился в первый раз, что было несовместимо с членством в совете колледжа, и Кранмер был вынужден выйти из него, сохраняя только должность университетского лектора. Эта женитьба показывает, что он, скорее всего, не связывал свою будущую карьеру с церковной службой. Однако его жена Джоан умерла при родах примерно через год после свадьбы, и Кранмер стал все глубже заниматься теологией. В 1520 г. его вернули в совет колледжа, он был возведен в сан и стал одним из университетских проповедников, а в 1526 г. Кранмер получил докторскую степень по богословию [6. С. 16—20].

Исследователи выявили, что до начала Реформации в Англии Кранмер в богословских вопросах симпатизировал взглядам Эразма Роттердамского и сдержанно, даже критически

относился к идеям Мартина Лютера. Уже во второй половине 1520-х гг. Кранмер попадал в поле зрения короля Генриха VIII, и они были лично знакомы, зафиксированы случаи их бесед [4. С. 23—33, 33—37].

Дальнейшему возвышению Кранмера способствовали обстоятельства, связанные с королевским разводом. На первые роли в церковных кругах Кранмер выдвинулся в 1529 г. в результате того, что предложил королю Генриху VIII Тюдору, попавшему в затруднительную ситуацию в семейной жизни из-за задуманного им развода с Екатериной Арагонской, обратиться к европейским университетам с вопросом о законности его брака с женой своего умершего брата Артура. На фоне этих споров о разводе короля в августе 1529 г. в Англии случилась эпидемия, которая, судя по описаниям, своими симптомами напоминала тяжелую форму гриппа с нередкими смертельными случаями. Те, кто мог себе это позволить, из-за распространения эпидемии покидали города, и Кранмер с двумя известными впоследствии английскими церковными деятелями Стивенем Гардинером и Эдмундом Фоксом удалился в сельскую местность в поселение Уолтэм Хоули Кросс. Неподалеку охотился король Генрих VIII, придворные останавливались на ночлег в местном постоялом дворе. В те дни тема развода Генриха VIII с Екатериной Арагонской занимала очень многих духовных лиц. Аргументы, которые к тому времени успел предложить кардинал Томас Вулси (1472—1530) — главное доверенное лицо короля, затмевавший в то время и архиепископа Кентерберийского Уильяма Уорхема, для обоснования развода, никак не колебали отрицательное отношение к разводу короля в Риме. У Кранмера было свое соображение по этому поводу: если убедить ученых богословов ведущих университетов Европы в том, что брак короля был недействителен с самого начала, развод сделался бы ненужной формальностью. Эти соображения через придворных дошли до короля. Идея понравилась Генриху VIII настолько, что Кранмер был возвышен до ранга дворцового священника, после чего сблизился с семейством Болейн — Анна Болейн должна была стать второй женой короля.

В 1532 г., находясь с посольством в германских землях, Кранмер встретился с Маргарет — племянницей известного лютеранского деятеля Андреаса Осиандера, возглавлявшего евангелическую церковь Нюрнберга, и женился на ней, сохраняя это в тайне от англичан на родине. В этом же году умер архиепископ Кентерберийский Уильям Уорхем, и Генрих VIII выдвинул кандидатуру Томаса Кранмера как преемника Уорхема. На это дал согласие тогдашний папа Климент VII (1523—1534). При таких обстоятельствах Кранмер и стал первым архиепископом Кентерберийским эпохи Реформации. Кранмер председательствовал на заседании церковного суда, аннулировавшего брак Генриха VIII с Екатериной Арагонской. Позднее Генрих VIII также использовал Кранмера для расторжения брака со второй женой Анной Болейн, ставшей неугодной королю, и во всех своих дальнейших брачных делах с четырьмя остальными женами (Джейн Сеймур, Анной Клевской, Екатериной Говард и Екатериной Парр).

В начальный период развития английской Реформации в 1530—40-е гг. Томас Кранмер сыграл в церковной истории Англии наиболее значительную роль из всех английских богословов в определении того, какую форму примет реформированная церковь Англии. Пока был жив до 1547 г. король Генрих VIII, слишком активно проявлять рвение в защите протестантских богословских взглядов было смертельно опасно. Впоследствии же после восшествия на престол Эдуарда VI (1547—1553) именно Томас Кранмер находился в центре усилий по дальнейшему реформированию церкви на протестантской основе. Кранмер подготовил и опубликовал официальный сборник составленных в протестантском духе проповедей — «Книгу гомилий», нужных духовным лицам в Англии для того, чтобы продолжить преобразование церковной жизни и учения. В 1549 г. Кранмер пригласил в Англию испытывавших трудности и преследования на родине континентальных протестантских богословов. В результате под непосредственным руководством Кранмера в 1552 г. в церкви Англии появился отчетливо антикатолический молитвенник, в 1553 г. было составлено вероисповедное кредо протестантской церкви Англии 42 статьи — доктринальный

документ, повлиявший на составление ныне используемого в англиканстве символа веры 39 статей.

После вступления на престол в 1553 г. рьяной католички Марии Тюдор (1553—1558) и реставрации католицизма в стране Кранмер не поехал в эмиграцию на континент, к чему он призывал своих сторонников-протестантов, многие из которых последовали его совету. 14 сентября 1553 г. Кранмер был арестован прямо во время службы и помещен в Тауэр вместе с еще двумя известными протестантскими деятелями — епископами Николасом Ридли и Хью Латимером. Ридли и Латимер были сожжены в Оксфорде 16 октября 1555 г. С Кранмером же английские власти при Марии вступили в религиозно-политические игры, стремясь добиться максимального пропагандистского эффекта в стремлении нанести вред делу протестантизма в стране. Под давлением властей Кранмер пять раз писал отречения от протестантизма, но королева Мария Тюдор, видимо, оказалась еще и злопамятной: ведь именно Кранмер в 1533 г. расторг брак ее матери Екатерины Арагонской с Генрихом VIII и даже объявил этот брак незаконным, что, в сущности, было равнозначно превращению Марии в бастарда, так что у Марии было собственное восприятие деятельности Томаса Кранмера. В результате Кранмер все же был сожжен 21 марта 1556 г.

Британские историки уделили Томасу Кранмеру немалое внимание. В XIX в. были опубликованы около 30 биографий и биографических эссе о Кранмере [1. С. 9]. Фигура Томаса Кранмера в течение долгого времени неизменно провоцировала дискуссии разных поколений английских и других европейских исследователей — о нем спорили Дж.Фокс и Н.Сандерс в XVI в., Г.Бернет и Ж.Боссюэ в XVII в., Ч.Тодд и Дж.Лингард в XIX в., А.Ф.Поллард и Х.Беллок в первой половине XX в., и в современной британской историографии интерес к нему не потерян. Оценки деятельности Кранмера прямо зависели от религиозной принадлежности тех, кто писал о нем, и католические историки буквально чернили протестантского архиепископа [1. С. 2]. В XX в. появились несколько важнейших работ о нем [2; 4; 5; 6; 7].

В отечественной исторической науке единственным значительным специальным исследованием о Томасе Кранмере по сей день остается кандидатская диссертация ученицы Ю.М.Сапрыкина Н.А.Смирновой, работающей в Оренбургском государственном университете [1].

Наиболее остро дебатированный эпизод в жизни Кранмера — его отказ от протестантизма накануне сожжения. Но отречение от протестантского исповедания у Кранмера было получено ложным обещанием сохранить ему жизнь, и в связи с мученичеством протестанты его простили [3. С. 90]. Католики рассматривали Кранмера не только как еретика и ересиарха, который способствовал тому, что Англия была ввергнута в ересь, но также еще как похотливого лицемера, карьериста, который не был искренним даже в своей ереси. Все духовное развитие Кранмера при Генрихе VIII и Эдуарде VI католики изображали как жизнь приспособленца [6. С. 5].

Либеральные протестантские историки XIX в. не хотели делать из Кранмера святого из-за того, что он пытался спасти свою жизнь отречением от протестантизма: как писал Т.Б.Маколей, готовность Кранмера прощать своих противников была сравнима с отношением к происходящему у раба, который не чувствует ни благодарности за добро, ни гнева за нанесенные травмы, и, как считал Маколей, это демонстрировало то, «что человек может быть не только выше мести за нанесенный ему вред, но еще и ниже такой мести». Резко отрицательно относился к Кранмеру также радикальный историк первой четверти XIX в. Уильям Коббет [6. С. 8].

Дж. Ридли считал, что невозможно принять традиционные католические и протестантские подходы к оценке деятельности Кранмера. Католики изображали Кранмера как беспринципного оппортуниста, орудие королевской тирании. По мнению Дж.Ридли, при сравнении с поведением современников Кранмер совершенно не выглядит каким-то выдающимся приспособленцем: многие из ведущих церковно-политических деятелей середины

XVI в. вели себя еще хуже. Гораздо хуже послушной список у епископа Стивена Гардинера, который смог стать орудием королевской воли и при Генрихе VIII, и в правление Марии Тюдор после реставрации католицизма, как и епископ Боннер, и другие епископы, не говоря уже о знати и придворных, менявших вероисповедание по королевской воле. Протестанты же истолковывали деятельность Кранмера как жизнь честного католика, который постепенно увидел свет истины, что, по мнению Дж.Ридли, ближе к действительности, но такой подход тоже не передает всей сложности исторической ситуации. Ведь в случае, когда ему угрожала опасность, Кранмер предавал свои принципы и протестантские доктрины гораздо серьезнее, чем обычно признают его почитатели.

Дж.Ридли считал, что при рассмотрении жизни Кранмера в контексте исторической ситуации в Англии в XVI в. можно создать непротиворечивый образ личности. Как большинство его современников, Кранмер верил в королевский абсолютизм, ради чего был готов пожертвовать всеми доктринами. Оппозиция королевской воле была возможна для него только в том случае, если его заставляли совершать грех. Но Кранмер осознавал, что неповиновение королю может довести его до эшафота, и проводил свою линию в религиозных делах, учитывая это. Дж.Ридли считал, что такое поведение все же не следует считать обычным приспособленчеством. Принципиальный по характеру архиепископ Кентерберийский, как полагал Дж.Ридли, при Генрихе VIII просто не выжил бы, а Кранмеру после смерти Генриха VIII удалось сразу обеспечить общее руководство дальнейшими религиозными реформами в стране, «и это невозможно отрицать — было ли в этом влияние провидения, законов истории или чистой случайности». Дж.Ридли отмечал также, что на поведение Кранмера оказывал большое влияние страх перед революцией и социальными беспорядками — побывав в Германии, он составил себе представление о Крестьянской войне, хотя и пробыл там лишь 6 месяцев в 1532 г. Дж.Ридли считал, что, будучи ставленником Анны Болейн и Генриха VIII, Кранмер не принес вреда отправившей его на сожжение Марии Тюдор, которую Генрих VIII хотел отправить в Тауэр за непризнание порядка наследования престола от второго брака в пользу Елизаветы, чему противился архиепископ. Кранмер придерживался мнения, что протестантизм должен быть введен в стране по воле монарха, а не подданных, и, как отмечал Дж.Ридли, выступал против укоренения в Англии более радикальных идей континентальной Реформации, в частности, цвинглианских, «всегда посматривая вокруг в поисках экстремистов», но после сожжения Кранмера 21 марта 1556 г. в протестантской среде среди тех, кто занимает должности в церкви, не принято его критиковать [6. С. 12, 50, 76].

Поведение Кранмера в последний день его жизни, в трактовке современных исследователей, выглядит следующим образом. В последнем разговоре с монахами Кранмер еще признавал, что он мог бы подчиниться папе, если бы папа сохранил ему жизнь. Дж.Ридли считал, что перед сожжением Кранмер мучительно выбирал, какую речь произнести — католически-покаянную или обличительно-протестантскую, и взял с собой написанные им заранее два текста. Сожжение раскаявшегося еретика, как в случае с Кранмером, было беспрецедентным. Кранмер в своем последнем слове успел сказать, что со времени своего низложения он успел написать много несправедного, так что в костре первой должна сгореть его рука. Затем он заявил, что считает папу врагом Христа и антихристом, все его учения — ложными, и остается при своих взглядах на таинства, которые он ранее исповедовал. Далее ему говорить уже не дали. Некоторые из присутствовавших на сожжении преподавателей университета пожали на прощание руку Кранмеру, что запрещалось каноническим правом и специальными недавно изданными королевскими эдиктами. Свою речь протестантского содержания Кранмер передал кому-то в толпе или уронил ее на землю. Сначала специально уполномоченным католическими властями печатником была опубликована покаянно-католическая речь Кранмера, но известия о том, что действительно произошло в Оксфорде, и об отречении Кранмера от своих прежних раскаяний в протестантизме утаивать долго было невозможно, и это неблагоприятно сказалось на отношении к Марии Тюдор [6. С. 402—406].

Автор объемной и подробной биографии Томаса Кранмера Д.Мак-Каллок с симпатией относится к его деятельности, и в то же время эта работа не превратилась в апологию [4]. В трактовке богословских взглядов Кранмера в спорном вопросе о понимании архиепископом Евхаристии Д.Мак-Каллок утверждает, что в этом вопросе Кранмер под влиянием взглядов Николаса Ридли и Мартина Буцера в итоге пришел к тому, что можно назвать «символическим параллелизмом»: согласно этому взгляду, Христос действительно, хотя и не телесно, присутствует в Святых Дарах. Когда верующие получают вино и хлеб, Христос воздействует на них духовно, подкрепляя их своими плотью и кровью. В религиозно-политических делах Кранмер был сторонником созыва Всеобщего протестантского собора и хотел созвать его в Англии как оппозицию Тридентскому собору. Д.Мак-Каллок также обращает внимание на случившиеся в жизни Кранмера промахи и непоследовательности, моральные проступки: поддержку развода Уильяма Парра с Элизабет Бурчьер только для того, чтобы выступить против канонического права, буквальная плагиат Кранмера из трудов кардинала Квинона (Quinones), «бесстыдные заимствования идей» у кардинала Каэтана, а также у протестантов Майлса Ковердейла, Джорджа Джоя, Ричарда Тавернера, «хотя это не было чем-то уникальным для XVI века», бездействие в отношении незаконной сдачи его братом в аренду имущества колледжа Уингхэм после диссольюции монастырей во второй половине 1530-х гг. Кранмер также спокойно смирился с произвольным осуждением на казнь продвинувшей его в архиепископы Анны Болейн, поддержал сожжение Джоан Бочер в 1550 г. за христологическую ересь. Как отмечает Д.Мак-Каллок, радикальные евангелисты после начала Реформации в Англии представлялись Кранмеру большой угрозой делу Реформации, поскольку присущий им радикализм взглядов мог напугать традиционалистов. Поэтому неудивительно, как замечает Д.Мак-Каллок, что духовные потомки этих радикальных английских протестантов сурово критиковали Кранмера, несмотря на его итоговое отречение от католической церкви и сожжение.

Как пишет Д.Мак-Каллок, понимание церкви Англии как среднего пути у Кранмера предполагало средний путь не между протестантизмом и католицизмом, а между Виттенбергом и Цюрихом, т.е. между умеренностью и радикализмом, что было близко взглядам страсбургского реформатора Мартина Буцера. По мнению Д.Мак-Каллока, Кранмер внес вклад также в развитие английского языка тем, что спас его от характерной для гуманистов напыщенности. Таким образом, рассуждения о противоречивом и сложном моральном облике Кранмера так и воспроизводятся в современных работах о нем без какого-либо переосмысления характера его личности. При этом современные историки обычно объясняют эти черты личности архиепископа сложностью религиозно-политической ситуации в то время, когда ему довелось действовать. В англиканстве со времени его формирования было очень много политического, что сказалось и в деятельности Томаса Кранмера, при всей его, как можно признать, в целом все же конструктивной роли в становлении протестантской церкви Англии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Смирнова Н.А. Реформация в Англии и деятельность Томаса Кранмера в первой половине XVI века. М., 1990.
2. Belloc H. Cranmer, Archbishop of Canterbury. N.Y., 1973.
3. Foxe J. Acts and Monuments / Ed. S.R.Cattley. L., 1837—1841. Vol. VIII.
4. Mac Culloch D. Thomas Cranmer: A Life. New Haven, 1996.
5. Pollard A.F. Thomas Cranmer and the English Reformation, 1489—1556. L., 1904.
6. Ridley J. Thomas Cranmer. Oxford, 1962.
7. Smyth C. Cranmer and the Reformation under Edward VI. L., 1926.

**РАЗВИТИЕ АВИАНОСНОГО ФЛОТА США
И СССР ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ
ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ****DEVELOPMENT OF THE NAVY IN THE USA
AND IN THE SOVIET UNION SINCE
THE END OF THE WORLD WAR II**

Аннотация. В статье рассматривается развитие авианосного флота США и СССР после окончания Второй мировой войны в условиях «холодной войны», приводятся тактико-технические характеристики построенных авианесущих кораблей, отмечается, что в области строительства и практического применения авианосцев, особенно в годы Второй мировой войны, США приобрели большой опыт, в том числе и в отношении размещения атомной энергетической установки на этом классе боевых кораблей.

Ключевые слова: флот; авианосец; авианесущий крейсер; палубная авиация; «холодная война»; ядерное оружие; морская держава.

Сведения об авторе: Василенко Леонид Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения и всеобщей истории.

Место работы: Нижевартовский государственный университет.

Контактная информация: 628605, Ханты-Мансийский округ — Югра, г. Нижевартовск, ул. Ленина, д. 56; тел.: (3466)272306.
E-mail: docnggu1998@mail.ru

Abstract. The paper considers the “Cold War” context of the U.S. and Soviet Navy development, describes tactical and technical characteristics of aircraft carriers. It is noted that during the World War II, the U.S.A. gained considerable experience in construction and exploitation of aircraft carriers, including installment of nuclear reactors on ships of that class.

Key words: navy; aircraft carrier; aircraft-carrying cruiser; deck-based aircrafts; «The Cold War»; nuclear weapons; sea power.

About the author: Leonid Vasilenko, Candidate of Historical Sciences, Associate professor at the Department of Document Science and General History.

Place of employment: Nizhnevartovsk State University.

Авианосец — это боевой надводный корабль большого водоизмещения, оборудованный для базирования, взлета и посадки боевых самолетов и вертолетов [6. С. 13]. Авианосцы появились уже в ходе Первой мировой войны, но ввиду своего конструктивного и технического несовершенства они выполняли всего лишь вспомогательную функцию (например, воздушная разведка) в составе флота. Не претерпела значительных изменений оценка авианосцев, существовавшая в межвоенный период. Однако, за годы Второй мировой войны кардинальным образом изменились представления о месте и роли авианосцев в составе флотов морских государств. Если в период после Первой мировой войны основу флота продолжали составлять линкоры (линейные корабли) — самый крупный класс надводных кораблей, основным достоинством которых являлась огневая мощь орудий главного калибра, предназначенная для уничтожения надводных сил противника, «авторитет» которых не подвергался сомнению, то в ходе Второй мировой войны на первое место выдвинулись авианосцы, ударную силу которых составляли самолеты палубной авиации, способные наносить удары по противнику на большом удалении от него. В качестве примера можно привести нападение 7 декабря 1941 г. японской эскадры, в состав которой входили 4 авианосца, на американскую военно-морскую базу Пёрл-Харбор, где базировался Тихоокеанский флот США. В результате двух налетов самолетов японских авианосцев американскому флоту был причинен тяжелый урон [4. С. 187].

Практика войны на Тихом океане с участием авианосцев Японии и США подтвердила их значимость: от атак палубной авиации не спасали ни скорость хода, ни толщина броневой защиты, ни величина калибра артиллерийского и зенитного вооружения надводных кораблей. Парадоксально, но нередко морские сражения на Тихом океане соединений японских и американских кораблей происходили без единого артиллерийского выстрела

по врагу на расстоянии нескольких десятков, а то и сотен километров друг от друга, а судьба этих сражений определялась эффективностью действий палубной авиации авианосцев противоборствующих сторон.

Война на Тихом океане продемонстрировала еще один необычный способ использования авиации против надводных кораблей. Японское командование на заключительном этапе войны с США стало использовать летчиков-смертников — «камикадзе», которые таранили своими начиненными взрывчаткой самолетами американские корабли.

Наличие авианосцев позволило союзникам (США и Англия) за период Второй мировой войны успешно осуществить проводку через Атлантику около 2 200 крупных конвоев с жизненно важными грузами, в состав которых входило более 75 тыс. судов. За этот же период по прибрежным коммуникациям было проведено около 7 700 конвоев, включавших 170 тыс. единиц транспорта [2. С. 20].

Период 1946—1991 гг. вошел в мировую историю как период «холодной войны», в ходе которой мир не один раз стоял на грани ядерной катастрофы. Гонка вооружений, особенно ракетно-ядерных, с широким использованием новейших достижений науки и техники, развязанная США и их союзниками и подхваченная СССР, к середине 80-х гг. XX в. достигла своего количественного и качественного апогея, а также и максимальных расходов. Процесс эскалации «холодной войны» заставил США и СССР еще в 70-х гг. заключить ряд соглашений, направленных на ограничение ядерных вооружений, снижение угрозы возникновения термоядерной войны.

Отметим, что гонка вооружений распространялась на все сферы: землю, море, воздух. Наиболее значительной она была в Мировом океане. В связи с этим представляется важным рассмотреть развитие авианосного флота США и СССР после окончания Второй мировой войны (вплоть до окончания «холодной войны» и распада СССР), выявить особенности и пути его развития, тактико-технические характеристики и возможности решения боевых задач, тем более, что в отечественной и зарубежной историографии эта тема широко не афишировалась. Предметом нашего внимания являются тяжелые авианесущие корабли, которые составляют основу флота обоих государств.

За годы Второй мировой войны США, опираясь на свою развитую промышленность, сумели создать мощный военно-морской флот: 125 авианосцев, 23 линкора, 67 крейсеров, 879 эсминцев, 900 фрегатов, 351 подводную лодку [3. С. 227]. Необходимо отметить, что осилить такую объемную программу строительства — не рядовое событие. Ее могло осуществить только государство, имеющее мощную промышленность, традиции морского строительства, обладающее соответствующей производственной базой и опытом строительства крупных кораблей, особенно таких, какими являлись авианосцы. Следует признать, что в США имелись такого рода верфи в Нью-Йорке, Филадельфии и Норфолке, на которых в годы Второй мировой войны и после нее строили авианосцы. Можно отметить, что во время войны головной корабль серии авианосцев «Эсекс» был построен за 20 месяцев, а «Франклин» этой же серии — всего за 14 месяцев [5]!

Важным результатом развития американского флота во время Второй мировой войне явилось создание и совершенствование двух основных боевых систем, которые позволили США одержать победу над Японией в ходе затяжной войны на Тихом океане: 1) система десантного флота (амфибийные силы), позволившая осуществлять высадку на берег крупных масс войск и решение задач надежного обеспечения их всем необходимым для ведения боевых действий; 2) система авианосного флота, посредством которой обеспечивалось господство в воздухе в прибрежных районах, гарантировавшее успех проведения десантных операций и завоевание господства на море.

Важным тактическим приемом американцев в ходе осуществления морских операций на Тихом океане стало широкое применение авианосных групп и соединений (с целью концентрации палубной авиации в конкретном месте и достижения количественного и качественного превосходства своих сил над противником), что позволяло переводить в практическую

плоскость решение всех основных задач флота. По окончании Второй мировой войны наличие огромных и мощных военно-морских сил превратило США в морскую державу № 1: по совокупной ударной мощи сравниться с США не могло не только какое-либо государство в отдельности, но и все государства вместе, имеющие военный флот.

Обладая монополией на атомное оружие, США после войны провели ряд испытаний с целью выявить влияние поражающих факторов этого оружия на корабли различного боевого назначения, старались найти реальные рамки и условия, в которых вооруженные силы смогут действовать на суше и на море, определить принципы использования ядерного и обычного оружия в реальной боевой обстановке. Отталкиваясь от накопленного опыта, США сформулировали свою морскую политику, которая заключалась в «...сохранении сильных морских ракетно-ядерных, сдерживающих сил стратегического назначения и способности обеспечить свободу морских коммуникаций в жизненно важных для национальных интересов США районах, включая всестороннюю способность влиять на события в конечных районах морских коммуникаций, вплоть до проведения наступательных действий и высадки десантов там, где это окажется необходимым» [цит. по: 2. С. 78]. Командование ВМС США заявило, что национальная безопасность государства немыслима без сохранения морского превосходства США. В дальнейшем данный тезис становится ключевым при формировании морской политики США в годы «холодной войны» и определении места ВМС в ядерной триаде вооруженных сил американского государства.

В послевоенные годы произошли количественные и качественные изменения в составе флота США. Из его состава практически были исключены линкоры и конвойные (эскортные) авианосцы, но в тоже время существенно изменился состав ударных авианосцев: их число уменьшилось более чем в два раза, а ударные возможности расширились за счет реактивной авиации и ядерного оружия.

После оснащения американского флота стратегическим ядерным оружием определяющим фактором в его развитии стала способность решать стратегические задачи по уничтожению важных наземных объектов, расположенных в глубине территории СССР и его союзников. С этого времени надводный флот США развивается уже как вид вооруженных сил, способный оказывать решающее влияние на ход мировой термоядерной войны. Новые стратегические качества, приобретенные ВМС США, определили его основное предназначение как средства для действий против суши и перенесение в связи с этим большей части стратегического ракетно-ядерного оружия в сферу военного флота.

До 1957 г. главным средством доставки американского ядерного оружия была авиация. Поэтому особое внимание в это время уделялось развитию стратегической и авианосной авиации, а также ударных авианосцев — основы морской мощи ВМС США. В 1960 г. в составе ВМС США ударных авианосцев насчитывалось 24 по сравнению с 60 в 1949 г., а к 1970 г. их численность составила 17 (из них один атомный — «Энтерпрайз» — был введен в состав флота в 1965 г.) [2. С. 79].

В 1964 г. «Энтерпрайз» совершил совместно с атомным крейсером «Лонг Бич» и атомным фрегатом «Бейнбридж» кругосветное путешествие, главной целью которого была демонстрация возможностей ядерной энергетической установки. Поход длился 65 дней без захода в порты для пополнения запасов, за это время корабли прошли 30 216 миль пути (55 860 км), а авиагруппа совершила 1 590 самолетовылетов с общим налетом 2 372 часа. Поход атомных кораблей подтвердил правоту сторонников использования на кораблях ядерной энергии [1. С. 46].

«Энтерпрайз» считается первым атомным авианосцем ВМС США. Он был заложен на верфях «Ньюпорт Ньюс Шипбилдинг», специализировавшейся на постройке таких гигантских кораблей, 4 февраля 1958 г. В сентябре 1960 г. корабль был спущен на воду, а 25 ноября 1961 г., после прохождения испытаний, вступил в строй ВМС США. Поражает короткий срок, за который был построен этот огромный и сложный корабль. Его строительство обошлось в 450 млн. долларов — небывалую для начала 60-х гг. сумму.

Технико-тактические характеристики «Энтерпрайза» следующие: водоизмещение — 75 700 т (стандартное), 93 970 т (полное); длина 342,3 м; ширина — 40,5 м; полетная палуба — 76,8 м; осадка — 11,9 м; энергетическая установка — атомная, мощностью 280 000 л.с.; 4 запасных дизеля мощностью 10 720 л.с.; скорость — 33 узла (54,6 км/час); экипаж — 5 765 человек, включая личный состав авиакрыла; вооружение — 3 ПУ Mk. 29 ЗРК «Си Спэрроу», 3 АУ «Вулкан/Фаланкс» 6х20 мм; оборонительная система — противоторпедная система SSTDS; торпедная ловушка SLQ-36 «Никси». На авианосце располагалось мощное радиолокационное оборудование: это комплексы РЛС обнаружения воздушных целей; целеуказания; обнаружения надводных целей; управления полетами; управления стрельбой; навигационные.

На авианосце базировалось авиакрыло в составе 80—100 самолетов, которое состояло из трех авиаэскадрилий штурмовиков, двух авиаэскадрилий истребителей, противолодочной группы, РЭБ (радио-электронной борьбы), разведки и др. Палубная авиация могла наносить удары на глубину 800—1 500 км как обычным, так и ядерным оружием. Мощное эскортное сопровождение и воздушное прикрытие авиации самого авианосца обеспечивали его надежную защиту от нападения [7. С. 8]. Вместе с тем, высокая стоимость «Энтерпрайза» вызвала споры в армии и конгрессе о целесообразности строительства атомных авианосцев. Как следствие этих разногласий, из 6 кораблей этой сети (головной корабль «Энтерпрайз») в состав флота был введен всего лишь один.

Все же в 1968 г. было принято решение о строительстве новой серии авианосцев с атомной энергетической установкой. Головной корабль этой серии «Честер У Нимиц» был заложен летом 1968 г. Начиная с «Нимица», все авианосцы этой серии строились только на верфи «Ньюпорт-Ньюс Шипбилдинг энд драй док», имевшей опыт подобного строительства. Для кораблей новой серии была разработана новая атомная энергетическая установка большой мощности. Основные характеристики авианосцев серии «Нимиц»: предельное водоизмещение до 106 000 т, длина — 332,8 м, ширина — 78,4 м, высота — 73,2 м, осадка — 11,3 м, скорость хода — 30 узлов (56 км/ч), экипаж — 3 200 человек, авиакрыло — 2 480 человек. Корабли серии имеют современное радиолокационное и радиоэлектронное оборудование, зенитное и ракетное вооружение, авиакрыло составляет 64 самолета и вертолета, максимальная их численность может составлять 85—90 машин. Стоимость одного авианосца составляет 4,5 млрд. долларов. Проектный срок службы — более 50 лет. Атомная энергетическая установка может работать без замены активной зоны примерно 25 лет.

С 1975 г., по решению конгресса США, крупные боевые надводные корабли должны были строиться только с атомными энергетическими установками. Головными кораблями в атомной серии стали авианосец «Энтерпрайз», крейсер «Лонг Бич» и фрегаты «Бейнбридж» и «Тракстан». Атомная энергетическая установка давала практически неограниченную дальность хода при заправке один раз в 13—15 лет. У атомного авианосца высвобождались дополнительные емкости под горючее для палубной авиации с объемом 5 900 т, у существовавших до него типов авианосцев — до 15 000 т, позволявшие при необходимости увеличивать время его нахождения в море, а у кораблей других классов увеличивалась дополнительная полезная нагрузка.

Головной авианосец новой серии «Нимиц» был введен в строй в 1975 г., «Дуайт Эйзенхауэр» — в 1977 г., «Карл Винсон» — в 1982 г., «Теодор Рузвельт» — в 1986 г., «Авраам Линкольн» — в 1989 г., «Джордж Вашингтон» — в 1992 г. (после распада СССР в состав ВМС США были введены оставшиеся 4 корабля этой серии: «Джон Стеннис» — в 1995 г., «Гарри Трумэн» — в 1998 г., «Рональд Рейган» — в 2003 г. и «Джордж Буш» — в 2009 г.). Таким образом, запланированная серия атомных авианосцев типа «Нимиц» была завершена, все они находятся в составе флота США, составляют основу его ударной мощи, принимают участие в различных военных конфликтах, например, в Югославии и Ираке, являются «козырной картой» в политической игре правящих кругов США.

В Советском Союзе строительство авианосцев длительное время тормозилось по причинам негативного отношения политического руководства к кораблям данного класса, считавших несвоевременным и ненужным создание этих крупных надводных кораблей. В частности, Н.С.Хрущев утверждал, что существующее ракетно-ядерное оружие способно легко уничтожить любой крупный надводный корабль. В связи с этим само слово «авианосец» в СССР стало нарицательным [см.: 2. С. 115—118].

Однако, с конца 50-х гг. в рамках американской доктрины массированного возмездия и при наличии значительного количества ядерных средств уничтожения под удары пятисот авиационных носителей ядерного оружия США попадало около 8 тыс. населенных пунктов СССР. В связи с этим советским руководством было принято решение о проектировании противолодочного корабля с базированием на нем вертолетов. В январе 1962 г. проект вертолетоносца с шифром 1123 был утвержден. К этому времени численность палубной авиации американской группировки авианосцев насчитывала почти 1,5 тыс. самолетов, способных нанести ядерные удары по территории Советского Союза.

Первый советский вертолетоносец, названный противолодочным ракетным крейсером (ПКР) «Москва», был спущен на воду в январе 1965 г. и имел водоизмещение 15 тыс. т. Его главной задачей была борьба с подводными лодками США, имеющими на борту ядерное оружие. Для борьбы с субмаринами на корабле обеспечивалось базирование противолодочных вертолетов К-25, для защиты от нападения с воздуха вертолетоносец имел мощный ракетный комплекс ПВО с дальностью до 150 км. В 1967 г. завершилась постройка второго противолодочного ракетного крейсера «Ленинград» и готовился к закладке третий крейсер — «Киев». Эти противолодочные крейсера положили начало первому этапу создания советского авианосного флота.

Летом 1965 г. в США прошли испытания баллистической ракеты морского базирования «Посейдон» С-3. Эта ракета с 10 разделяющимися боеголовками имела дальность полета до 5 тыс. км. Запуская их из Атлантики, американский подводный ракетноносец мог уничтожить населенные пункты Советского Союза на площади в 160 тыс. кв. км. Эти подлодки получили название «убийцы городов». Для противодействия им был направлен первый вертолетоносец СССР — противолодочный крейсер «Москва». Находясь в боевом походе в Средиземном море, он доказал свою практическую пригодность. Однако, для эффективного патрулирования в океане возможностей этого авианесущего крейсера не хватало. К тому же районы патрулирования американских подводных лодок плотно прикрывались американскими авианосными группами. Чтобы успешно бороться с американскими стратегическими подлодками, советский флот нуждался в совершенно новом авианесущем корабле с мощным ракетным вооружением и самолетами.

В 1967 г. конструкторское бюро имени Яковлева разработало самолет Як-38 с вертикальным взлетом. Под эту машину на Невском ПКБ был создан проект нового авианесущего крейсера. Строить крупные авианесущие корабли могли в Советском Союзе только на Черноморском заводе в городе Николаеве. Чтобы освободить место в стапеле для постройки нового корабля, пришлось отменить закладку третьего вертолетоносца, а его название «Киев» присвоили головному авианосцу проекта 1143, строительство которого началось в 1970 г. На вооружении авианесущего крейсера «Киев» находилось 8 пусковых установок противокорабельных ракет и авиаполк, располагая которыми, советский авианосец мог успешно бороться не только с подводными лодками США, но и с надводными кораблями вероятного противника. Этот новый тяжелый авианесущий ракетный крейсер (ТАКР), совмещавший достоинства крейсера и авианосца, строили 169 заводов и предприятий СССР. После спуска на воду «Киева» в 1972 г. серия была продолжена строительством ТАКР «Минск» (1975), «Новороссийск» (1978), «Баку» («Адмирал Горшков») (1982). Пятый ТАКР проекта 1143,5 «Тбилиси», переименованный позднее в «Адмирал флота Советского Союза Кузнецов», строился под базирование истребителей Су-27 и МиГ-29

с обычным взлетом и посадкой. Водоизмещение корабля было увеличено до 55 000 т, а носовая часть выполнена в форме трамплина. Заложенный в 1982 г. и спущенный на воду в 1985 г., «Тбилиси» открыл третий этап создания авианосного флота Советского Союза. Характеристики «Тбилиси»: полное водоизмещение — 705 00 т; длина — 304,5 м; ширина — 38 м (полетной палубы — 75 м); осадка — 10,5 м; энергетическая установка — 4 ПТУ (8 котлов) мощностью по 50 000 л.с.; скорость — 32 узла (59 км/час); экипаж — 1 960 чел. +ЛС авиакрыла; вооружение — 12 ПУ 4К-80 ПКРК «Гранит»; 4х6ПУ ЗРК «Кинжал»; 8 ПУ «Кортик»; 6х6 30-мм АУ АК-630М; 2х10 РБУ-12000; противоторпедная система «УДАВ-1М»; 24 самолета и до 42 вертолетов; разнообразное радиоэлектронное оборудование [7. С. 10].

В 1985 г. был заложен еще один ТАКР проекта 1143,5 «Варяг». Седьмой ТАКР «Ульяновск», заложенный в Николаеве в 1988 г., планировалось оснастить ядерной энергетической установкой. Водоизмещение корабля достигало 75 000 т, на его борту могли размещаться 70 самолетов, в т.ч. дальнего радиолокационного обнаружения и наведения.

Планировалось, что «Варяг» будет передан флоту в 1993 г., а «Ульяновск» — в 1996 г. Корабелы Черноморского завода намечали к закладке и второй атомный авианосец уже в 1992 г. Если бы были реализованы намечавшиеся планы строительства авианосцев, то к 2010 г. могли быть построены и переданы ВМФ СССР «Варяг» и пять атомных авианосцев типа «Ульяновск», при этом еще три авианосца находились бы в стадии постройки. У ВМФ СССР могла быть мощь, сопоставимая с американской, укрепилась бы безопасность Советского Союза. Однако, развал СССР, как следствие перестройки, перечеркнул эти грандиозные планы. Тем не менее, можно утверждать, что строительство советских авианесущих кораблей стало составной частью грандиозной программы создания океанского флота СССР и достижения им сопоставимого паритета с ВМС США.

Таким образом, окончание Второй мировой войны стало началом острого соперничества США и СССР уже в формате «холодной войны», наиболее явственным проявлением которой стала гонка вооружений, в том числе и в области морских вооружений, достигшая гигантских размеров. Упоная на свою морскую мощь и монопольное владение атомным оружием, США стремились установить мировое господство, создать материальные предпосылки для уничтожения Советского Союза военными средствами. И в этом отношении инициатива принадлежала США. Советский Союз принял американские «правила игры», отдавая предпочтение количественным и затратным мерам противодействия, требовавшим колоссального напряжения усилий всего государства. В полной мере это утверждение относится и к области морских вооружений, где соперничество США и СССР было, пожалуй, наиболее «результативно». Оно привело к строительству огромных флотов, в которых авианосцам отводилась далеко не последняя роль. Вместе с тем становится ясно, что в ближайшем будущем великой морской державой может считаться то государство, которое может и будет иметь современный сбалансированный флот, ведущее место в котором будет принадлежать авианосцам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дрожжин Г. Асы подводной войны. М., 2004.
2. Капитанец И.М. Битва за Мировой океан в «холодной» и будущих войнах. М., 2002.
3. Калашников М. Сломанный меч империи. М., 1999.
4. Мировые войны XX века в 4-х томах. М., 2003. Т. 3. Вторая мировая война.
5. Проектирование и строительство. URL: <http://navycollection.narod.ru/librari/essex/prj.htm>
6. Советский энциклопедический словарь. М., 1981.
7. Современные боевые корабли / Пер. с англ. А.В.Бушуева, А.А.Жеребилова. Смоленск, 2005.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 94(47).08

*Л.В.Алексеева
В.В.Цысь*

Нижневартовск, Россия

*L.V.Alekseeva
V.V.Tsys'*

Nizhnevartovsk, Russia

**ОБ ИТОГАХ РАБОТЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«ЮГРА, СИБИРЬ, РОССИЯ:
ПОЛИТИЧЕСКИЕ, ЭКОНОМИЧЕСКИЕ,
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ
ПРОШЛОГО И НАСТОЯЩЕГО»,
СОСТОЯВШЕЙСЯ 24—26.10.2013 г.
В ФГБОУ ВПО «НИЖНЕВАРТОВСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

**RESULTS FROM
THE INTERNATIONAL RESEARCH
AND PRACTICE CONFERENCE
«YUGRA, SIBERIA, RUSSIA:
POLITICAL, ECONOMIC,
SOCIOCULTURAL ASPECTS OF
THE PAST AND PRESENT»,
HELD AT NIZHNEVARTOVSK STATE
UNIVERSITY ON 24—26.10.2013**

Аннотация. В публикации содержится информация об итогах работы международной научно-практической конференции «Югра, Сибирь, Россия: политические, экономические, социокультурные аспекты прошлого и настоящего», состоявшейся 24—26 октября 2013 г. в НВГУ.

Ключевые слова: конференция; секция; участник; исследование; история; филология.

Сведения об авторах: Алексеева Любовь Васильевна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России; Цысь Валерий Валентинович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России.

Место работы: Нижневартовский государственный университет.

Abstract. The publication outlines the results from the International Research and Practice Conference «Yugra, Siberia, Russia: political, economic, sociocultural aspects of the past and present», which took place at Nizhnevartovsk state university on November 24—26 2013.

Key words: conference; section; participant; research; history; philology.

About the author: Lyubov Alekseeva, Doctor of Historical Sciences, Professor at the Department of History of Russia; Valery Tsys', Doctor of Historical Sciences, Professor at the Department of History of Russia.

Place of employment: Nizhnevartovsk State University.

Контактная информация: 628605, Ханты-Мансийский округ — Югра, г. Нижневартовск, ул. Ленина, д. 56; тел.: (3466)273510.

E-mail: roshist@mail.ru

Международная научно-практическая конференция была посвящена 20-летию высшего исторического образования и 25-летию высшего филологического образования в Ханты-Мансийском автономном округе. Организаторами научного мероприятия стали кафедра истории России, кафедра филологии и массовых коммуникаций, кафедра документоведения и всеобщей истории, кафедра лингвистики и перевода гуманитарного факультета.

Подготовительная работа включала в себя несколько этапов: 1. Разработка концепции торжественных мероприятий, формирование оргкомитета, финансовое обеспечение (февраль 2012 г.). 2. Подготовка информационного письма, его рассылка с приглашением принять участие в конференции видных ученых и специалистов, подготовка издания спецвыпуска журнала «Преподавание истории в школе», подготовка и редактирование докладов для конференции, подготовка оригинал-макета сборника материалов, публикация материалов конференции в печатном и электронном вариантах (март 2012 — июнь 2013 г.). 3. Разработка и издание программы конференции, подготовка папок участников конференции, оформление фотовыставки, оформление выставки научных и научно-методических трудов кафедр. 4. Организация встречи, размещения, отъезда иногородних участников конференции; культурная программа.

В конференции приняли участие (очно и заочно) более 170 человек. В очной форме в числе участников оказались представители администрации Нижневартовского района, преподаватели и студенты Нижневартовского и Южно-Уральского государственных университетов, историки из Астаны, Владимира, Москвы, Нижневартовска, Нижневартовского района, Сургута, Тюмени. В очной работе конференции приняли участие 24 доктора, 47 кандидатов наук и 5 магистров. На пленарных заседаниях и в шести секциях конференции были обсуждены актуальные проблемы всеобщей и отечественной истории (в том числе региональной), теории и методики обучения истории, вопросы историографии и источниковедения, а также проблемы русской словесности и иностранной филологии. В секциях «Отечественная история», «Проблемы историографии российской истории» прозвучали доклады, посвященные новым подходам в изучении актуальных проблем отечественной истории, выявлению и анализу исторических источников, проблемам образования на территории края в годы Великой Отечественной войны и послевоенные годы, истории нефтегазового освоения и др. В секции «Проблемы теории и методики обучения истории» прозвучали доклады и сообщения, отражающие актуальные вопросы теории и методики обучения истории в условиях перехода на ФГОС. В секции «Проблемы изучения всеобщей истории» нашли отражение вопросы истории и историографии Западной Европы и Востока от средневековья до современности. В секции выступили участники, представляющие кафедру филологии и массовых коммуникаций НВГУ, а также образовательные учреждения других городов. Тематика докладов отличалась многообразием проблематики и направлений научной деятельности, касающихся вопросов лингвистической терминологии в историческом аспекте, речевого поведения и сравнительно-исторического изучения творчества поэтов Серебряного века. Не остались без внимания вопросы лингвистической экологии, процессы, происходящие в современном русском языке. Один доклад представлял новый подход, состоящий в использовании социальных медиа-структур в различных сферах жизнедеятельности человека. Выступления многих докладчиков вызвали оживленные дискуссии. В секции «Язык в социокультурном пространстве» получили отражение актуальные проблемы лингвистики и перевода, а также использования новых технологий в обучении иностранным языкам.

Участники конференции приняли резолюцию, в которой обратили внимание на следующие аспекты состояния исторической науки и исторического образования в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре:

1. Конференция отмечает значительные успехи, достигнутые учеными Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в изучении отечественной и всеобщей истории, историографии, источниковедения, краеведения.

Заслуги югорских ученых нашли признание на региональном и всероссийском уровнях, что выразилось в ходе реализации совместных проектов с институтом истории Сибирского отделения РАН, Институтом всеобщей истории РАН, Институтом истории и археологии Уральского отделения РАН, ведущими вузами Урало-Сибирского региона; в большом числе научных публикаций; подготовке квалифицированных научных кадров.

2. Конференция констатирует, что к настоящему времени в вузах Югры сформировались научные школы, занимающиеся проблемами историографии и источниковедения истории Сибири; социально-экономического, политического и духовного развития Югры; археологии Среднего Приобья; истории Западной Европы XIX—XX вв.; актуальными вопросами теории и методики обучения истории по ряду других направлений.

3. Конференция обращает внимание на необходимость внедрения полученных результатов в практику, прежде всего, в образовательные учреждения Югры путем включения в школьные курсы отечественной истории новых научных данных об истории округа, элективных курсов по родной истории; возможна разработка специального учебно-методического комплекса по истории края для разных возрастных групп учащихся школ ХМАО — Югры.

4. Конференция подчеркивает необходимость координации научной деятельности ученых Югры для реализации совместных исследований, лоббирования научных и образовательных проектов перед органами законодательной и исполнительной власти. Снижение внимания государства к проблемам фундаментальной науки в целом и гуманитарного знания в частности требует объединения усилий для работы по приоритетным направлениям, в которых в первую очередь заинтересованы государство, бизнес, общество в целом.

5. В сфере высшего исторического образования остаются нерешенными проблемы академической мобильности студентов-историков, международного сотрудничества, обмена преподавателями и студентами, участия в международных научных проектах.

Оргкомитет благодарит всех, кто принял участие в конференции, и надеется на дальнейшее плодотворное сотрудничество историков Югры, России, Ближнего и Дальнего зарубежья в деле изучения актуальных проблем российской и всемирной истории.

Уважаемые коллеги!

Издательство Нижневартковского государственного университета приглашает ученых, преподавателей, сотрудников научно-исследовательских институтов и лабораторий, аспирантов, соискателей опубликовать результаты своих исследований в области гуманитарных, естественных и технических наук.

«Вестник Нижневартковского государственного университета» — периодическое научное издание. Журнал выходит ежеквартально.

Тематические выпуски издания:

- «Исторические науки»
- «Филологические науки»
- «Естественные науки и науки о Земле»
- «Культурология. Философия. Социология»
- «Психологические и педагогические науки»
- «Физико-математические и технические науки»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия; свидетельство о регистрации № ФС77-55479 от 25.09.2013 г.

«Вестник Нижневартковского государственного университета» зарегистрирован в ISSN реестре: ISSN 2311-1402 (печатная версия журнала); ISSN 2311-4444 (электронная версия журнала).

Журнал включен в Каталог российской прессы «Почта России» (подписной индекс: 24943) и в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Публикация в журнале бесплатная.

Как опубликовать статью?

Вы отправляете нам статью и сведения об авторе по адресу e-mail: uni@nggu.ru.

Оформление статьи: формат листа — А4, поля вокруг текста — 2 см, гарнитура шрифта — Times New Roman, размер шрифта — 12 пт, межстрочный интервал — одинарный, абзацный отступ — 1 см, список литературы — по ГОСТ 7.0.5.2008. Статья помимо основного текста должна содержать аннотацию и ключевые слова (на русском и английском языках), код УДК. Сведения об авторе: Ф.И.О. полностью, ученая степень, ученое звание; аспиранты, соискатели — указать вуз и кафедру; место работы (город, организация, подразделение), должность; корреспондентский почтовый адрес; контактный телефон; контактный e-mail.

Аспиранты и соискатели дополнительно предоставляют отзыв научного руководителя на статью.

Статья направляется на рецензирование (7—14 рабочих дней). При положительной рецензии работа публикуется в ближайшем выпуске, соответствующем тематике Вашей статьи; один экземпляр издания направляется Вам.

В случае отказа в публикации автору направляется мотивированный отказ.

Контактная информация

Адрес: 628600, Россия, г. Нижневартовск, ул. Ленина, д. 56, Нижневартковский государственный университет, управление научных исследований (каб. 219).

Телефон: (3466) 451820

E-mail: uni@nggu.ru

Web: www.nggu.ru или nggu.pф

Куратор: Овечкина Елена Сергеевна, начальник управления научных исследований